

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ
РОССИЙСКИЙ ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦДУМ РОССИИ**

Айгуль Зиннуровна Кулбахтина

**ТРАДИЦИОННАЯ ШКОЛА МУСУЛЬМАН БАШКИРИИ НА РУБЕЖЕ
ВЕКОВ.**

УФА 2012

УДК
ББК
Г

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Башкирского государственного педагогического университета*

Кулбахтина Айгуль Зиннуровна

Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX–XX веков: монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. – 12 п.л.

Монография посвящена истории обучения и воспитания в системе мусульманского образования в Башкирии на рубеже XIX–XX веков. Отмечается гуманитарная направленность этой системы, где успешно сочетались духовное (религиозное) и профессиональное (светское) обучение, построенное на основе идеалов и ценностей ислама с учетом особенностей собственного языка и культурных традиций народов, исповедующих ислам. В монографии рассматривается проблема трансформации старометодной конфессиональной мусульманской школы в новометодную светскую школу, борьба прогрессивной джадидистской идеологии с консервативным кадимистским течением в мусульманском обществе Башкирии на рубеже XIX–XX веков. Рекомендуется всем специальностям, где изучается духовное бытие человека и для студентов с углубленным изучением истории и культуры ислама

Рецензент:

1. Д.п.н., профессор Аминев Тахир Мажитович
2. К.ф.н. Фаизов Гали Биктимирович

Работа выполнена в рамках проекта

Комплексной программы «Содействие развитию мусульманского образования»,

Утвержденной Правительством РФ от 14.06.2007 №775-р. под руководством д.ф.н., профессора Валерия

Семеновича Хазиева

ISBN

© Издательство БГПУ, 2012
© А.З. Кулбахтина, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. История изучения проблемы реформирования мусульманского образования	6
Глава 2. Состояние мусульманского образования в Уфимской и Оренбургской губерниях до середины XIX в.	15
2.1. Роль конфессиональных школ в образовании мусульман	15
2.2. Государственные «инородческие» школы	41
Глава 3. Переход в «новометодную» систему образования	65
3.1. Исторические предпосылки трансформации кадимистских школ в джадидистские	68
3.2. Проекты реформирования мусульманской школы. Джадидистская реформа образования	76
Глава 4. Новометодные школы, как центры образования, просвещения и культуры мусульман	88
4.1. Формирование материальной базы	88
4.2. Организация учебно-воспитательного процесса	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	123

Введение

Образование играет важную роль в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном развитии страны. Аккумулируя общественный опыт (научные и технические знания, культуру, традиции, этические и моральные нормы, нравственные и духовные ценности) и перераспределяя его в изменяющихся исторических условиях, оно оказывает огромное воздействие на человека и общество. Процессы модернизации в современной системе образования, находящейся в поиске оптимальной и наиболее эффективной образовательной модели, делают актуальными исследования исторического опыта в этой сфере. Образовательные традиции прошлого, тесно связанные с российской действительностью, менталитетом, культурой и духовными ценностями могут использоваться при создании современной системы образования.

На территории Башкортостана всегда высоким был удельный вес мусульманского населения, что предопределило развитие мусульманского образования. Во

второй половине XIX в. в связи с социально-экономическими изменениями появилось осознание необходимости реформирования сферы мусульманского образования. Модернизация происходила в сложнейших условиях борьбы старого с новым, кадимизма с джадидизмом. Реформирование мусульманского образования стало эффективным инструментом просвещения мусульманских народов России. Этот позитивный опыт целесообразно учитывать при создании системы образования в национальных регионах. Сегодня, когда мы находимся на пути внедрения религии в общеобразовательные школы, изучение вопросов истории религиозного образования приобретает неоспоримую научную актуальность и практическую значимость.

На современном этапе федеральное руководство осознает значимость религиозного образования, которое стало неотъемлемой частью образовательной системы России. В январе 1989 г. на основании Постановления Совета по делам религии при Кабинете Министров СССР в г. Уфе было открыто первое духовное учебное заведение в стране – медресе им. Ризы Фахретдина при ЦДУМ России, которое в 1996 г. было преобразовано в Исламский институт. За годы своей деятельности учебное заведение выпустило около 500 имам-хатыбов для мусульманских общин России и стран СНГ. В 2001 г. Исламскому институту было передано здание бывшего медресе «Галия» – крупного духовно-образовательного центра начала XX века. С 2003 г. это высшее духовное учебное заведение профессионального религиозного образования зарегистрировано в Министерстве Юстиции РФ как «Российский исламский университет» Центрального Духовного Управления мусульман России и имеет государственную лицензию Министерства образования РФ.

28 февраля 2008 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Федеральный закон N 14-ФЗ «О внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)»¹. Согласно которого на слушателей духовных учебных заведений (семинарий, медресе и др.) отводится изучение общеобразовательных дисциплин в объеме Государственного образовательного стандарта и их выпускники получают дипломы государственного образца, что значительно расширяет сферу их профессионального применения. Реальной становится перспектива их работы в светских учебных заведениях.

В последние годы установлено активное сотрудничество между БГПУ им. М. Акмуллы и религиозными учебными заведениями республики и соседних областей: Российским исламским университетом ЦДУМ России, медресе им. М. Султановой и рядом других медресе Башкортостана, Оренбургской и Ульяновской областей. Осуществляется подготовка студентов, магистров, аспирантов по специальностям «юриспруденция» с углубленным изучением истории и культуры ислама. Педагогический университет в рамках программы по подготовке специалистов по истории и культуре ислама, направленной на профилактику экстремизма и формирование у обучающихся установок толерантности, занимается разработкой учебно-методических пособий и хрестоматий для исламских учебных заведений, проводит дистанционное обучение специалистов по работе с религиозными и молодежными организациями. В течение пяти лет проводится международная конференция «Идеалы и ценности ислама в образовании XXI века» по актуальным проблемам современной системы исламского образования.

¹ Российская газета. – 5 марта, 2008 г. – № 4604.

Глава 1. История изучения проблемы реформирования мусульманского образования

Изучение мусульманского образования имеет богатую историю. Во второй половине XIX в. в России развивается Казанская научная школа востоковедения. Центральное место отводилось педагогической системе известного ученого-тюрколога и педагога Н.И. Ильминского, которая основывалась на обучении русскому языку на родном языке учащихся. Система Н.И. Ильминского на несколько десятилетий определила курс государственной образовательной политики в отношении мусульман².

Для трудов либерально-демократического направления характерны критический подход в оценке школьной политики правительства и попытка глубже осмыслить происходившие процессы. В них признавалось право нерусского населения на национальную школу на родном языке. Важную роль в развитии общественной мысли об образовании инородческих народов Российского Востока сыграл I Всероссийский съезд по народному образованию, состоявшийся в 1913 г. На съезде развернулись жаркие дебаты по проблеме, которые продолжались на страницах сборника статей «Иностранная школа»³.

Самостоятельную группу работ составляют исследования земского деятеля М.И. Обухова, центральное место среди которых занимает исследование «Мектебы Уфимской губернии». Работу положительно характеризует беспристрастное отношение, точные цифровые данные, позволяющие судить о масштабах распространения мусульманской школы, государственной политике по отношению к ней⁴.

В историографии особо следует выделить Ризаэтдина Фахретдинова. Ученый связывал большие надежды с новометодными формами обучения⁵. Он оставил значительное научное наследие, составляющее свыше ста томов, большая часть которого осталась неизданной. Ведя активную научную работу, Р. Фахретдинов параллельно изучал и архив Духовного собрания. Он приложил огромные усилия для упорядочения и систематизации фондов этого архива, обеспечения его целостности и сохранности. Материалы этого богатейшего

² Ильминский Н.И. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. – СПб., 1886; Машанов М.А. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. – Казань: Тип. И.С. Петрова, 1910. – С. 13–72; Череванский В.П. Мир ислама и его пробуждение. – СПб.: Государственная тип., 1901. – С. 115–382; Бобровников Н.А. Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной России. – Пг.: Сенатская тип., 1917. – С. 1–36; Коблов Д.Я. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань: Центральная тип., 1916. – С. 1–119; Остроумов Н.П. К истории мусульманского образовательного движения в России // Мир ислама. – 1913. – Т. 2. – Вып. V. – С. 302–326; Крымский А.Е. Школа, образованность и литература у российских мусульман (Культурно-этнографический очерк). Пер. с укр. // Этнографическое обозрение. – Кн. 63. – 1904. – № 4. – С. 1–23.

³ Голубев И. Закон 1 июня и инородческая школа // Иностранная школа: Сб. ст. – Пг., 1916. – С. 76–95; Малиновский Н.П. Законодательство об инородческой школе // Там же. – С. 119–158; Русова С. Иностранная школа и ее запросы // Там же. – С. 18–28; Солец В. Родной язык в инородческой школе // Там же. – Пг., 1916. – С. 66–75; Цаликов А.Х. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.: Тип. А.И. Тер-Арутюнова, 1913. – С. 18–104.

⁴ Обухов М.И. Народное образование в Уфимской губернии в 1917 г. Краткий очерк состояния народного образования ко времени преобразования земства. – Уфа, 1917. – С. 2–18; Он же. Школьная статистика за 1913–1914 учебный год. – Уфа: Изд. Уф. губ. земст., 1915. – С. 5–67; Он же. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской земской управы. 1912–1913 гг. – Уфа: Изд. Уф. губ. земст., 1915. – С. 1–92 и др.

⁵ Фахретдинов Ризаэтдин. Асар (на баш. яз). – Уфа, 2006. – Т. 1; Фахретдинов Риза. Салима и целомудрие // Татарская просветительская литература (1860–1905). Хрестоматия. / Сост. М.Х. Гайнуллин. – Казань, 1980.; Фахретдинов Р. Болгар въ казан тореклэре. – Казан, 1993. – 238 с.; Шакур Р. Великий подвижник науки и просвещения // Ватандаш. – 2008. – № 10. – С. 22–36.

фонда легли в основу его многотомного био-библиографического исследования «Асар» («Следы»), издававшегося с 1900 по 1908 гг. Произведение содержит около 1 000 биографий видных ученых, деятелей культуры Урало-Поволжья, что свидетельствует о культурно-образовательном уровне мусульман. Также в работе имеются биографии религиозных реформаторов и мударрисов крупнейших медресе края⁶. В последнее время увидели свет труды реформаторов мусульманского образования, видных общественно-политических деятелей второй половины XIX–начала XX в.⁷

Отечественные исламоведы и этнографы анализируют уровень образования в мусульманских школах, обращают внимание на то, что успехи джадидистской реформы видны в крупных административных центрах⁸.

В целом, дореволюционные авторы накопили и систематизировали большой фактический материал. В то же время существенным недостатком работ данного периода является узость источниковой базы, ярко выраженная идейная направленность выводов о роли и месте новометодных школ в просвещении мусульман.

В первые годы Советской власти к проблемам становления и развития новометодного мусульманского образования обращался Дж. Валидов. Впервые в отечественной историографии он дает периодизацию джадидизма, рассматривает биографии его идеологов, их вклад в реформирование мусульманских школ⁹. С конца 20-х годов историческая наука начинает отражать идеологические установки коммунистической партии. Обо всем, что не вписывается в определенные схемы, умалчивалось, объективный анализ событий подменялся лишь констатацией достигнутых успехов, по отношению к вопросам мусульманского образования преобладает негативный подход¹⁰.

Формирование многонациональной образовательной системы в советских республиках являлось стимулирующим фактором для появления первых диссертаций и монографий на историко-педагогические темы. В этих исследованиях умалчивались сложные процессы зарождения и прогрессивные тенденции в развитии дореволюционного мусульманского образования¹¹. В работах много цифровых данных по истории отдельных нерусских школ. Авторы опираются лишь на русскоязычные источники, что

⁶ Фахретдинов Ризаэтдин. Асар. – Казань, 2006. – Т. 1. – 360 с.; Фахретдинов Ризаэтдин. Асар. – Уфа, 2006. – Т. 1.

⁷ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли. Заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1991; Расулев З. Божественные истины / Сост., коммент. и пер. с араб. И.Р. Насырова. – Уфа: Китап, 2008. – 240 с.; Абызгильдин З. Воспоминания о медресе // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 118–124; А.-З. Валиди Тоған. Воспоминания. – Ч. 1. – Уфа, 1994. – С. 48–50.

⁸ Рыбаков С.Г. Ислам и просвещение инородцев. – СПб., 1900. – С. 3–12; Любимов А.А. Мактабы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 2. – С. 1–10; Ардашев А.С. Современное состояние мусульманских конфессиональных школ в России и стремление мусульман к их преобразованию // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1915. – № 6-7. – С. 244–258.

⁹ Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы поволжских татар до революции 1917 г. – М.-Пг.: Гос. издат, 1923. – С. 5–86, 96–107.

¹⁰ Абзанов Ш.С. К вопросу о народном образовании в Башкирии. – Уфа, 1934. – С. 1–24; Хасанов М. Культурное строительство Башкирской АССР за 20 лет // 20 лет Башкирской Автономной Республике. (1919–1920 гг.) – Уфа, 1939. – С. 145–160.

¹¹ Еникеев А.А. Русско-башкирская начальная школа в дореволюционной Башкирии: Дисс. ... канд. пед. наук. – Уфа, 1945. – С. 45–50; Идельгужин К.А. К вопросу истории башкирской школы: Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1935; Мамлеева Т.М. Женское образование башкирок и татарок в дореволюционной Башкирии: историко-педагогические очерки. – М., 1952. – С. 59–128; Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. – М.: Учпедгиз, 1948. – С. 49–66; Рашитов А.К. Начальная школа Башкирии за 20 лет. – Уфа, 1941; Селезнев Н.А. Нерусские школы в Башкирии второй половины XIX века и начала XX века: Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1948.

явно недостаточно для объективного изложения проблемы. В монографии В.М. Горохова делался вывод о положительной роли русско-татарских школ в распространении русского языка и сближении татар с русской культурой, дается позитивная оценка новометодной системы образования в дореволюционных медресе¹².

Состояние дореволюционной системы образования мусульманских детей края получило отражение в трудах бывших министров просвещения С.Р. Алибаева и Ф.Х. Мустафиной. Их работы изобилуют цифровыми данными и умозаключениями, направленными на доказательство превосходства советской школы над дореволюционной¹³.

Заметный интерес к изучению данной проблемы наблюдается в 50–70-е гг., что объясняется значительными успехами в развитии образования в советских республиках, а также общим подъемом уровня исследований историков. В этот период расширяется круг исследований, в научный оборот вовлекаются новые архивные источники¹⁴. Р.И. Нафигов ставит вопрос о неправомерности отождествления джадидизма с пантюркизмом. Исследователь доказывает, что обвинения джадидистов в пантюркизме – это искусственно созданная акция властей, подкреплённая деятельностью жандармерии¹⁵. Г.С. Исмагилов связывает джадидизм с пробуждением национального самосознания татар и башкир в крае¹⁶. Особо нужно выделить монографию Б.Х. Юлдашбаева по дореволюционной духовной истории башкирского. По мнению автора, реформы образования были вызваны назревшими экономическими и духовными запросами башкирской, татарской и других наций, являлись единственным выходом для выживания мектебов и медресе¹⁷. Казанские исследователи подчеркивали, что «джадидизм, начавшись как новое течение в области педагогики, методов обучения, превратился потом в общественно-политическое течение, охватившее важнейшие стороны жизни татарского общества»¹⁸. Я.Г. Абдуллин развил и аргументировал позицию Г. Ибрагимова о джадидизме как этапе просветительства¹⁹.

С середины 90-х гг. XX в. историки приступили к более глубокому изучению отдельных аспектов проблемы мусульманского образования, одной из которых стала проблема джадидизма²⁰. Живой интерес исследователей привлекает история национального образования. Вопрос о месте и прогрессивной роли новометодных школ в просвещении мусульман был поднят Л.Ш. Сулеймановой²¹. В ее работе прослеживается формирование

¹² Горохов В.М. Реакционная политика царизма в отношении татар Поволжья. – Казань: Татгосиздат, 1941.

¹³ Алибаев С.Р. Школы Башкирской АССР. Прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития. – Уфа, 1966. – С. 20–45; Мустафина Ф.Х. Народное образование в Башкирской АССР. – Уфа, 1960. – С. 7–9.

¹⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. – Т. 1. – Ч. 2. – Уфа: Башкиргоиздат, 1959. – С. 239, 266–267, 448; История Татарской АССР. – Т. 1. – Казань, 1955. – С. 370; Батыев С.Г. Татарский джадидизм и его эволюция // История СССР. – № 4. – 1964. – С. 53–63; Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М., 1965. – С. 61.

¹⁵ Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. – Казань, 1964. – С. 98–99.

¹⁶ Исмагилов Г.С. К вопросу об оценке буржуазной философской и общественной мысли в Башкирии начала XX века // Вопросы марксистско-ленинской философии. – Уфа, 1969. – С. 145–165.

¹⁷ Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. – Уфа, 1972. – С. 245–256.

¹⁸ Тутаев М.З. Развитие народного образования в Татарии (1917–1940). – Казань, 1975. – С. 18.

¹⁹ Абдуллин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории общественно-политической мысли. – Казань, 1979. – С. 97.

²⁰ Исхаков. Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань: Иман, 1997. – С. 9, 12; Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX вв. – Казань, 1998. – С. 7–31; Он же. Место джадидизма в татарской общественной мысли конца XIX–начала XX вв. // Эхо веков. – 1999. – № 2. – С. 163–164; Он же. Марджани. – Казань, 1997; Хабутдинов А.Ю. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII–XIX вв. – Казань, 2000. – С. 47; Он же. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар. – Н. Новгород, 2006. – С. 3–95; Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань, 1980; Юсупов М.Х. Галимжан Баруди. – Казань, 2003. – С. 5–200; Камалов Т. Зия Камали. – Казань, 1997. – С. 3–51.

²¹ Сулейманова Л.Ш. История становления и развития национальных общеобразовательных школ и педагогических учебных заведений в Башкортостане (1900–начало 70-х гг. XX в.): Дисс. ... д-ра ист. наук. – Уфа, 2000. – С. 3–48.

концепции по созданию национального образования на основе мусульманской школы, освещена деятельность джадидистов в этом направлении²². М.Н. Фархшатов ввел в научный оборот большой фактический материал, извлеченный из центральных архивов и местных архивов, что позволило ему проанализировать уровень народного образования в конце XIX в., выявить предпосылки реформирования мусульманского образования. Он впервые в исторической литературе признает положительную роль старометодного образования²³. В приложении к монографии автора, посвященной анализу государственной политики царского правительства в сфере образования мусульманского населения края в первое десятилетие XX в., автор опубликовал солидную массу источников²⁴.

Рост национального самосознания народов России вызвал интерес исследователей к истории мусульманских школ и отдельных медресе. В этих работах рассматривались история открытия медресе, их учебные программы, кадровые вопросы, источники финансирования новометодных школ и деятельность просветителей-реформаторов²⁵.

К теме данного исследования определенный интерес проявили и западные ученые²⁶. Так, в книге Т. Давлетшина «Советский Татарстан», изданной в Лондоне в 1974 г., джадидизм был отождествлен со школьной реформой²⁷. Среди них следует выделить труды немецкого исследователя А. Каппелера, которые имеют методологическое значение для изучения проблемы²⁸. Французский историк С. Дюдуаньон рассматривает джадидизм как часть реформистских движений второй половины XVIII в.–начале XX в. По утверждению автора, принципиальные различия между джадидистами и кадимистами лежали в вопросах идеологического влияния на мусульман²⁹.

На рубеже XX–XXI вв. появились труды историков, посвященные истории мусульманских учебных заведений, их роли в системе мусульманского образования³⁰. В общей массе монографических

²² Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое сорокалетие XX века. – Уфа, 2000. – С. 20–83.

²³ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. – Уфа, 1994. – С. 48–49, 83–92, 110–111.

²⁴ Свидетельствуют документы. Приложение // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX в. (1900–1917). – Уфа: Гилем, 2000. – С. 111–259.

²⁵ Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период: Сб. ст. – Казань, 1992. – С. 23–59; Махмутова А.Х. Феномен Мухлисы Буби // Эхо веков. – 2000. – №1-2. – С. 213–214; Рахимов С. Медресе «Галия» // Идель. – 1991. – № 1. – С. 36–39; Карпенкова Т.В. Самодержавие и российские мусульмане (вторая половина XIX–февраль 1917 г.) – М.: Изд-во Российской экономической академии, 2003. – С. 3–50, 102–150; Муфтухетдинова Д.Ш. Эволюция политики российского государства по отношению мусульман Поволжья и Приуралья. Вторая половина XVI–начало XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999. – С. 3–22, 101–162; Сызранов А.В. Эволюция государственной политики России по отношению к мусульманскому населению в конце XIX–XX вв. (на материалах Нижнего Поволжья): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2004. – С. 3–18.

²⁶ Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством / Пер. с нем. И.А. Гилязова. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 675 с.; Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев – последний Великий Шейх суфийского братства Накшбандийа в Волго-Уральском регионе // Ватандаш. – 1998. – № 9. – С. 123–138.

²⁷ Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. – Лондон, 1974. – С. 46–50.

²⁸ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М.: Прогресс, 1996. – 380 с.; Он же. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам российской империи // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 129–135.

²⁹ Дюдуаньон С. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII–начало XX вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность: материалы международного симпозиума. Специальный выпуск. Казань, 29 апреля–1 мая 1996 г. – 1997. – № 2.

³⁰ Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» – высшее мусульманское учебное заведение Башкортостана (1906–1919). Уфа, 2006; Аминов Т.М. Система педагогического образования в Башкирии. Конец XVIII–начало XX века. – Уфа: Башгоспединститут, 1999. – С. 83–86; Он же. Мусульманские педагогические учебные заведения Башкортостана в конце XIX–начале XX вв. // Ватандаш. – 2000. – № 8. – С. 181–184; Рахимкулова М. Медресе «Хусанния» в Оренбурге. – Оренбург, 1997. – С. 4–190.

и диссертационных исследований последних лет по реформированию мусульманского образования, своей позицией в защиту кадимистской школы выделяется работа Д.С. Мухаметзяновой³¹.

Большое количество статей по теме исследования содержится в энциклопедических изданиях³². В последние годы вопросы мусульманского образования стали обсуждаться на научных конференциях³³. На страницах республиканских и региональных газет и журналов регулярно стали публиковаться материалы о мусульманских учебных заведениях и их руководителях³⁴.

Таким образом, за полтора столетия в стране и ее регионах историками накоплен большой материал по истории реформирования религиозной школы мусульманского населения России. Исследователями поставлены и подверглись анализу многие аспекты этой сложной и научно актуальной проблемы. Однако до сих пор в отечественной историографии нет обобщающих работ по изучаемой теме.

Исследование имеет богатую источниковую базу. Основная масса архивных источников извлечена из фондов Центрального Государственного Исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Центрального Государственного архива общественных объединений РБ (ЦГАОО РБ), Научного архива Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

В фонде «Попечителя Оренбургского учебного округа» ЦГИА РБ содержатся материалы переписки об открытии русско-башкирских школ, о закрытии русских классов при медресе, переписка с чиновниками жандармских управлений и губернаторов, входивших в состав Оренбургского учебного округа, содержащая информацию о деятельности джадидистских учебных заведений, педагогическом персонале, выпускниках, сторонниках новометодного образования и т.д.³⁵

В фонде «Директора народных училищ Уфимской губернии» ЦГИА РБ хранятся документы об «инородческих» училищах, а также русских классах при медресе с 1865 по 1918 гг. Здесь содержатся переписка об открытии и

³¹ Мухаметзянова Д.С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – С. 3–200.

³² Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с.; Башкирская энциклопедия. – Т. 1-5. – Уфа, 2005–2010; Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. – Вып. 1. – М., 1998; Указ. соч. – Вып. 3. – М.: 2001; Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. – Т. 1. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006; Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004. – С. 78, 207–208; Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве / под ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа, 2009.

³³ Образование и просвещение в Казани в XIX в. Сб-к статей. – Вып. 1. / Отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. – Казань: 2008. – 200 с.; Медресе Буби: крупнейший центр просвещения и его вклад в развитие истории и культуры.; Медресе Хусаиния: крупнейший центр просвещения и его вклад в развитие истории и культуры татарского народа; Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию медресе «Галия». 31 октября 2006 г. – Уфа, 2006. – 162 с.; Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель, философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира: материалы международной научно-практической конференции (5-7 июня 2008 г., г. Уфа). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 392 с. и др. Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI в.: материалы IV Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2011. – 296 с.

³⁴ Магдеев Д. Путь учителя // Башкортостан. – 24 июля 2002. – С. 4; Магдеев Д. Медресе «Галия» (на баш. яз.) // Башкортостан. – 29, 30, 31 января 2002. – №№ 20–21. – С. 3 и др.

³⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 67, 72, 101, 117, 162.

отчеты о состоянии училищ, о времени открытия новых училищ, учебные программы этих школ³⁶.

Фонд «Инспектора народных училищ Уфимского уезда» содержит материалы обследования мектебов и медресе, отчеты инспекторов. Данные сведения, к сожалению, носят фрагментарный характер, поэтому требуют привлечения дополнительных источников³⁷.

В фонде «Канцелярия Уфимского губернатора» сохранились сведения, дающие представление о степени распространенности мусульманских школ, об их материальной базе во второй половине XIX в. В отдельных делах фонда (переписка о сборе сведений об учителях средних и низших школ) собраны документы, отражающие обеспокоенность правительства в связи с возникновением в мусульманской среде джадидизма³⁸.

В фонде «Оренбургское Магометанское Духовное собрание» содержится переписка об обучении детей грамоте, об открытии новых медресе, сведения о количестве мечетей, духовенства, что является ценным источником в решении вопроса о численности мусульманских школ во второй половине XIX в.³⁹

Богатый материал сохранился в фонде «Медресе «Галия», где имеются сведения по истории создания и функционирования медресе «Галия», об источниках его финансирования, воспоминания шакирдов, которые в совокупности позволяют воссоздать историю медресе. Ценными материалами являются сохранившиеся в этом деле списки шакирдов 1916/1917 и 1917/1918 учебных лет, составленные старостой курса. В данном фонде отложились программы некоторых литературных и музыкальных вечеров, которые позволяют воссоздать проводимые в медресе культурные мероприятия и сделать вывод о значительной роли эстетического воспитания учащейся молодежи⁴⁰.

В фонде «Жандармское Управление» хранятся списки и сведения об учащихся и служащих в мусульманских медресе г. Уфы по состоянию на 1912–1913 гг. Жандармские списки являются наиболее полными и содержат базовую информацию об учащихся: имя, фамилию, возраст, место рождения, в чем заключается его исключительная ценность⁴¹.

Из фондов ЦГАОО РБ была извлечена информация о религиозных школах, отношении мусульманства к реформированию в области религиозного образования, документы «петиционной компании» мусульман Уфимской и Оренбургской губернии на имя С.Ю. Витте⁴².

³⁶ Там же. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 267, 312, 316, 320, 329, 339, 344, 348, 462, 469, 502 а, 503, 510, 517, 519, 534, 644, 647, 676.

³⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 2, 5, 11, 19, 21, 26, 28, 61, 112, 169, 170, 171.

³⁸ Там же. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 599, 656, 925, 959, 1110, 1179, 1182, 1182 (а), 1274.

³⁹ Там же. – Ф. И-295. – Оп. 6. Т. 1. – Д. 87 а, 200, 1115, 1269, 1447, 1455, 2765; Оп. 6. Т. 2. – Д. 2535, 2765, 3068, 4121; Оп. 8. – Д. 877, 1116, 1258; Оп. 11. – Д. 523, 622, 674, 815 и др.

⁴⁰ Там же. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 1–23.

⁴¹ Там же. – Ф. И-187. – Оп. 1. – Д. 521, 522, 523, 524.

⁴² ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 495, 510; Ф. 1832. – Оп. 4. – Д. 58; Ф. 8908. – Оп. 1. – Д. 18.

Из фонда Института истории, языка и литературы Научного Архива УНЦ РАН были извлечены данные о состоянии мусульманского образования к началу XX в., уровне общественно-политической мысли⁴³.

Разнообразный материал о мектебах и медресе имеется в фондах ГАОО. Фонд медресе «Хусаиния» содержит сведения о количестве учащихся и преподавателях медресе. В Фонде Оренбургского губернского жандармского управления отложились материалы о работе ряда новометодных медресе, извлечена информация о материальной базе мусульманских школ, о преподавателях, предметах, изучаемых в медресе⁴⁴.

Среди источников важное место занимают материалы, извлеченные из архивов Москвы. В фонде Генерального межевания РГАДА отложились сведения о мечетях⁴⁵. В Государственном архиве РФ хранятся материалы об издании религиозной литературы, о разрешении преподавания предметов вероучения в мечетях и другие материалы⁴⁶.

Источники, извлеченные из архивов, позволяют с достаточной полнотой проследить историю реформирования мусульманских школ изучаемого региона на рубеже XIX–XX вв. В научный оборот введены новые документы по истории реформированных школ: жандармские списки учащихся и преподавателей новометодных медресе г. Уфы.

По проблеме исследования имеется широкий круг опубликованных источников, которые можно разделить на пять групп: законодательные акты, материалы делопроизводства, статистические материалы, источники мемуарного характера и периодическая печать.

Первая группа источников представлена законодательными актами, определяющими государственную политику по отношению к мусульманскому образованию народов Российского Востока⁴⁷. К этой категории относятся указы, циркуляры, распоряжения различных государственных органов начала XX в., имевшие отношение к школьному вопросу, в том числе и мусульманских школ и распоряжения центральных органов по мусульманскому образованию, опубликованные в тематических сборниках⁴⁸.

Ценным источником для исследования послужила делопроизводственная документация: протоколы Особого совещания по

⁴³ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 7. – Д. 35: «Ищериков П.Ф., Усманов А.Н. Культура Башкирии XIX в.»; Оп. 52. – Д. 10. – Л. 5–34; Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 4, 9, 19, 21, 41.

⁴⁴ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 618; Оп. 2. – Д. 625; Оп. 5. – Д. 1; Ф. 73. Оп. 1. – Д. 228, 307; Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 1–63.

⁴⁵ РГАДА. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 235, 240, 929, 932, 938, 1871, 1874, , 1879 и др.

⁴⁶ ГА РФ. – Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 16; Оп. 2. – Д. 4.

⁴⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2. – Т. 45. – № 48185; Т. 47. – № 50660; Т. 48. – № 48185 и др.; Манифест от 17 октября 1905 г. и положения Комитета Министров 17 апреля 1905 г., относящиеся к иноверцам и мусульманам, с разъяснениями. – Казань: Тип. братьев Каримовых, 1907. – 15 с.

⁴⁸ Свод законов, циркуляров и справочных изданий по народному образованию в переходный период / сост. В.И. Чарнолуцкий. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1908. – 276 с.; Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1899. – 61 с.; Инородческие и иноверческие училища: систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников, сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1903. – 62 с.; Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев, высочайше утвержденные 26 марта 1870 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. – СПб., 1884. – С. 673; Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, утвержденные министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. С изменениями, последовавшими 2 января 1907 г. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1907. – 6 с. и др.

выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае (январь, 1910 г.) и принятое по итогам его работы правительственное распоряжение, стенографические отчеты заседаний Государственной Думы различных созывов и работы их мусульманской фракции⁴⁹.

Третью группу опубликованных источников составляют материалы правительственной и региональной статистики⁵⁰. Динамика развития русско-башкирско-татарских учебных заведений и реформированных мусульманских школ прослеживается в отчетах попечителя Оренбургского учебного округа и директоров народных училищ, Министерства народного просвещения.

К опубликованным источникам можно отнести приложения к работе М.И. Обухова «Мектебы Уфимской губернии», которые собраны в 30 таблицах статистических материалов. В них на основании введения различных критериев, дана подробная характеристика состояния мусульманского образования накануне введения всеобщего начального образования⁵¹. Аналогичная информация содержится в работах И. Бикчентаева и Г.Н. Кильдибякова⁵².

Следующую группу источников составляют материалы периодической печати⁵³. Они свидетельствуют об общественно-политических взглядах среди мусульман на развитие национальной школы. Вопросы реформирования мусульманской школы получили широкое освещение на страницах журнала «Шура», главным редактором которого являлся Ризаэтдин Фахретдинов⁵⁴.

В «Журнале Министерства народного просвещения» (1860–1916 гг.) имеются отчеты министров просвещения, попечителей учебных округов, которые дают возможность проанализировать различные точки зрения на эти проблемы, определить методы работы министерства, этапы его деятельности в принятии отдельных решений⁵⁵.

На страницах научно-педагогического журнала «Вестник Оренбургского учебного округа» (1912–1915) печатались статьи по проблемам реформирования конфессиональной мусульманской школы⁵⁶. В

⁴⁹ Из протоколов заседания Особого совещания по выработке мер для противодействия тюрко-мусульманскому влиянию в Приволжском крае // Эхо веков. – Казань, 1998. – № 3/4. – С. 73–87; Журналы совещания при Уфимской земской управе по вопросу о типе начальной образовательной школы. 23–25 мая 1911 г. – Уфа, 1911; Государственная Дума. Комиссия по народному образованию. – СПб.: Государственная типография, 1909 – 835 с.; Совещание по выработке положений об инородческой школе. Доклад по выработке положений об инородческой школе. Б.м., б.г. – 54 с.; Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1914–1917 гг.: Сб. док. и матер. / сост. Л.А. Ямаева. – Уфа: Китап, 1998. – 384 с.

⁵⁰ Начальное народное образование в России. – Т. 1. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям Империи. – СПб., 1900; Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905; Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 г. – СПб., 1913; Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. – Уфа, б.г. – Табл. 2; Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. – Оренбург, 1870; Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1906; Школьная статистика за 1909–1910 уч. год. – Уфа, 1911.

⁵¹ Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской земской управы. 1912–1913 гг. – Уфа: Изд. Уф. губ. земст., 1915. – 92 с.

⁵² Бикчентаев И. Мектебы Оренбургской губернии. – Оренбург, 1916; Кильдибяков Г.Н. Магометанские школы (мектебы и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии. – Мензелинск, 1913.

⁵³ Инородческое обозрение. – Казань, 1912–1916: 1913. – Т. II. – С. 121–133; 1916. – Т. II. – № 4, 5; Два течения // Мир ислама. – 1913. – Т. II. – Вып. I. – С. 31–42; Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – 1913. – Т. II. – Вып. III. – С. 131–151; – Вып. IV. – С. 195–224; – Вып. V. – С. 279–301.

⁵⁴ Шура. – 1908. – № 1. – С. 7–8, 13–15; № 4. – С. 111–114, 114–116; № 5. – С. 139–141, 144–146; № 6. – С. 165–168; № 7. – С. 202–205; № 7. – С. 211–212.

⁵⁵ Журнал Министерства народного просвещения. – 1860–1916: Бобровников Н.А. Новые течения в мусульманских школах // Журнал Министерства народного просвещения. – Июль 1915 г.

⁵⁶ Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1912–1915: 1914. – № 2. – С. 1–10; 1915. – № 6-7. – С. 244–258.

официальной части журнала публиковались распоряжения руководства учебного округа относительно русско-башкиро-татарских и религиозных учебных заведений. Нормативные акты, регламентирующие деятельность мусульманских школ, публиковались в «Циркулярах по Оренбургскому учебному округу» (1865–1916)⁵⁷.

Источниковую базу проблемы значительно обогатили опубликованные архивные материалы в приложении к монографии М.Н. Фархшатова⁵⁸. Сборник документов под редакцией Т.М. Аминова систематизировал разрозненные материалы по истории мусульманского образования⁵⁹.

Таким образом, тема исследования базируется на богатой и разнохарактерной источниковой основе, что позволяет предпринять попытку глубокого анализа проблемы реформирования мусульманского образования на рубеже XIX–XX вв.

⁵⁷ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – Оренбург, 1875–1907; Уфа, 1907–1911: 1906. – № 4, 5. – С. 267–276.

⁵⁸ Свидетельствуют документы // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX в. (1900–1917). – Уфа: Гилем, 2000. – Приложение. – С. 111–259.

⁵⁹ Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность. Хрестоматия / сост. Т.М. Аминов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 429 с.; Аминов Т.М. Антология истории мусульманского образования в Республике Башкортостан. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 410 с.

Глава 2. Образовательное пространство мусульман Уфимской и Оренбургской губерниях до середины XIX в.

2.1. История, место и роль религиозных школ в образовании мусульман.

До середины XIX в. религиозное обучение являлось приоритетным направлением в образовании российского народа. К концу XIX в. мусульмане России по численности стали второй конфессией после православной⁶⁰. Ведущий эксперт МВД по мусульманскому вопросу⁶¹ С.Г. Рыбаков*, ссылаясь на материалы Всеобщей переписи населения России 1897 г. и документы Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, приводил следующие цифры: в 1897 г. в России было 13 889 421 мусульман, а в 1912 г. их стало 16 226 073⁶². Поэтому государственно-политическая администрация страны не могла игнорировать мусульманский вопрос. При решении огромного спектра государственных задач самодержавие сталкивалось с необходимостью учета интересов всех этноконфессиональных групп. А вторая по численности конфессия заслуживала серьезного внимания. В совокупность нерешенных задач входили и вопросы национального образования.

Особенно высокий удельный вес мусульманского населения был в Урало-Волжском регионе на территории Уфимской, Казанской и Оренбургской губерний. До 1917 г. исторический Башкортостан не представлял собой единой административно-территориальной единицы. Его территория входила в состав пяти губерний: Уфимской, Оренбургской, Вятской, Пермской и Самарской. Основная масса мусульманского населения проживала в пределах Уфимской (60,46 %) и Оренбургской (36,24%) губерний. В состав Уфимской губернии входили 6 уездов: Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский, Уфимский; Оренбургской губернии – 5 уездов: Верхнеуральский, Оренбургский, Орский, Троицкий, Челябинский.

Сложной была и этническая структура населения. В Уфимской губернии проживало 20, а в Оренбургской – 16 народностей. По Всеобщей переписи населения 1897 г. мусульман в Уфимской губернии насчитывалось 1 098 982 души обоего пола, что составляло 50,03 % населения губернии⁶³. Согласно данным этой же переписи в Оренбургской губернии проживало

⁶⁰ Арапов Д.Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 132.

⁶¹ Арапов Д.Ю. «...На почве общей для них религии – ислама» (С.Г. Рыбаков о мусульманском движении в России) // Источник. – 2003. – № 4.

* Рыбаков Сергей Гаврилович (1867–1922) этнограф и музыковед. Родился в семье педагога в Самаре. Юношеские годы Рыбакова прошли в Троицке. Окончил местную мужскую гимназию. Высшее образование – ист.-фил. факультет Санкт-Петербургского университета (окончил в 1890 г.), – консерватория по классу композиции Н. А. Римского-Корсакова. Сфера научных интересов: изучение культуры нерусских народов России. По поручению Русского географического общества и Академии наук Рыбаков совершил ряд музыкально-этнографических поездок в Приуралье, Сибирь, Среднюю Азию. Записанные ученым 204 мелодии башкирских и татарских песен вошли в его основной этнографический труд «Музыка и песни уральских мусульман» (СПб. 1897). С 1913–1917 гг. – чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, эксперт-референт по нехристианским конфессиям, в том числе исламу.

⁶² Рыбаков С.Г. Статистика мусульман в России // Мир ислама. – 1913. – Т. 2. – Вып. XI. – С. 758–759.

⁶³ Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2006. – С. 305.

899 910 башкир (40,98% от общего числа населения губернии)⁶⁴. В начале XX в. наблюдается тенденция к снижению удельного веса мусульман в крае, что объясняется переселением в ходе реализации столыпинской аграрной реформы русских и нерусских народов православного вероисповедания из малоземельных районов центральной России и Украины.

Высокий удельный вес мусульман в крае предопределил широкое распространение исламских школ на территории Башкортостана. Проникновение Ислама на территорию Башкортостана началось в X в. Однако распространение ислама было завершено в XIV–первой половине XVI вв.⁶⁵. Поэтому можно предположить, что появление исламских школ тоже относится к данному периоду. Риззэтдин Фахретдинов, крупнейший ученый-востоковед, утверждает, что исламские учебные заведения на Южном Урале появились в XVI в., потому что с этого времени в крае созрели условия для зарождения школ⁶⁶.

Вместе с проникновением ислама на территорию Башкортостана пришли миссионеры из Бухары, Багдада и других исламских центров. Распространение религиозных идей сочеталось с обучением местного населения арабской грамоте. Со временем эти функции взяли на себя выходцы из башкир, оканчивающие среднеазиатские и ближневосточные религиозные учебные заведения. Странствуя по башкирским волостям, они проводили занятия для желающих получить знания. В таких условиях говорить о существовании постоянно действующих школ преждевременно. Следовательно, вплоть до конца XVIII в. сохранялась традиция передвижной школы⁶⁷.

Хотя письменные источники зафиксировали первые религиозные школы во второй половине XVII в.⁶⁸, но их появление нужно связать со строительством мечетей, а во многих башкирских селениях мечети появились в конце XV в. П.И. Рычков со слов башкирского старшины Кидраса Муллакаева записал: «Ногайский хан Тюрк зимой жил в Уфе, а летом около р. Демы, при озере Акзират, да на речке Ислак; да и поныне на том озере мечеть, а на речке Ислак мечеть и каменные дома видны»⁶⁹. Следует добавить, что в первой половине XIV в. бассейн р. Демы стал объектом миссионерской деятельности известного среднеазиатского проповедника Хусейн-бека*, на могиле которого был воздвигнут надгробный камень с эпитафией, позволяющий датировать памятник 1342 г.⁷⁰ Сама

⁶⁴ Население Башкортостана: XIX–XXI века: статистический сборник. – Уфа: Китап, 2008. – С. 41.

⁶⁵ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – С. 72; НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 7. – Д. 35. – Л. 19.

⁶⁶ Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Р. Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. – С. 175.

⁶⁷ Лукманова Х.Х. Национальная школа Башкортостана: история и перспективы. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 22.

⁶⁸ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Ч. 1. – Уфа: Китап, 2006. – С. 360.

⁶⁹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Ч. II. – СПб., 1762. – С. 195.

* Хусейн-бек (около 1261–1337) – известный мусульманский миссионер, ногайский имам. Ученик суфийского поэта, шейха Ахмеда Ясави (1103–1166), основателя тюркского варианта суфизма и братства Ясавийа. На одной стороне надмогильной плиты, некогда стоявшей в изголовье могилы Хусейнбека, высечена арабская эпитафия. Надпись на могильном камне позволяет установить дату смерти Хусейнбека и некоторые обстоятельства его биографии – хаджи, сын Омарбека, родом из Туркестана. В конце 1990-х антропологом А.И. Нечвалодой была проведена первая в Башкортостане историческая реконструкция по черепу Хусейн-бека. Выводы данного исследования противоречат письменному свидетельству о возрасте миссионера, т.к. останки принадлежат мужчине 25–30 лет (см. Приложение).

⁷⁰ Гайсина (Кулбахтина) А.З. Древнейшее население Чишминского района РБ // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 190.

могила находится в культовом сооружении – кэшэнэ на озере Акзират (Чишминский район Республики Башкортостан). Именно данные кэшэнэ имел в виду Кидрас Муллакаев, когда говорил о мечетях на месте летних кочевий Тура-хана.

Строительство мечетей сопровождалось открытием при них религиозных школ (мектебов). Из стен этих школ выходили духовные лица и *абызы*⁷¹. Ш. Марджани писал, что слово «абыз» является искаженным вариантом слова «хафиз», то есть знающий Коран наизусть⁷². Абызами в тюркском обществе называли грамотных, авторитетных членов общины. Абызы выступали в роли вольных учителей, переходили из одной деревни в другую и обучали детей чтению и письму⁷³. Они владели русским языком. Такой вывод мы делаем из их активной деятельности, разворачивающейся в пространстве российского администрирования, и тесных связей с русской властью.

Они играли значительную роль в политической жизни и просвещении башкирского народа. Ярким примером может служить жизнь и деятельность башкирского старшины Кинзи Арсланова – талантливого полководца, «атамана башкирского полка» в Главном повстанческом войске Е.И. Пугачева, получившего в народе звание абыза⁷⁴.

Абызы избирались членами мусульманских приходов, имели статус неофициальных религиозных лидеров и являлись интеллектуальной верхушкой общин. Значение абызов было велико в период непризнания ислама Российским государством. В это время они представляли собой идеологическую опору тюркоязычных народов. Институт абызов в силу своей независимости и свободомыслия доставлял неудобства для российской государственной власти. Администрация не имела инструментов для управления башкирским обществом.

История мусульманских школ Башкирии с конца XVII в. тесно связана с политикой царизма по отношению к исламу. Царское правительство в конце XVII в. предпринимало попытки насильственной христианизации, что вызывало справедливое недовольство мусульманского населения края. По этой причине исламские духовные центры и их руководители часто находились в эпицентре башкирских восстаний. Они являлись не только духовными или образовательными институтами, здесь формировалось общественное мнение, зарождалась антиколониальная идеология башкирского народа. В ходе карательных операций школы разрушались, преследованиям подвергалась интеллектуальная элита башкирского и татарского общества – мусульманские духовные лица (ахуны, муллы), заведующие медресе (мударрисы), учителя (мугаллимы) и образованные люди (абызы).

⁷¹ Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1956. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 285. (Далее: Очерки...).

⁷² www.idmedina.ru

⁷³ Очерки ... – Т. 1. – Ч. 1. – С. 285.

⁷⁴ Кулбахтин Н.М. Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя абыз... Очерки из истории Крестьянской войны 1773–1775 гг.

В правление Екатерины II был намечен новый политический курс, основанный на толерантном отношении к мусульманской вере. В своем «Наказе» для Уложенной комиссии 1767 г. она отмечала, что «весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер»⁷⁵. Синодским Указом 17 июня 1773 г. провозглашалась веротерпимость, и разрешалось беспрепятственное строительство мечетей для мусульман России⁷⁶. То же самое подтверждалось в письме генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничеств, сторонника мирной колонизации нерусских народов О.А. Игельстрома казахским старшинам, где говорилось, что Екатерина II является сторонником свободного вероисповедания, защищает мусульманскую религию, заботится о строительстве мечетей и обеспечении их муллами⁷⁷.

После добровольного вхождения в состав России казахов Малого Жуза в 30-е гг. XVIII в. Башкирия стала плацдармом для продвижения России в Среднюю Азию. Важнейшим инструментом в осуществлении восточной геополитики по включению огромного тюрко-мусульманского региона в структуру Российского государства стало мусульманское духовенство. 22 сентября 1788 г. по указу Екатерины II в Уфе было учреждено Уфимское духовное магометанского закона собрание во главе с муфтием⁷⁸. Ислам фактически был признан одной из государственных религий. Легализация ислама подчинила ее государственной власти. Царское правительство пришло к осознанию того, что официальные исламские институты целесообразно использовать в своих целях. Религия, являясь мощнейшим идеологическим оружием, должна была находиться в подчинении у самодержавия и служить защите ее интересов.

Согласно «Положению» и «Проекту» о Духовном правлении, разработанному уфимским наместником О.А. Игельстромом, Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию (далее ОМДС) подчинялось все мусульманское духовенство России⁷⁹. То есть оно приобретало статус государственной структуры. Данный фактор оказал сильное влияние на образовательные процессы мусульманского населения края.

По проекту О.А. Игельстрома, в функции Духовного Собрания входили «смотрение над производством преподаваемого в них учения», надзор за тем, чтобы мектебы и медресе существовали «только при мечетях», и руководились проверенными муллами, утверждаемыми на этой должности местной администрацией⁸⁰. Запрещалось обучать детей «в домах или других

⁷⁵ Арапов Д.Ю. Указ. соч. – С. 132.

⁷⁶ Указ от 17 июня 1773 г. (Синодский) «О терпимости всех вероисповеданий...». // ПСЗ РИ. – Т. XIX. 1770–1774. – СПб., 1830. – С. 775.

⁷⁷ РГАДА. – Ф. 16. – Д. 934. – Ч. 3 (3). – Л. 147.

⁷⁸ Указ именной, данный правящему Симбирскому и Уфимскому генерал-губернатору, генерал-поручику барону Игельstromу 22 сентября 1788 г. «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе Духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, пребывающими в России». // ПСЗ РИ. Собрание первое. 1784–1788 гг. – СПб., 1830. – Т. XXII. – С. 1107.

⁷⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1960. – Т. 5. – С. 563.

⁸⁰ Там же. – С. 563, 566.

местах»⁸¹. Духовное собрание должно было требовать ежемесячный сбор «ото всех при мечетях состоящих школ» списки учеников «за подписанием учителей». Проект О.А. Игельстрома лег в основу указа правительства от 22 сентября 1788 г. об учреждении Духовного магометанского собрания⁸².

Таким образом, с учреждением ОМДС усилился политический контроль со стороны государства над мусульманским населением, в том числе и мусульманскими школами. С другой стороны, создание такого института поднимало мусульманское духовенство в ранг чиновников, актуализировало решение кадрового вопроса. Поэтому мусульманское духовенство прикладывало немалые усилия для открытия конфессиональных школ, впоследствии ставших для мусульманских детей основным, если не единственным, источником получения образования. Сеть мусульманских школ к середине XIX в. значительно расширилась.

В вопросе о численности мектебов и медресе в Уфимской и Оренбургской губерниях в середине XIX в. пока нет единого мнения. Наиболее распространенным является тезис о том, что в деревнях Южного Урала в 1865 г. было 600 мусульманских школ, в которых обучалось более 20 тыс. учащихся⁸³. В отчете Уфимского губернатора за 1865 г. речь идет о 814 школах во вверенной ему губернии. Любопытно отметить, что в 1865 г. русскоязычных школ в губернии насчитывалось чуть больше 170⁸⁴. По сведениям Духовного собрания в 1860 г. на Южном Урале функционировало 386 мектебов и медресе. Тогда как в отчетных ведомостях за 1857 г. было показано 418 мектебов и медресе. В «Списках населенных мест» Уфимской и Оренбургской губерний, составленных в 1866–1870 гг., отмечено наличие в первой 808, а во второй 150 учебных заведений ислама⁸⁵. Не менее противоречивы статистические данные о местных мектебах и медресе за 70–80 годы XIX в. В ведомости мусульманских школ, представленной в 1875 г. канцелярией Оренбургского генерал-губернатора в Департамент просвещения, имеются сведения по 204 учебным заведениям. В 1879 г. Уфимский губернатор доставил Оренбургскому генерал-губернатору по его запросу список 357 «существующих башкирских школ под названием мектебов и медресе»⁸⁶.

Таким образом, в исторической литературе сложилось устойчивое представление о том, что государственный учет мусульманских школ не был точным. В основном, это объясняется тем, что местное население сознательно скрывало наличие религиозных школ, опасаясь репрессий и возможной их русификации. Неусыпный контроль чиновников учебного ведомства, произвол местной администрации в отношении школ и их имущества также вынуждали население скрывать факты существования

⁸¹ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 7. – Д. 35. – Л. 19.

⁸² ПСЗ РИ. – Т. XXII. – № 16710.

⁸³ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. – Уфа, 1859. – С. 108; Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 55–56; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 60–61; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – С. 360.

⁸⁴ Аминов Т.М. История профессионального образования ... – С. 66–67.

⁸⁵ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 56.

⁸⁶ Там же.

школ. Некоторые школы закрывались в самом начале своего функционирования из-за материальных трудностей. Кроме того широкое распространение среди мусульманского населения имела традиция домашнего обучения, которая согласно проекту О.А. Игельстрома носила противозаконный характер. Естественно, что пункты домашнего обучения не были охвачены официальной статистикой. Поэтому указанный образовательный сегмент выпадал из-под государственного контроля и официального учета.

При использовании косвенных доказательств в вопросе о численности религиозных школ представляется иная картина. Так, С.Г. Рыбаков отмечал, что ему не встречалось ни одной башкирской деревни, в которой не было бы мечети: «... вся Башкирия усеяна мечетями»⁸⁷. Краевед М.В. Лоссиевский, в свою очередь, писал: «... где мечеть, там есть мулла, там и мектеб и медресе»⁸⁸. Известно, что в 1860 г. в крае функционировало 1850 мечетей, в 1889 г. – 1896 мечетей. Из них 1396 располагались в Уфимской губернии, а 500 – в Оренбургской⁸⁹. Следовательно, к 90-м годам XIX в. на Южном Урале функционировало около 1 900 мечетей. И, если исходить из утверждения, что «мечеть являлась даже не мечетью, а школой»⁹⁰, то мы получаем около двух тысяч примечательных учебных заведений.

Внушительный преподавательский потенциал содержался уже в основе вероисповедания. Каждый настоятель мечети при вступлении на должность давал сельскому сходу обещание обучать детей школьного возраста арабской грамоте и основам вероучения. Известный врач-гигиенист, общественный деятель и этнограф Д.П. Никольский писал: «Мусульманское духовенство, на обязанности которого лежало обучение детей, повсеместно отнесло его к своему делу, и нет мечети, где бы мулла не обучал не только детей, но и взрослых, которые нередко посещали школу, которая имела при каждой мечети»⁹¹. Таким образом, каждый мулла на практике становился правоспособным учителем. В 1860 г. в крае числилось 3 487 мусульманских духовных лиц, а в конце XIX в. их было – 4 549. Из них 3 555 служили в Уфимской губернии, а 994 – в Оренбургской⁹².

До начала 60-х гг. XIX в. не существовало женских мусульманских школ в виде мектебов и медресе при мечетях⁹³. Женские школы функционировали в качестве пунктов домашнего обучения⁹⁴. На учебу принимались дети в возрасте от 7 до 13 лет. Башкирские и татарские девочки посещали дом муллы⁹⁵. В детском возрасте они брали уроки вместе с мальчиками у имама. По достижении периода полового созревания детей производилось раздельное обучение девочек и мальчиков. За определенную

⁸⁷ Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. – СПб., 1897. – С. 291.

⁸⁸ Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах. – Уфа, 1903. – С. 13.

⁸⁹ Фархшатов М. Н. Народное образование ... – С. 55.

⁹⁰ Ардашов И. Современное состояние мусульманских конфессиональных школ в России и стремления мусульман к их преобразованию // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1915. – № 6–7. – С. 246.

⁹¹ Никольский Д.П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. – СПб., 1899. – С. 117.

⁹² Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 56.

⁹³ «Дар-уль-муаллиминъ» и «Дар-уль-муаллиматъ» в Уфе // Мир Ислама. – Т. II. – Вып. X. – С. 670.

⁹⁴ Аминова Л.Я. История женского образования в Башкирии. Вторая пол. XIX–начало XX в. – Уфа: РИО РУНМЦ Ом РБ, 2005. – С. 70.

⁹⁵ Там же. – С. 68.

плату в 15–40 коп. в месяц 10–20 девочек-подростков занимались на дому у грамотных родственниц мулл (абыстай или остабика)⁹⁶. К примеру, в деревне Кляшево Караякуповской волости Уфимского уезда Уфимской губернии девочки обучались в доме у бабушки Суфий⁹⁷. Основной упор в образовании девочек делался на гигиену и религиозную обрядность⁹⁸. В лучшем случае общество приглашало мугаллиму (учительницу) из уфимских мектебов, отводило ей общественную квартиру. Интересной особенностью женского мусульманского образования до начала XX в. является тот факт, что девочек не обучали письму.

Качество домашнего обучения может быть поставлено под сомнение. Однако многочисленные примеры позволяют нам предположить, что образованием детей занимались компетентные люди. Как вспоминает лидер башкирского национального движения Ахмет-Заки Валиди, любовь к классической суфийской поэзии у него сформировалась под влиянием матери Уммульхаят, которая хорошо знала стихи Навои, Руми, Ясави, Аттара, Аллаяра и др. От нее же он научился персидскому языку, познаниями в котором впоследствии он удивлял своих друзей в Средней Азии и на Ближнем Востоке⁹⁹.

Точных цифр относительно количества мусульманских школ не было даже в начале XX в. Вестник Оренбургского учебного округа приводит следующие факты: «по статистике в Уфимской губернии к 1 января 1914 г. всех мусульманских школ было 1385». «Учащихся в них находилось 77 028 мальчиков и 19 027 девочек; преподающих 1 452 мураллы и 122 женщины»¹⁰⁰. Уфимское губернское земство в 1912 г. с уверенностью заявляло, что в одной лишь Уфимской губернии насчитывается до трех с половиной тысяч мектебов¹⁰¹. Наиболее точными являются результаты обследования 1913–1915 гг., по которому в Уфимской губернии было выявлено 1 579 мектебов¹⁰². Эти цифры получили широкое распространение среди исследователей.

⁹⁶ Любимов А. Мектебы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда. – С. 10.

⁹⁷ Чишмы – край светлых родников. – Уфа, 2004. – С. 108.

⁹⁸ Бадретдинов С., Зиннуров Г. Ахмедсафа Багаутдин и медресе «Ахмадия» // Ватандаш. – 2008, № 8. – С. 183.

⁹⁹ Заки Валиди Тоған. Воспоминания. – Уфа: Китап, 1994. – С. 135.

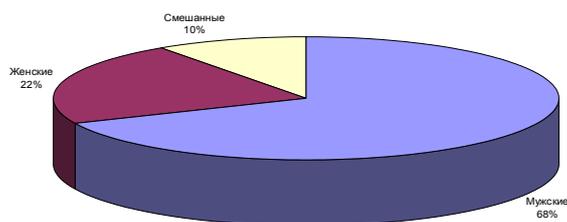
¹⁰⁰ Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1915. – №№ 6–7. – С. 245.

¹⁰¹ Отчет Уфимской губернской земской управы XXXIII очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по отделу народного образования за 1912 г. – Уфа, 1912. – С. 300.

¹⁰² Обухов М.И. Мектебы ... – С. 9.

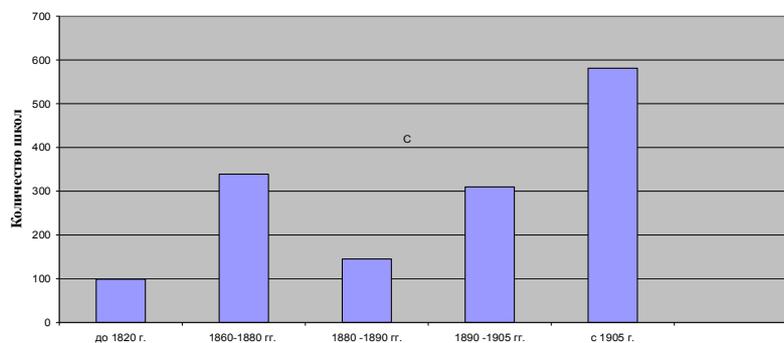
* Диаграмма сост. по: Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской земской управы. 1912–1913 гг. – Уфа: Изд. Уф. губ. земст., 1915. – С. 1–92, Отчет Уфимской губернской земской управы XXXIII очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по отделу народного образования за 1912 г. (Подсчеты наши – К.А.).

Диаграмма
Количество мектебов и медресе в 1913 году *

До конца XIX в. в мектебах обучались только мальчики¹⁰³. Появление женских мектебов в Уфимской губернии было связано с реформаторским движением (джададизмом). В 1916 г. в них обучалось 18 тыс. девочек. Число мальчиков, охваченных мусульманской школой составляло 91 тыс.¹⁰⁴. Подтверждением этому служат и данные М.И. Обухова: «мужские мектебы составляли 68,3%, женские – 22%, смешанные – 9,7%»¹⁰⁵. Мектебы смешанного типа, где девочки и мальчики совместно обучались до подросткового возраста, зародились лишь в начале XX в. и открывались, в основном, по инициативе прогрессивных имамов.

Диаграмма
Динамика роста численности мусульманских школ в XIX - XX вв. *

В диаграмме видно, что мектебов, существующих более ста лет, было 99. Поскольку у 94 мектебов не известен год открытия, мы не стали включать их в диаграмму*. Все остальные школы были открыты в течение ста лет, предшествующих статистическому обследованию. Динамика роста численности учебных заведений в данный временной отрезок позволяет сделать некоторые выводы и наметить основные этапы в развитии конфессиональной школы. Усиление оседлости, расширение башкирских деревень, развитие товарно-денежных отношений в башкиро-татарской среде

¹⁰³ Валеев Д.Ж. Социально-политические взгляды Бекчурина (на баш. яз.) // Учитель Башкортостана. – 1973. – № 7. – С. 53.

¹⁰⁴ Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. – Уфа, 1916. – № 2.

¹⁰⁵ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 11.

* Диаграмма составлена по материалам: Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской земской управы. 1912–1913 гг. – Уфа: Изд. Уф. губ. земст., 1915. – С. 1–92, Отчет Уфимской губернской земской управы XXXIII очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по отделу народного образования за 1912 г.; Однодневная перепись начальных школ в 1911 г. (Подсчеты наши – К.А.).

оказали влияние на количественный рост мусульманских школ. Модернизация российского общества в целом, и реформы в области мусульманского образования в частности оказали положительное воздействие на открытие новых религиозных учебных заведений. В период с 1860 по 1880 гг. было учреждено 339 мектебов и медресе, что составило 21,4 % всех мусульманских школ губернии. Эпоха контрреформ (1880–1890 гг.) выразилась в некотором затишье в открытии новых мектебов и медресе (145 новых школ). Пик активности появления новых учебных заведений для мусульман приходится на 1898–1913 гг. Это время бурных социально-экономических, политических и культурных преобразований, коснувшихся и жизни российских мусульман. Мусульманская школа ощутила не только количественный рост, но и качественные изменения. Источники отмечают «серьезную эволюцию» конфессиональной школы именно в этот период. Особенно высокие темпы открытия новых медресе наблюдались сразу после первой русской революции. К тому же с самого начала они функционировали в качестве новометодных.

Традиционно считается, что мусульманская школа состояла из двух основных ступеней: мектебов (начальная школа) и медресе (среднее и высшее профессиональное религиозное учебное заведение для подготовки мусульманского духовенства). Однако необходимо отметить, что в источниках до конца XIX в. не пользовалось популярностью разграничение религиозных учебных заведений на мектебы и медресе. Речь в них, как правило, идет о «башкирской школе», «магометанской школе» или просто о «медресе». «Не только русские источники, но и мусульманские не могут точно определить, что такое мектебы и медресе», – уточняет Г.Н. Кильдибяков в пояснительной записке к списку «Магометанских школ Мензелинского уезда»¹⁰⁶. А. Любимов пишет, что нельзя твердо установить и провести четкую границу между мектебами и медресе¹⁰⁷. Выделение мектебов происходит в последние десятилетия XIX в. под влиянием просветительских взглядов для обозначения начальной школы. Считается, что дифференциация мусульманской школы на мектебы и медресе произошла под турецким влиянием, где любое учебное заведение называли «мектеб», при этом добавляя прилагательное. К примеру: военная школа, учительская школа, высшая школа, начальная школа и т. д.¹⁰⁸

Мы будем отталкиваться от того, что мектеб (с арабского языка – «место, где пишут») – начальная мусульманская школа церковно-приходского типа в странах мусульманского Востока и дореволюционной России¹⁰⁹.

Мектебы. Устройство и внешний вид первых мектебов нам неизвестны. Однако внутреннее содержание учебно-воспитательного процесса и внешний облик учебных заведений всего исламского мира не отличались

¹⁰⁶ Кильдибяков Г.Н. Магометанские школы (мектебы и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии. – Мензелинск, 1913. – С. 73.

¹⁰⁷ Любимов А. Указ. соч. – С. 1.

¹⁰⁸ Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. – Уфа, 1972. – С. 243.

¹⁰⁹ Башкирская энциклопедия. – Т. 4. – С. 162; Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 392.

существенным образом друг от друга. Перенесенные из других социально-экономических, политических и даже климатических условий среднеазиатские учебные заведения, не перестраиваясь под местные особенности, прочно вошли в жизнь мусульман и надолго законсервировались в первоначальном состоянии. Метод экстраполяции позволяет использовать описание мектебов других кочевых народов (например, казахов). Мектебы в Средней Азии организовывались при мечетях. У башкир мечети не всегда представляли собой специальное культовое сооружение¹¹⁰. Мечети могли располагаться и в юртах. Поэтому и занятия так же чаще всего проводились в юртах, и на открытом воздухе.

На протяжении нескольких веков в мусульманских религиозных учебных заведениях сохранялись средневековые образовательные традиции. Тесные торговые контакты с восточными странами породили культурно-образовательные связи населения Урало-Поволжья с жителями Средней Азии. Известный общественный деятель Рашид Ибрагимов (Рашид-Кази) писал в Министерство народного просвещения: «Наши мусульмане, прослышав, что в Бухаре дают возможность получать образование безвозмездно, живя на полном иждивении школы, толпами устремились туда, и ездили оттуда, за счет той же школы, чтобы закончить образование, в другие мусульманские страны»¹¹¹. Поэтому можно сделать вывод, что на рассматриваемой нами территории преобладала модель бухарских мектебов и медресе.

Мектебы, в основном, открывались при мечети по инициативе мусульманского духовенства. «Конфессиональные школы при мечетях открываются на средства прихожан, ответственным лицом и заведующим является имам этой мечети», – сообщало Оренбургское Магометанское Духовное Собрание¹¹². Вопросы преподавания, открытия школ, переноса их из одного места в другое зависели только от общества, разрешения со стороны Духовного собрания не требовалось¹¹³. Так как ОМДС находилось под контролем Министерства внутренних дел, соответственно МВД контролировало и мусульманские религиозные учебные заведения. Их учреждение происходило в уведомительном порядке.

В 1870 г., после издания «Правил о мерах к образованию инородцев, населяющих Российскую империю» процедура открытия конфессиональных школ перешла к разрешительному порядку¹¹⁴. В 1874 г. высочайше утвержденным мнением Государственного Совета религиозные школы были переданы в Министерство народного просвещения. Теоретически это делалось в рамках организации единого образовательного пространства, для интеграции в него мусульманского сегмента народного образования. На

¹¹⁰ Рахматуллина З.Н. Ислам и менталитет башкир // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Материалы международной научно-практической конференции. – Уфа, 2008. – С. 47.

¹¹¹ «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России» // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX в. (1900–1917 гг.). Приложение. – С. 135.

¹¹² ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 4.

¹¹³ Там же. – Д. 523. – Л. 14, 22.

¹¹⁴ Правила о мерах к образованию инородцев, высочайше утвержденные 26 марта 1870 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. – СПб., 1884. – С. 673.

практике эти меры означали установление особого контроля над мусульманской школой. Для этого они передавались в ведение инспекторов народных училищ. В обязанности последних входил надзор за духом преподавания в мектебах и медресе, учебными книгами, по которым обучались шакирды, чтобы не допускать заграничных изданий; от их разрешения зависело открытие новых школ при условии, что в них будут состоять учителя русского языка за счет магометанских обществ. Массовый протест мусульман вынудил Александра III в 1882 г. отменить этот закон и предписать учебным властям «оставить коранические учебные заведения в покое и ограничиться лишь сбором статистических сведений о них»¹¹⁵.

Учебно-воспитательным процессом в мектебах руководил мулла при помощи своего заместителя (хальфа)¹¹⁶. Хальфы не имели педагогического образования¹¹⁷. В мектебах царила жесткая дисциплина, нередко применялись телесные наказания. Здесь прибегали к помощи хальфов. Вместе с тем институт хальф был своеобразной педагогической практикой, что снимало проблему нехватки учителей. Они назначались из старшеклассников, вели не только воспитательную работу, но и помогали осваивать науку младшим шакирдам. Кстати, этот принцип лег в основу идеи взаимного обучения, приобретающей огромную популярность в современном мире.

Муллы имели свидетельства, выданные ОМДС, где наряду с духовным указывалось и педагогическое звание. Мударрис – это заведующий мектебом, муьид – ассистент мударриса (М. Усманов называет эту работу своеобразной аспирантурой). Учителя в мусульманских религиозных школах назывались мугаллимами, учителя начальных классов – мугаллим-сибйан¹¹⁸. Помощниками мугаллимов нередко выступали пишкадамы – лица, окончившие полный курс обучения в медресе, но остававшиеся там до получения места в качестве мулл, муэдзинов, мугаллимов. Число их в каждой учебной единице зависело от числа классов – комплектов. Основная часть мектебов (60,8%) имела по одному мугаллиму, реже по два, очень редко – по три.

Учителями, как правило, были люди среднего или пожилого возраста. В 1867 г. из десяти учителей Кара-Якуповской волости Уфимской губернии восьмерым было старше 45 лет¹¹⁹. Это указывает на большой стаж педагогической работы и давность полученного образования. Образование эти преподаватели получали в мектебах и медресе. Случаев дальнейшего получения образования не установлено. В 1875 г. выпускниками местных медресе были 86,7% преподавателей мектебов, а в 1913 г. – 69%, остальная же часть учителей приглашалась из других селений. По сведениям В.В. Радлова в 1875 г. только 13,3 % учителей Уфимской губернии получили

¹¹⁵ «О положении мусульманских высших и низших школ ...» // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы. – Приложение. – С. 141.

¹¹⁶ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 21–21 об., 48 об.

¹¹⁷ Валидов Дж. Указ соч. – С. 13.

¹¹⁸ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. – Т. 1. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 287.

¹¹⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 959. – Л. 42 об.–43.

образование в медресе других губерний и зарубежом. Из них 6,4% закончили профессиональные школы Казанской губернии¹²⁰. Из 112 учителей, упомянутых в труде Р. Фахретдинова «Асар», 14 учителей Оренбургской и Уфимской губерний обучались в Бухаре, 1 – в Стамбуле. Это объясняет факт инертной реакции мектебов на реформы в области мусульманского образования, в отличие от медресе, которые под влиянием высокообразованных мугаллимов, обучавшихся в передовых учебных заведениях, мгновенно перестраивались на новый лад.

Статистический отчет, составленный Обуховым в 1913 г., показывает, что учительская среда была неоднородной в поло-возрастном отношении. Несмотря на то, что мужчины-преподаватели составляли абсолютное большинство (80,3 %) опрошенных респондентов, женщины-преподаватели были достаточно распространенным явлением (19,7 %) ¹²¹. Так как профессиональная подготовка женщин-педагогов для мусульманских мектебов началась под влиянием реформаторских тенденций, то это дает нам право предполагать их современный взгляд на методы преподавания.

В мектебах, равно как и в медресе, отсутствовали официально утвержденные программы и уставы. Учителя имели полную самостоятельность при составлении учебного плана. В основном они придерживались среднеазиатской схоластической образовательной традиции, потому что сами были обучены в соответствии с ней. Это создавало некоторое однообразие в характере обучения, что сегодня истолковывается как «единая программа обучения», претендующая на системообразующий признак. Изучаемые предметы, обучающие пособия и методы преподавания в мусульманских школах были унифицированы и идентичны. К примеру, при переходе от одного блока знаний к другому преподаватели придерживались определенной последовательности, такой же порядок соблюдался и при изучении книг.

Обучение было бесплатным, учителя не получали заработной платы (жалованья). Сложившаяся вековая практика предусматривала оказание прихожанами материальной помощи муллам в ответ на обучение детей грамоте¹²². Содержание школ осуществлялось за счет пожертвований. Даже в начале XX в. 435 мектебов из 1 579 выявленных выше содержались на средства, получаемые от учащихся в качестве платы за обучение. Учитель мектеба в дер. Тикеевой Булекей-Кудейской волости получал жалованье с каждого ученика по 30–50 коп. в месяц¹²³. И без того скудные средства шли на отопление и освещение школы. Нередко школы строились на средства самих учителей (мугаллимов). Так, старшина Сафаровской волости Уфимского уезда Земалетдинов докладывал: «все медресе построены на средства преподавателей и ими же ремонтировались»¹²⁴. Финансовое

¹²⁰ Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX в. – М.-Л., 1936. – С. 327.

¹²¹ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 38.

¹²² Абзанов Ш.С. К вопросу истории народного образования. – Уфа, 1934. – С. 92–93.

¹²³ Любимов А. Указ. соч. – С. 2.

¹²⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 959. – Л. 35–38.

состояние мектебов напрямую зависело от личности преподавателя, популярности учебного заведения и размера частных пожертвований.

Финансовое положение учителей также было не стабильным. Приношения учеников носили различный характер: постоянные приношения по четвергам, и особенные – при поступлении на учебу, переходе от одного учебника к другому, при окончании обучения. «Малолетние ученики платят учителю еженедельно натурой, приносят ему всякий что может – яйца, масло, дрова и т.п.»¹²⁵. Труд мугаллимов был низкооплачиваемый. Высоким считался уровень заработка в 250 руб. в год, таких случаев в 1913 г. было зафиксировано всего 9. Заработок 69 % учителей составлял менее 50 руб.¹²⁶ Большинство мугаллимов совмещали профессию учителя с духовными должностями.

Лучшим было положение учителей, работающих при богатых медресе, имеющих вакуфные хозяйства, где учитель получал определенную долю из доходов вакуфа¹²⁷. Но таких хозяйств было очень мало. В 1889 г. во всем округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, охватывающего 23 губернии и области Европейской России, было зарегистрировано всего 21 вакуфное имущество. В 1898 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях имелось 10 вакуфов. Первый вакуф был зафиксирован в 1829 г.: купец Г.Г. Ибрагимов передал мусульманской общине г. Стерлитамака построенные на свои средства здания 2-х медресе (каменное и деревянное). В 1849 г. он пожертвовал 90 десятин земли 1-й Стерлитамакской соборной мечети¹²⁸.

Ислам предусматривает выделение на благотворительность «закята» (1/40 часть имущества) и «гешера» (1/10 часть с урожая хлебов). В начале XX в. 123 мектеба содержались исключительно на частные пожертвования. В это же время 322 мектеба содержались сельскими общинами. С конца XIX в. определенную помощь стали оказывать уездные земства. Таких случаев зафиксировано 319. Земское финансирование было скудным. Размер пособий для сельских мусульманских учебных заведений колебался от 3 до 40 руб. Более значительные суммы ассигновались гораздо реже: так «Уфимская Государственная Дума постановлением от 6 июня 1911 г. назначила пособие на содержание мектебов при 2, 3, 5-ой соборных мечетях г. Уфы по 150 руб. каждому»¹²⁹.

Срок обучения в мектебах не был регламентирован. Длительность обучения, будучи неодинаковой в разных мектебах, в большинстве случаев определялась от 4 до 8 лет. По итогам обследования в 1913 г. было выявлено, что 323 мектеба учреждены при медресе. В таком случае они составляли первую ступень обучения и назывались «рушдия»¹³⁰. Будущие мугаллимы и

¹²⁵ «О положении мусульманских низших и ...» // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX в. (1900–1917 гг.) – Приложение. – С. 135.

¹²⁶ Обухов М.И. Мектебы и медресе ... – С. 38. (подсчеты наши – К.А.).

¹²⁷ Современное состояние мусульманских конфессиональных школ в России и стремления мусульман к их преобразованию // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1915. – № 6-7. – С. 248; Вакуф – завещанное в пользу медресе имущество (торговые лавки и земли), доходы с которых шли на просветительские нужды.

¹²⁸ Азаматов Д.Д. Указ соч. – С. 79.

¹²⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. – Д. 2535. – Л. 7.

¹³⁰ Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 2. – С. 85.

муллы, завершающие обучение в медресе, имели возможность получить практическую подготовку в этих мектебах. Так решался вопрос педагогической практики.

Типичной для старометодных мектебов и медресе была ситуация, когда «ученики в течение года приходили и уходили», отсутствовал постоянный контингент учащихся¹³¹. Это осложняло организацию учебного процесса. Поэтому занятия приходилось вести либо отдельно с каждым новым учащимся, либо с небольшими группами. Вновь прибывающие ученики требовали индивидуального подхода, который нередко на практике превращался в самостоятельное обучение, так как существовал кадровый дефицит. Решению этой проблемы способствовала практика взаимного обучения.

Учебный год был поставлен в зависимость от сельхозработ. Начало занятий приурочивалось к сентябрю, октябрю, а конец – к середине апреля. Каникулярное время совпадало с двумя большими религиозными праздниками – Курбан-Байрамом и Ураза-Байрамом. В русских школах обучение длилось 9, а в мусульманских – 6-7 месяцев. Но в учебном году в русских школах было 135 учебных дней, а в мусульманских – 140¹³².

Еженедельным днем отдыха была пятница, причем отдых начинался накануне, с полудня четверга, и продолжался до полудня пятницы. В четверг учащиеся приносили своим учителям в установленном ими порядке садака (подавание). Учащиеся, освобождаясь от занятий, справляли мелкие хозяйственные работы по двору муллы: уход за скотом, очистка снега и др. Исполнение тяжелых хозяйственных работ падало, главным образом, на детей бедноты, а дети имущего класса своими крупными подавниями освобождались от работы¹³³.

Продолжительность учебного дня была следующей: ученики (шакирды) собирались в школы в 7–8 часов утра, в полдень младшие ученики уходили домой, а для старших устраивался небольшой перерыв, после которого занятия продолжались до 2–3 часов дня.

Целью обучения в мектебах было получение знаний по началам арабской письменности, исламскому вероучению и нормам шариата. Поэтому учебный процесс начинался с изучения арабского алфавита, производившегося по методу «иджик» – буквослагательный способ обучения грамоте. Этот метод значительно усложнял процесс овладения грамотой. Поэтому обучение в мектебах, применяющих «иджик», шло очень медленно. Как и в старинных русских школах, дети в течение первого года обучения едва-едва выучивались читать отдельные слова по слогам.

При приеме ученика проводилась так называемая проверка. Предлагалось «затвердить» три молитвы. Способный ученик мог довольно быстро освоить их за 2–3 дня. После этого ученик должен был принести деревянную продолговатую дощечку – «тахту» и небольшое подавание.

¹³¹ Любимов А. Указ. соч. – С. 2, 5.

¹³² Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные ... – С. 74.

¹³³ Абзанов Ш.С. Указ. соч. – С. 92.

Учитель тушью писал на ней 32 буквы арабского алфавита, а ученик заучивал их названия по 4 буквы сразу. Мальчик превращался в «тахтахана», то есть изучающий буквы, написанные на тахте. В зависимости от способностей через несколько недель, а то и месяцев ребенок изучал арабский алфавит¹³⁴.

Следующий этап обучения заключался в переходе к мнемоническому средству для запоминания алфавита – «абжаду». В нем были заключены все буквы арабского алфавита в различном написании. Также нельзя исключать версию о том, что эти слова были составлены древними арабскими математиками для усвоения таблицы умножения¹³⁵.

Для обучения чтению обычно употреблялась старинная азбука «Шараит аль-иман» или «Иман Шарты», в переводе на русский язык означающая «Условия верования». В первом десятилетии XIX в. книга выходила под названием «Атгаджи», что в переводе означает «Чтение по слогам»¹³⁶. Это была первая мусульманская азбука для обучения письму и чтению молитв с использованием арабского языка. Учебник во многом напоминал старинную русскую азбуку, в нем содержался алфавит, материалы для чтения и основные истины ислама. Книга имела большое значение в жизни мусульман. Мусульманский ребенок с нее начинал свой урок, с ее помощью читал «Алифба», изучал арабский язык, религию, получал определенный набор знаний по фикху (мусульманскому праву). После смерти ее клали в могилу вместе с умершим¹³⁷. Авторство и время составления «Шараит-иман» не известны. О популярности и необходимости данного учебника позволяют судить многочисленные переиздания большими тиражами: в издании 1802 г. тираж составлял 11 000, в 1895 г. А. Хусаинов издал эту книгу тиражом 100 000 экземпляров.

Также в первый год после механического чтения по буквам и выучивания необходимых молитв начиналось чтение глав Корана «Ясин». Как правило, ученики хором вслед за учителем повторяли отдельные «аяты» (места). Основное внимание уделялось правильной модуляции голоса и выразительному произношению.

Во второй год успевающие ученики плавно переходили к чтению по слогам «Афтияка» или седьмой части Корана, излагающей основные положения магометанского вероучения. С момента перехода к «Афтияку» ученик становится китапханом, то есть читающим книгу. Ученик заучивал написание слов, в результате он приобретал навыки чтения слов в конкретной книге. Поэтому распространенным явлением среди шакирдов было незнание арабского языка. Изучение «Афтияка» занимало год или два. Следующий этап – изучение Корана по описанной методике.

¹³⁴ Современное состояние мусульманских профессиональных школ в России и стремления мусульман к их преобразованию // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1915. – № 6-7. – С. 248.

¹³⁵ Магометанские школы (мектебы и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии / Сост. Г.Н. Кильдияков. – Мензелинск, 1913. – С. 74–75.

¹³⁶ Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. – С. 16.

¹³⁷ Рахим Г., Газиз Г. Татар эдэбиэты тарихи. – С. 73–74.

Обучение письму проходило путем списывания арабских текстов с книг. Учителя не упражняли своих учеников в письменных работах на родном, тем более русском языках. Письменные занятия относились скорее к внешкольной программе. Дж. Валидов, описывая «старометодную» школу, рассказывает о «шакирдах, переписывающих книги и тексты песен, сидя на корточках перед своими ученическими сундучками»¹³⁸.

Мектебы были преимущественно сельскими учебными заведениями. Из общего числа зарегистрированных мектебов в селениях находилось 1 566, в городах – 13¹³⁹. Первой начальной магометанской школой для детей башкир и татар в Уфе была школа муллы Зарифа. Она находилась по ул. Магометанской, с левой стороны ущелья, к которой примыкает современная улица Красина. Это была первая начальная школа магометанского вероучения.

Так как учебные заведения сразу же становились составными элементами мусульманского прихода, их состояние во многом зависело от организаторских, интеллектуальных и педагогических способностей главы местной махалли. В некоторых селах было даже по несколько учебных заведений. Как ни странно, такая ситуация говорила не в пользу качественного образования. Обычно это становилось результатом плохой организации. Содержание нескольких мектебов обостряло кадровый и финансовый вопросы.

Как отмечает Ф. Туктаров, «приход с большими материальными затруднениями строит большую мечеть, но у него не хватает средства на сооружение и такой же большой школы, да и понимания ее необходимости в большинстве случаев не имеется». Поэтому «для этой цели отводится небольшой, старый и самый неопрятный из всех домов селения. Даже в совершенно незнакомой деревне не спрашивая ни у кого, можно найти школу. Она всегда отделяется от других зданий своей невзрачностью, нечистотой, царящей вокруг нее и плохим содержанием»¹⁴⁰. Обычно мектебы располагались в центре села, это подтверждается данными обследования. Было выявлено 1 210 случаев расположения мектебов в центре села, по окраинам – 155, за чертой селений – 6¹⁴¹.

Наиболее распространенным было явление, когда в помещении, где проходили занятия, находилась и столовая для приезжих учеников и спальная, потому что основная масса мектебов имела по одной классной комнате¹⁴². В здании мектеба могли располагаться и квартиры мугаллимов (322 случая), реже – библиотеки (1 случай). Результаты обследования состояния мектебов показывают, что с двумя комнатами в губернии было зафиксировано 316 мектебов, с тремя – 65, с четырьмя – 17, с пятью – 4, с шестью – 3, более шести – 5¹⁴³.

¹³⁸ Валидов Дж. Указ. соч. – С. 14–16.

¹³⁹ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 12.

¹⁴⁰ Туктаров М. Материальная сторона наших мектебов // Мектеп. – 1913. – № 1.

¹⁴¹ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 14.

¹⁴² Валидов Дж. Указ. соч. – С. 17–18.

¹⁴³ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 15.

Классная мебель в мектебах была либо очень скудной, либо вовсе отсутствовала. Обычно шакирды сидели на полу, поджав под себя ноги. Они не имели перед собой скамьи, на которой можно было бы писать или положить книгу¹⁴⁴. Из обследованных 1 575 мектебов в 832-х имелись низкие столы или скамьи, на которых ученики писали, но сами при этом сидели на полу. Нормы ортодоксального ислама накладывали запрет на использование классной мебели и наглядных пособий: черных школьных досок, ассоциирующихся с иконами; парт, за которыми Коран запрещал сидеть; карт и глобусов, так как изучение географии тоже противоречило нормам ортодоксального ислама.

Инспекторы фиксировали: «Внутренний вид мектебе, медресе представлял обычно такую картину: при входе вонючий сырой прихожий угол, где разбросаны башмаки, лапти и прочая обувь, старые кумганы и рукомойники... на подоконниках маленьких окон, скупо пропускающих свет, ветхие книги, корки и куски хлеба, остатки пищи»¹⁴⁵. «В большинстве существующих мектебов отсутствуют в полной мере гигиенические условия: раздевальни нет, особых столовых и ночлежных для детей из отдаленных мест также нет – детям приходится в одной и той же комнате и учиться, и обедать, и ночевать, и проводить остаток свободного времени»¹⁴⁶. Р. Фахретдинов в своих воспоминаниях описывает «небольшую комнату, в которой занималось около двадцати учеников. Комната размещалась в небольшом почерневшем срубе с неровным дощатым полом. Два маленьких оконца пропускали тусклый осенний свет»¹⁴⁷.

Высказывания подобного рода выстроились в устойчивые представления о непригодности мусульманских учебных заведений для обучения детей. В исторической литературе широко распространился тезис об «антисанитарных условиях» в мектебах и медресе¹⁴⁸.

Необходимо учитывать, что «антисанитария» не категориальный признак мектебов и медресе. Это явление характерное для всей дореволюционной России. В особенно тяжелом положении оказались народные школы, лишённые государственного финансирования. За исключением редких случаев (Стерлибашевские, Каргалинские медресе), учебные помещения не соответствовали допустимым микроклиматическим нормам. Такие показатели как «соотношение площади окон к площади комнаты», «объем воздуха» и «площадь пола» на одного ученика не дотягивали до принятых стандартов, что неоднократно отмечалось в ходе инспекторских проверок почти во всех инородческих школах¹⁴⁹. Как писал М.И. Обухов: «По кубическому содержанию воздуха на одного учащегося 1 457 мектебов (92 %) не соответствует даже минимальным гигиеническим требованиям»¹⁵⁰. Выход из сложившейся ситуации виделся в строительстве

¹⁴⁴ Хусаинов Г. Ризаитдин бин Фахретдин. (на баш. яз.) – Уфа, 1997. – С. 16.

¹⁴⁵ Абзанов Ш.С. Указ. соч. – С. 93.

¹⁴⁶ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 16.

¹⁴⁷ Цит. по: Хусаинов Г. Ризаитдин бин Фахретдин. – С. 16.

¹⁴⁸ Абзанов Ш.С. Указ. соч. – С. 91–119; Обухов М.И. Указ. соч. – С. 15–16.

¹⁴⁹ Из отчета инспектора народных училищ Любимова А. // ЦГИА РБ. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 676. – Л. 8–10.

¹⁵⁰ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 17.

новых, современных для того времени зданий¹⁵¹. Так, для того чтобы привести Сарайлинское училище (Сарайлинский русский класс при медресе) в соответствие с требуемыми стандартами, необходимо было выстроить новое здание школы для двух комплектов (классов), стоимость которого должна была составлять 8 915 руб.¹⁵²

«Пригодность мектебов для обучения можно оценить по стоимости зданий», – продолжает М.И. Обухов в своем обследовании. Большинство мектебов, а именно 1 255, находились в самостоятельных помещениях. Предоставленные сведения о стоимости зданий, полученных из 966 мектебов, помогают нарисовать достоверную картину: зданий стоимостью до 50 руб. было 13, стоимостью 50-150 руб. – 309, стоимостью 150-500 руб. – 408, стоимостью 500-1000 руб. – 93, 1000 руб. – 40¹⁵³. Так как стоимость абсолютного большинства школ была оценена менее 500 руб., то правомерным становится вопрос о несоответствии их санитарным нормам.

Можно с уверенностью сказать, что истинные признаки антисанитарии – вши, тиф, мор, – в религиозных исламских школах проявлялись в меньшей степени, по причине тщательного соблюдения гигиены, которая предписывалась религиозными нормами. Настоящий мусульманин, обучением и воспитанием каковых занимались мектебы и медресе, должен ежедневно пять раз читать намаз. Чтение намаза недопустимо без омовения (тахарет). Ежедневное пятикратное омовение, обязательная еженедельная баня со сменой белья перед пятничным намазом, позволяют нам говорить о чистоплотности мусульман. Что плохо согласуется с тезисом о «грязной» школе. Поэтому, разговоры об «антисанитарии» подразумевают отклонения от допустимых норм микроклимата: освещенность помещения (естественная и искусственная), объем воздуха, отсутствие классной мебели и пр.

На протяжении многих веков мектебы оставались едва ли не единственными источниками получения знаний. Повсеместное распространение и относительная доступность образования предопределила высокую популярность мектебов.

Основная масса выпускников мектебов могла лишь механически читать знакомые книги, выводить буквы, списывать с оригинала. Существовавшая до середины XIX в. форма начального обучения не позволяла продолжать образование всем желающим. Она жестко отсеивала бездарных учеников. Учение осиливал лишь талантливый, пытливый ум. После всего этого очень немногие одаренные ученики в возрасте не менее 14 лет поступали в медресе.

Медресе (с арабского языка – «место, где учат») – средние и высшие мусульманские учебные заведения для подготовки мусульманского духовенства. Они являлись учебными заведениями, дающими более высокое образование.

¹⁵¹ ЦГИА РБ. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 676. – Л. 8–10.

¹⁵² ЦГИА РБ. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 676. – Л. 85.

¹⁵³ Обухов М.И. Указ. соч. – С. 14.

Располагались они, как правило, в сельской местности. Основная причина этого заключалась в том, что большая часть мусульманского населения проживала в деревнях. В городах же в начале XX в. проживало 5,29 % башкир и 7,48 % татар¹⁵⁴. Первые медресе в городах были открыты в дореформенные и последующие десятилетия (Стерлитамак, Оренбург, Уфа, Троицк, Верхнеуральск, Орск).

К 1906 г. в Уфе стало пять медресе: «Гусмания», «Хакимия», «Галия», а также по одному медресе при 2-й и 3-й соборных мечетях¹⁵⁵. К началу XX в. в Уфимской губернии насчитывалось около 40 медресе¹⁵⁶.

«Некоторые медресе, где существуют изстари установленные программы и преподаются кроме религиозных и светские науки, можно назвать средними учебными заведениями», – констатировал Н.И. Ильминский¹⁵⁷.

До середины XIX в. встречались кочующие медресе. Они не имели собственного здания, постоянного контингента учащихся и преподавателей. Также у них не было стабильных источников дохода. Такие медресе были неустойчивыми. Их существование зависело от ряда субъективных факторов: отъезд, болезнь или смерть учителя, пожар или неурожай приводили к их закрытию¹⁵⁸.

Многие медресе содержались на финансовые средства меценатов. Богатые купцы обеспечивали повышенные школы помещениями и учебными принадлежностями.

Среди медресе, функционировавших с XVII–XVIII вв. на постоянно действующей основе – дер. Суюндюк (с 1709 г.), в дер. Сытырманово (с 1713 г.), в дер. Стерлибашево (с 1720 г.), в дер. Каргалы (с 1740 г.), в дер. Тазларово (с 1767 г.), в дер. Балыклыкулево (с 1771 г.), – некоторые успешно развивались и в конце XIX в. К таковым можно отнести знаменитые Стерлибашевское (Стерлитамакский уезд) и Каргалинские медресе в Сеитовском посаде (Оренбургский уезд).

Стерлибашевское медресе было открыто в 1720 г. VII ревизия 1816 г. показала первых содержателей Стерлибашевского медресе: 69-летнего Биктимера Тукаева и его сына 44-летнего муллу Нигматуллу Биктимерова, проживавшего вместе с сыновьями Харисом и Харрасом Нигматуллиными¹⁵⁹. Стараниями мударриса Нигматуллы Биктимерова Стерлибашевское медресе было превращено в благоустроенное учебное заведение. Нигматулла Биктимеров (1772 г. р.) написал много учебных пособий для учебного курса и комментариев к ним. Он занимался также благоустройством бытовой стороны медресе. По его указанию от горного ручья посредством труб был проведен водопровод в деревню и в медресе¹⁶⁰.

¹⁵⁴ Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900–1917 гг.). – Уфа, 2006. – С. 105.

¹⁵⁵ Дорога к храму: история религиозных учреждений г. Уфы. – Уфа, 1993. – С. 89, 90.

¹⁵⁶ Башкирская энциклопедия. – Уфа, 2006. – Т. 2. – С. 530.

¹⁵⁷ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. – Казань, 1898. – С. 178.

¹⁵⁸ Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 389.

¹⁵⁹ Асфандияров А.З. Из истории башкирских деревень Стерлибашевского района // Ватандаш. – 1999. – № 6. – С. 29.

¹⁶⁰ Зайнуллин З. Есть одна деревня (на тат. яз.) // Казан утлары. – 2005. – № 2. – С. 4.

В 1770-е годы по инициативе Нигматуллы Биктимерова была создана библиотека, где к началу XX в. насчитывалось 14 000 единиц рукописных и печатных книг. Библиотека медресе располагала большим собранием восточных рукописей ранних периодов на языках тюрки, араби и фарси, которые переписывались и распространялись по всей территории Башкортостана. Газета «Вақыт» от 9 июня 1913 г., сообщала о пребывании в с. Стерлибашево проездом из Оренбурга в Уфу академика В.В. Бартольда, который «побывал в библиотеке Стерлибашевского медресе и посмотрел там с большим вниманием и наслаждением рукописи, написанные 200–300, даже 500 лет раньше». Библиотека располагалась в 9 домах. В 1917 г. содержала 65 тысяч книг. В 1928 г. советской властью книги были изъяты, перевезены в Уфу и сожжены. Та же участь постигла очень редкую рукопись книги «Тэгъэриф» (1413 г.), один экземпляр которой хранился в музее в Париже, второй – в Каирском музее, третий – в Стерлибашевском медресе.

В 1844 г. Харис Нигматуллин (1810–1870) сменил своего отца на должности мудarrisа. Он ввел в 1869 г. в медресе преподавание русского языка, развернул широкую благотворительную деятельность: на личные средства был открыт дом благотворительности, построены новые здания медресе, реставрирована и расширена мечеть¹⁶¹. К середине 60-х гг. XIX в. было выстроено 25 новых зданий, был разбит сад¹⁶².

Стерлибашевское медресе стало центром притяжения передовых мыслителей, религиозных деятелей и просветителей. Здесь учились выходцы из Поволжья и далеких казахских степей. Видный ученый и писатель рубежа XVII–XVIII вв. Утыз Имяни (1754–1835) часто бывал в этом медресе¹⁶³. Семейное шежере потомков Утыза Имяни содержит сведения о том, что учеником их знаменитого предка был Салават Юлаев. В Стерлибашевском медресе в XVIII в. учились шесть пугачевских полковников: Кинзя Арсланов, Юлай Азналин, Салават Юлаев, Канзафар Усаев, Каранай Муратов, Абдулла Амиров¹⁶⁴. В 1849 г. в Стерлибашевское медресе поступил учиться будущий поэт Гали Сокрый¹⁶⁵. Проучившись определенное время, он приступил к преподаванию. Ему посчастливилось работать со знаменитым поэтом Шамсетдином Заки (1825–1865), который перешел со своими учениками в это медресе¹⁶⁶. Ш. Заки уделял много внимания преподаванию философии, владел восточными языками, хорошо знал литературу Востока. Здесь учился и башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Акмулла.

Своей прогрессивной деятельностью выделялось и Балыклыкульское медресе, где обучал шакирдов Хуснутдин Жданов, видный деятель своего времени, противник школьной схоластики и суфизма, выпускник

¹⁶¹ Шерстобитов В.А. Дореволюционные учебные заведения на ниве просветительства народа // Роль дореволюционных учебных заведений в просветительстве народа: материалы научно-практической конференции, 31 октября 2006 г. – Уфа, 2006. – С. 82.

¹⁶² Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 18.

¹⁶³ Г. Хусаинов – известный башкирский ученый, литературовед, прозаик – установил, что настоящее имя У. Имяни Абдрахим Усманов. См. Утыз Имяни – Абдрахим Усман – один ученый-писатель и две версии о нем. (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1997. – № 12. – С. 69–77.

¹⁶⁴ Зайнуллин З. Стерлибаш – шигърийат узеге // Ватаным Татарстан. – 2002. – № 4. – С. 5.

¹⁶⁵ Надыргулов М. Ижадында – заман эзэр // Ватандаш. – 1996. – № 1. – С. 123.

¹⁶⁶ Асфандияров А.З. Из истории башкирских деревень Стерлибашевского района // Ватандаш. – 1999. – № 6. – С. 29.

Стерлибашевского медресе¹⁶⁷. Он прожил 90 лет, 60 из которых отдал своим ученикам, оставив после себя несколько сотен знатоков мусульманского права, священнослужителей и преподавателей¹⁶⁸.

Значительную роль в просвещении башкир сыграло и Муллакаевское медресе (совр. Баймакский район РБ). В 1818 г. учеником знаменитого мударриса Куганакбашевского медресе Т. Вильданова Нур-Мухаммед хазратом было основано медресе при мечети деревни Муллакаево Оренбургской губернии (ныне Баймакский район).

В 1837 г. после обучения в Стерлибашевском медресе у шейха Нигматуллы Тукаева вместе с семьей в деревню возвращается сын Нур-Мухаммед хазрата Саитбаттал. При котором медресе достигает своего расцвета¹⁶⁹. В годы его работы медресе получило широкую известность среди башкир. Достойным продолжателем дела основателя медресе стал его сын хазрет Абдулла Саиди (1836–1914), известный ученый, просветитель, сэсэн и религиозный деятель. Он получил образование в Стерлибашевском медресе, учился вместе с М. Акмуллой у Г. Сокрыя и Ш. Заки. Ахмет-Заки Валиди называет его своим духовным наставником¹⁷⁰. Он совершенствовал свое образование учебой в медресе Зайнуллы Расулева, в Бухаре, Хорезме и Стамбуле¹⁷¹. Вместе с З. Расулевым пропагандировал передовые идеи ордена Накшбандия.

Популярностью среди мусульман Башкирии пользовалось медресе д. Куганакбашево Стерлитамакского уезда, где мударрис Тимурбек Вильданов составил расписание занятий, ввел классно-урочную систему и устраивал экзамены после прохождения каждого курса.

Особенно большой популярностью на российском Востоке пользовались Каргалинские медресе¹⁷². Первое мусульманское учебное заведение в Каргалинской слободе было открыто при Соборной мечети в 1746 г. Со строительством новых мечетей при поддержке мусульманского купеческого капитала возникли медресе при второй (в 1760 г.), третьей (1773 г.), четвертой (1789 г.), пятой (1802 г.) мечетях¹⁷³. К 1869 г. в Каргалах действовало 9 медресе, где обучались 496 шакирдов из башкир, татар и казахов. «Учащие кроме здешних приезжают и из других мест России, Хивы, Бухары, Азийских княжеств; с различными познаниями и для различных целей; сколько учиться предоставлено на волю, есть ученики 45 лет, а бывают и старше; учатся иногда малое время, иногда около 20 лет; одни по охоте, а другие для достижения духовного чина»¹⁷⁴. Каргалинские медресе были мусульманскими учебными заведениями среднеазиатского типа. В них поддерживались восточные учебные традиции прошедшими курс бухарских,

¹⁶⁷ Галияутдинов И. Из истории языковых и культурных процессов в Башкортостане в XIX–начале XX вв. // Ватандаш. – 2000. – № 12. – С. 103.

¹⁶⁸ Уметбаев М. Башкиры // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 166.

¹⁶⁹ Утягулов Р. Муллакаевскому медресе – 175 лет // Ватандаш. – 1997. – № 11. – С. 146.

¹⁷⁰ Заки Валиди Тоған. Воспоминания. – С. 18, 48.

¹⁷¹ Там же. – С. 48.

¹⁷² ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 618. – Л. 270–305.

¹⁷³ Хайруллин Б.Х. Каргалинские медресе // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы конференции. – Уфа, 2006. – С. 125–129.

¹⁷⁴ Бакирова А. «Слобода татарская, Сеитово тож» // Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 47.

самаркандских медресе мударрисами и уроженцами известных религиозных центров ислама. Среди них можно назвать Ишнияза бин Ширнияза из Хорезма (умер в 1791 г.) и Валиэтдина бин Хасана из Багдада (1747–1831).

Каргалинские медресе на протяжении 170 лет оставались ведущим центром подготовки священнослужителей не только Оренбургской губернии, но и всей России. Но не все Каргалинские медресе поддерживали высокие стандарты образования, их возвышение или угасание зависело от личности мударриса или купца-мецената. Лучшей постановкой учебно-воспитательного дела на рубеже XVIII–XIX вв. отличалось медресе Габдрахмана бин Мухаммадшарифа (1743–1826). Здесь получили образование первые муфтии Оренбургского Духовного магометанского собрания Мухаметжан Хусаинов, Габдельсалям Габдрахимов, Абдулвахит Сулейманов.

Одним из лучших Мухаметсалим Уметбаев называл медресе в Кишках (совр. Кармаскалинский р-н РБ). Преподавал здесь Мирсаяф Камалетдинов, получивший образование в Казанском уезде¹⁷⁵. Наряду с мусульманским правом здесь преподавались философия и логика. В нем одновременно обучалось более трехсот шакирдов. Здесь учился народный поэт Башкирии М. Гафури.

Таким образом, прогрессивные мударрисы Харис Биктимиров, Шамсетдин Заки (дер. Стерлибашево) и Хуснутдин Жданов (дер. Балыккыкулево) расширили преподавание светских дисциплин¹⁷⁶. Подобные нововведения были опробованы в медресе Давлетшаха Валиева (дер. Москово Бирского уезда), Хасана Мажитова (дер. Иркеево Верхнеуральского уезда), Зайнуллы Ульмаскулова (дер. Калкан) и др. Они отстаивали свободомыслие и стремились привить учащимся любовь к знаниям. До начала джадидистской реформы в некоторых медресе стали проводиться преобразования в учебном процессе.

В медресе обычно поступали после окончания мектеба. Медресе являлось учебным заведением для представителей мужского пола. Шакирдам медресе было от 12 до 20 лет¹⁷⁷. Срок обучения в медресе составлял 10–12 лет. Нерегламентированность учебного года, характеризующая всю мусульманскую школу, была присуща и медресе. «Обучение в школах предоставлено приходским муллам и производится преимущественно в зимнее время; летом же большая часть учащихся увольняется от учения для занятий посевными работами» – писал В.М. Черемшанский¹⁷⁸. День шакирда продолжался с раннего утра до вечера с перерывами на обед и намазы.

Так как медресе были гораздо менее распространены, чем мектебы, соответственно они одновременно служили и общежитием для шакирдов, приезжающих из разных мест. Комнаты появлялись путем занавешивания

¹⁷⁵ Уметбаев М. Башкиры // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 166.

¹⁷⁶ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века: Под ред. Х.Ф. Усманова. – Уфа: Китап, 1996. – С. 248.

¹⁷⁷ ЦГИА РБ. – Ф. 116. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 47 об.

¹⁷⁸ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859. – С. 140.

несколькими полотнами небольших «коморок» с одним окном. Днем изба служила учебным помещением¹⁷⁹.

В коранических школах отсутствовал систематизированный образовательный процесс¹⁸⁰. Традиционная программа медресе включала изучение этимологии (сарф) и синтаксиса (нахву) арабского языка, логики (мантыйк), философии (хикмет), догматики (акаид или калам) и мусульманского права (фикх)¹⁸¹. Формальные ступени образования не были установлены¹⁸². Но с годами выработались определенные правила преподавания.

Первый год обучения посвящался сарфу, а следующие два – нахву¹⁸³. На четвертый год начиналось обучение умственным наукам «аклият». Дж. Валидов так оценивал роль этого этапа схоластической школы: «Ее катехизическая система требовала от шакирда полного напряжения умственных способностей, мелочность ее рассуждений не могла не содействовать развитию силы критического анализа, а богатство всевозможных научно-философских знаний давало возможность более или менее свободно оперировать в области отвлеченной мысли»¹⁸⁴. Последним этапом обучения был «наклият», то есть преподавание религиозных дисциплин: калама, фикха и усулфикха.

Учебный курс медресе предусматривал изучение общепринятых книг, написанных еще в XI–XVI вв. Программа считалась выполненной по мере усвоения набора строго чередующихся друг за другом книг. Переход от книги к книге можно соотнести с переходом из класса в класс.

В своей автобиографии Риза Фахретдинов довольно обстоятельно описал путь обучения, пройденный им в медресе, и перечислил учебники, по которым ему приходилось приобщаться к мусульманской богословской литературе и к арабскому языку: в 12 лет начал изучать морфологию арабского языка первоначально по учебнику «Бедан» и в тот же год прошел по морфологии «Шарх Габдулла», а по синтаксису – «Кавагид» и «Гавамил». Через год окончил «Анмузадж» и принялся за изучение «Кафии» и «Исагуджи»¹⁸⁵.

Учебники приобретались на средства самих шакирдов у местных книготорговцев¹⁸⁶. По *сарфу* учились по учебникам «Бидан» («Знай») неизвестного автора и «Шарх-и Габдулла» («Комментарии к «Бидану») Габдуллы ибн аль-Муххамада (?-?); по *наху*: «Кафийа» («Достаточная книга») Ибн аль-Хаджиба (1175–1248) и «Шарх-и Мулла» («Комментарии к Кафийи») Габдрахмана аль-Джами (1414–1492); по *мантыйку*: «Исагуджи»

¹⁷⁹ Валидов Дж. Указ. соч. – С. 17–18.

¹⁸⁰ Аминов Т.М. Краткий очерк становления и развития системы образования в Башкирии до 1917 г. // Бельские просторы. – 2007. – № 8. – С. 156.

¹⁸¹ Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 3. – С. 138–139.

¹⁸² ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 17.

¹⁸³ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 523. – Л. 6 об.

¹⁸⁴ Валидов Дж. Указ. соч. – С. 29.

¹⁸⁵ Хусаинов Г. Ризаэтдин бин Фахретдин. – С. 18.

¹⁸⁶ Секретное донесение оренбургского губернатора Я.Ф. Барабаша в департамент полиции о новометодном движении среди мусульман. 10 мая 1901 г. // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900 – 1917 гг.) – Приложение. – С. 142.

(«Введение к категориям») Хисана аль-Кати (умер в 1358 г.) и «Шарх-и Исагуджи» («Комментарии к «Исагуджи»») Джамалетдина ас-Суюти (умер в 1505 г.); по *хикмету*: «Хикмет аль-Гайн» («Мудрость взгляда») неизвестного автора и «Шарх-и Хикмет аль-Гайн» (Комментарии к «Хикмет аль-Гайн») Наджмутдина Казвини (умер в 1276 г.); по *калему*: «Гакаид-и Насафи» («Догматика, написанная Насафи») Наджмутдина Насафи (1068–1142) и «Шарх-и Гакаид-и Адзи» («Комментарии к «Догматике, написанной Адзи», более известна под названием «Мулла Джалал») Джалалутдина Давани (?–?); по *фикху*: «Муктасар аль-викайа» («Сокращенная книга о соблюдении прав и обязанностей») Губайдуллы Садрушшариата II (умер в 1344 г.) и «Тавзих» («Разъяснение») неизвестного автора и др.¹⁸⁷

Мы видим, что основу преподавания в медресе составляло богословие. Общеобразовательных предметов было немного и они исполняли роль вспомогательных дисциплин при изучении ислама.

Важным событием в развитии просвещения башкир и татар стало книгопечатание в Казани на арабском шрифте. С 1801 г. началось издание учебников для мусульманских школ, которые распространялись и в Башкирии. Наряду с религиозными книгами печаталось немало полусветских и светских произведений: «Магрифэт намэ» («Книга знаний»), «Бадавам китабы» («Книга Бадавам»), «Киссаи Юсуф илэ Зулэйха» («Сказ о Юсуфе и Зулейхе») и др. Были изданы также «Русско-татарская азбука» Г. Вагабова (1852 г.), хрестоматия и словарь татарского языка С. Кукляшева (1859 г.), самоучитель арабского, персидского и татарского языков М. Бикчурина (1859 г.)¹⁸⁸. Все они расширяли кругозор читателей, что особенно важно было для шакирдов мусульманских медресе.

Светский элемент в кадимистском медресе проявлялся в таких предметах, как «Фараиз» и «Шамсия». «Фараиз» – это математическое пособие, написанное в XVII в. Юнусом Оруви с включением элементов алгебры, которое стало учебником для многих поколений шакирдов¹⁸⁹. По Аристотелю был составлен трактат по логике – «Исагоги». Кроме того, давались сведения о браке, продаже, барыше, о закладке вещей, хифзысыххат (гигиена) и др. Древние художественные произведения наряду с приобщением к основам ислама, одновременно давали сведения по географии, этике, истории, искусству¹⁹⁰.

Учителями в медресе были лица, получавшие образование в различных центрах богословской мысли. Они учились в знаменитых медресе не только соседних уездов, губерний, но и за границей – в Бухаре, Турции, Самарканде и др. В 1892 г. вышел циркуляр Министерства Просвещения, по которому духовные лица, получившие образование за границей должны были быть устранены от преподавания. Также по нему изымались из мектебов и медресе рукописные книги, которые не поддавались контролю цензуры¹⁹¹. Все эти

¹⁸⁷ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 72; ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 469. – Л. 145.

¹⁸⁸ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – С. 228.

¹⁸⁹ Валидов Дж. Очерки истории ... – С. 159.

¹⁹⁰ Сулейманова Л.Ш. Указ. соч. – С. 77.

¹⁹¹ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 469. – Л. 41–41 об.

меры были вызваны усилившимися в правительственных кругах опасениями по поводу расширения движения «панисламизма». Это в свою очередь породило массовую волну протестов мусульманского населения и духовенства¹⁹². Они требовали автономии в решении вопросов национального образования. «Несколько столетий ни один из царей не воспретил мусульманам учить своей вере из рукописных и заграничных книг. Книги сочинены еще до принятия Российского подданства, в них ничего политического нет», – писали в своем рапорте имамы из Стерлитамакского уезда¹⁹³. «Препятствование приобретению книг там, где они стоят дешевле, создает только лишнее стеснение»¹⁹⁴. Циркуляр был отменен в начале 1894 г. Уволенные мударрисы были восстановлены в своих должностях.

Отдельные мугаллимы вне программы преподавали некоторые светские дисциплины. Библиотеки, существовавшие в ряде медресе, позволяли пытливым шакирдам заниматься самообразованием. В результате наиболее даровитые ученики медресе были знакомы с классической литературой Востока, математикой, астрономией, медициной, риторикой, поэтикой, историей и географией. Имелась возможность ознакомиться с философскими знаниями аль-Фараби, ибн-Сины, аль-Бируни, Низами и других мыслителей Востока¹⁹⁵. В медресе могло быть несколько хальфов (заместителей), каждый из которых имел своих учеников. Переход шакирдов от одного учителя к другому был недопустим. Шакирды низших курсов не имели права слушать лекции мударриса¹⁹⁶.

Языком обучения богословию в мусульманских медресе был арабский, а по другим дисциплинам – языки тюрки и фарси. Средством устного общения язык тюрки не служил, сфера его употребления была ограниченной: это был книжно-литературный язык, письменный язык канцелярии, официально-деловых бумаг и т.п.¹⁹⁷. Татарский и башкирский язык в медресе не изучались, так как считались мужицкими¹⁹⁸.

Заслуживают внимания и отдельные приемы обучения в медресе. Основной метод подачи нового материала состоял в чтении и комментировании учителем текста учебника – лекция. При расхождении мнений разгорался диспут (муназара). Муназары организовывались также между учащимися соседних медресе. Предметом обсуждения на диспутах становились религиозные вопросы, тем не менее они вырабатывали у шакирдов умение логически мыслить, излагать свои доводы¹⁹⁹. Приведем характеристику, данную основоположником татарской прозы нового времени Захиром Бигиевым, братом известного теолога Мусы Бигеева относительно данного приема обучения: «У преподавателей нет никакого дела до того,

¹⁹² ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 523. – Л. 36 – 43 об.

¹⁹³ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 4.

¹⁹⁴ «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России» // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы ... – Приложение. – С. 138.

¹⁹⁵ Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. – Казань, 1941. – С. 192.

¹⁹⁶ Валидов Дж. Указ. соч. – С. 23–24.

¹⁹⁷ Галяутдинов И. Из истории языковых и культурных процессов в Башкортостане в XIX–начале XX вв. // Ватандаш. – 2000. – № 12. – С. 103

¹⁹⁸ Валидов Дж. Указ. соч. – С. 26.

¹⁹⁹ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 76.

понимает ли шакирд прочитанное или нет. Главное, чтобы он мог ловко выступить в споре, и это является мерилем его успехов в учебе. Студент считается преуспевающим учеником, если он не жалеет в споре своей глотки, норовист и решителен, а если ему удастся заставить замолчать самого учителя, то это считается верхом совершенства»²⁰⁰.

Тесная связь мусульманской школы с жизнью общины предоставляла большие возможности для шакирдов в получении практических навыков в отправлении мусульманских обрядов: они активно участвовали в похоронах, свадьбах, праздниках.

Выпускных экзаменов не было, как не было и документов о получении образования. Такой вывод мы делаем из анализа записки, поданной общественным деятелем Рашидом Ибрагимовым (Рашид-кази) в Министерство народного просвещения. Он предлагает внести изменения в существующий порядок функционирования мектебов и медресе. В одном из пунктов просит установить «выпускные экзамены с выдачей свидетельств»²⁰¹. Выпускники, окончившие полный курс медресе, становились специалистами по мусульманскому праву и догматике²⁰². Они могли сдавать экзамен в Оренбургском магометанском Духовном собрании, получать указ приходского муллы и право преподавательской работы.

В XIX в. башкирское и татарское общество было ориентировано на религиозную форму народного образования, так как ислам составлял основное идеологическое содержание жизни тюркских народов. Самодостаточность мусульманской общины в силу слабой динамики социально-экономического развития обуславливала то, что образовательные потребности удовлетворялись внутри нее. Такое положение вещей позволяло до определенного времени не впускать правительственное администрирование в сферу мусульманского образования. Мектебы и медресе, оставаясь едва ли не единственным типом национальных школ, к сожалению, не заняли достойного места в образовательной политике государства. Руководство от образования либо не видело перспективы этих школ, либо боялось потенциала, который мог развиваться вследствие их поддержки.

Основной исторической заслугой деятельности мектебов и медресе вплоть до середины XIX в. было прочное утверждение ислама среди башкир и татар. Мусульманские конфессиональные школы преследовали конкретную цель – воспитание поколения в духе исламских религиозных традиций и подготовку учителей для духовных школ, параллельно решая задачи просвещения мусульман. Более того, собственные религиозные учебные заведения позволяли сохранить самобытность мусульманского социума. Они оберегали свой мир от русификаторских тенденций, наделяя общество этническим иммунитетом. Вместе с тем они в некоторой степени

²⁰⁰ Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. – Казань, 1968. – С. 192.

²⁰¹ «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России» // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы ... – Приложение. – С. 140.

²⁰² Валидов Дж. Указ. соч. – С. 50.

удовлетворяли нужды башкирского населения в получении необходимых знаний²⁰³. Мусульманские школы способствовали популяризации образования среди мусульманских народов, у которых существовали давние традиции высокого престижа образованности. Высокие образовательные стандарты в ряде медресе способствовали формированию зарождающейся прослойки духовно-интеллектуальной элиты мусульманского общества.

Умеренные финансовые затраты на обучение предопределили доступность образования, что способствовало массовому охвату населения начальной мусульманской школой, так называемому «мусульманскому всеобучу». Неоспоримым достоинством религиозного образования являлось включение женского населения тюркоязычного общества, как в аудиторию, так и в кадровый состав мусульманского образования. Принципы популярной в современном мире идеи взаимного обучения успешно работали в мусульманской школе на протяжении нескольких веков задолго до ее оформления Беллом и Ланкастром. Опыт современной школы показывает, что традиция индивидуального обучения, сложившаяся в мектебах и медресе, также является положительной стороной мусульманского образования.

Необходимо отметить и очевидные изъяны старометодной школы. Конфессиональные школы старого типа характеризовались нерационализированным учебно-воспитательным процессом. Их существенными недостатками являлись отсутствие в учебной программе светских предметов, слабая материально-техническая база, нерегламентированный учебный год, поставленный в зависимость от сезонных сельскохозяйственных работ. Кроме того тюркоязычные народы нуждались во введении преподавания на родных языках, что было недопустимым в старометодной школе. Следствием обучения в таких школах являлось, как правило, неумение многих выпускников считать и писать²⁰⁴. Полученное образование, малоприменимое к реальной жизни, растрачивалось попусту. Со временем наступал так называемый «рецидив безграмотности»²⁰⁵. Совокупность названных факторов отбрасывала мусульманскую школу в эпоху средневекового Востока.

Усложненная организация процесса получения образования, в свою очередь, отсеивала лентяев и бездарей. То есть, как и современная система образования, была рассчитана на «сильного ученика». Лишь талантливые шакирды, с неутолимой жадой познания и безграничными способностями могли осилить путь постижения знаний. С уверенностью можно заключить, что в формирующейся прослойке башкирско-татарской интеллигенции не было случайных людей.

2.2. Значение государственных школ в образовании нерусского населения.

²⁰³ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 20, 95.

²⁰⁴ Насыров И.Р. Мурат Рамзи и его взгляды на джадидизм // Восток в исторических судьбах России: Материалы V всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 г. – Кн. 3. – Уфа: Вилли Окслер, 2006. – С. 139.

²⁰⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-132. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 24.

Со второй половины XIX в. начальной школе в России была отведена важная роль «внутренней охраны самодержавия». Школа превратилась в политический инструмент, посредством которого государственная власть намеревалась управлять обществом. Особое внимание начальному образованию в данном контексте уделялось в многонациональных регионах, каковыми являлись Поволжье и Южный Урал. Здесь школа стала важнейшим средством в решении интегративных задач.

В XIX в. в Урало-Поволжье, где преобладал исламоориентированный социум, столкнулись интересы двух духовных миров: православия и мусульманства. Государство проводило активную политику христианизации нерусских народов региона, так как православие продолжало оставаться надежной опорой самодержавия, что выражалось в триаде Уварова: православие, самодержавие, народничество.

Мусульманское духовенство стремилось привлечь к исламу «соседние народы». Во второй половине XIX в. опасность ассимиляции нерусских язычников мусульманами приобрела вполне реальные очертания. Массовыми стали акты вероотступничества ранее крещеных инородцев и случаи перехода их в мусульманство. Санкции принудительного характера – аресты, высылки, запреты на исполнение мусульманских обрядов – не приносили ожидаемых результатов. Поэтому требовались качественно новые меры.

С середины 60-х годов XIX в. Министерство народного просвещения стало целенаправленно изучать вопросы «системы мусульманского образования»²⁰⁶. Правительственный политический лексикон обогатился новым понятием: «магометанский вопрос». Интерес государства к данной проблеме носил скорее надзирательный, чем созидательный характер. Чтобы развязать себе руки для борьбы с проявлениями панисламизма, правительство намеренно преувеличивало масштабы и глубину «тюркско-мусульманского сепаратизма».

Такие вопросы как язык обучения и программа начальной школы приобретали особый статус в многонациональном государстве. Для борьбы с сепаратистскими явлениями предполагалось создание единого образовательного пространства с государственным русским языком и господствующей религией – православием.

Руководство Министерства народного просвещения во главе с графом Д.А. Толстым наметило вектор нового курса школьной политики. В ходе серии совещаний в Министерстве народного просвещения были выработаны основные меры к образованию инородцев. Они носили принципиально новый характер. Если раньше обучение инородцев велось в миссионерских школах, не основываясь на конкретной педагогической идее, то теперь

²⁰⁶ Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Часть первая. – М.-Л., 1936. – С. 282.

* Ильминский Н.И. (1822–1891) – известный русский педагог-миссионер, востоковед, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук (с 1870 г.), директор Казанской инородческой учительской семинарии (с 1872 г.). На основе изучения истории, языка и быта нерусских народов Урало-Поволжья, Средней Азии и Сибири выработал особую систему «инородческого» просвещения, которая была направлена на усиление культурно-идеологического воздействия самодержавной власти и православной церкви на местное население.

инородческое образование было подчинено системе Н.И. Ильминского*, которая базировалась на введении в начальной школе обучения на родном языке учащихся. Также на родном языке должны были происходить толкование Священного писания, пение молитв и богослужение. Фактически, материнский язык использовался для «трансляции и индоктринации основ православия»²⁰⁷. Апробация нового метода предполагалась в особых правительственных школах, специально для того учрежденных. Однако введение обучения на родном языке, по мнению противников новой образовательной концепции, могло вызвать неконтролируемый подъем этнического самосознания и препятствовать целям ассимиляции.

Стратегическая цель новой образовательной системы проиллюстрирована в докладе Министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего Отечества, бесспорно, должно быть обрусение и их слияние с русским народом»²⁰⁸. Тактическую линию данной правительственной политики можно вывести из основных положений инструкции для учителей башкирских школ, выработанной в 1865 г.: «путем обучения грамоте ознакомление со спасительными истинами христианской веры и подготовка к свободному, сознательному принятию христианства»²⁰⁹.

1 января 1864 г. было издано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», согласно которому создавались органы местного самоуправления²¹⁰. На территории Уфимской губернии земства появились после постановления Государственного совета «О распространении земских учреждений на территории Уфимской губернии» от 14 мая 1864 г. Оренбургская губерния была лишена земств до 1912 г.²¹¹

14 июля 1864 г. вышло «Положение о начальных народных училищах», на основе которого была осуществлена реформа народного образования²¹². Новый закон декларировал право на образование всех граждан без различия сословий, вероисповедания и пола. Строительство и содержание школ и больниц входило в круг деятельности земских учреждений.

31 мая 1865 г. было утверждено «Положение об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской» «... для устранения затруднений и неудобств в управлении нынешней Оренбургской губернией»²¹³. С этого времени в г. Уфе была сосредоточена военная, гражданская и школьная администрация. Создание из крупной административно-территориальной единицы более мелкой способствовало

²⁰⁷ Санжениаков И.М. Развитие просвещения и образования инородцев горного Алтая в XIX–XX в. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 2008. – С. 10.

²⁰⁸ Доклад Министра народного просвещения Д.А. Толстого «О мерах к просвещению населяющих Россию инородцев» (1870 г.).

²⁰⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 1110. – Л. 291.

²¹⁰ Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г. // ПСЗ РИ. – Т. 39. – Отд. II. – № 40457.

²¹¹ Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 500.

²¹² Положение о начальных народных училищах. 14 июля 1864 г. // ПСЗ РИ. – Т. 38. – Отд. II. – № 41 068.

²¹³ Положение об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской от 31 мая 1865 г. // ПСЗ РИ. II. – Т. XL. – Отд. первое. – С. 477–482.

мобильности в системе государственного регулирования. Первым губернатором только что образованной губернии стал Г.С. Аксаков *²¹⁴.

В конце 1865 г. Г.С. Аксаков сообщил о проведении в жизнь постановления Сената от 2 июня 1865 г. относительно распространения русской грамотности среди башкир Уфимской губернии²¹⁵. Государственной школой, согласно данным губернатора, было охвачено 233 представителя коренной национальности (190 мальчиков, 43 девочки, учившиеся в Бирском женском училище). Государственный Совет отпустил 13 713 руб. серебром в год на обучение этих детей. Г.С. Аксаков ходатайствовал о том, чтобы средства, отпущенные правительством, расходовались исключительно на обучение башкирских детей в уездных и приходских училищах²¹⁶. А сельские мектебы, которыми была охвачена 1/3 мусульманского населения мужского пола, по мнению губернатора, «не имели образовательного значения»²¹⁷. Поэтому рассчитывать на земское финансирование они могли только после «введения в них русской грамоты»²¹⁸. Простейшее средство в осуществлении этого замысла Аксаков видел в знании русского языка самим духовенством²¹⁹.

26 марта 1870 г. были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев»²²⁰. Данная правовая норма составила основу законодательства о просвещении инородцев. В соответствии с ней учреждался новый тип начальной школы для нерусского населения – русско-инородческие школы с русским языком преподавания²²¹.

Правила распространялись на Казанский и Одесский учебные округа. Казанский учебный округ был очень крупной административной единицей. В него входили Казанская, Симбирская, Самарская, Уфимская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Пензенская и Астраханская губернии. Это затрудняло адекватное функционирование различных ведомств внутри него. Гигантская бюрократическая машина была медлительной и неповоротливой. Поэтому требовалось выделение нескольких учебных округов из состава Казанского. В 1874 г. был учрежден Оренбургский учебный округ. «Главными основаниями для учреждения нового учебного округа, – считал попечитель Лавров, – послужили необходимость приведения разнородных элементов в единение общих интересов с государственной властью и господствующим народом, а также установление правительственного контроля в деле

*Аксаков Григорий Сергеевич (1820–1891 гг.) – сын С.Т. Аксакова. Государственный деятель, с 1861 г. и. д. оренбургского гражданского губернатора, с 1864 г. – оренбургский гражданский губернатор. 1865–1867 гг. – уфимский губернатор. Руководил проведением Крестьянской реформы и других реформ 60-80-х гг. XIX в. Занимался созданием административных учреждений Уфимской губернии. При нём был создан Уфимский губернский музей, построено здание современного театра оперы и балета, открыта женская гимназия.

²¹⁵ Леонов Н.И. Реформа народного образования 1864 г. в Башкирии. // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI–XX вв. – Уфа, 1994. – С. 116.

²¹⁶ Там же. – С. 117.

²¹⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-9. – Оп. 1. – Д. 1675. – Л. 85 об.

²¹⁸ Там же. – Л. 85 об; ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 959. – Л. 5 об.

²¹⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-9. – Оп. 1. – Д. 1676. – Л. 45.

²²⁰ Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев. 1870 г. // ПСЗ РИ. – Т. 41. – Отд. 1. – № 48185.

²²¹ Ямаева Л.А. Вопросы школьного образования и мусульманская фракция в Государственной Думе России (1906–1912 гг.) // Ядкарь. – 1996. – № 1. – С. 134.

устройства новых школ для огромного числа инородцев и правильного ведения просветительской и воспитательной работы в них»²²².

Закон разделял нерусские народы России на три категории:

- I – «народы весьма мало обрусевшие», к которым относились народности Восточной Сибири и Урало-Волжского региона.
- II – «народы, живущие в районах, населенных русскими». Среди них можно отметить грузин.
- III – «народы, достаточно обрусевшие», к примеру украинцы и белорусы²²³.

Среди «весьма мало обрусевших народностей Урало-Поволжья» просматриваются три группы «инородцев»: христиане, мусульмане и язычники. Согласно этой дифференциации и происходило формирование русско-инородческих школ.

Для детей нерусских христиан и язычников – крещенных татар, чувашей, удмуртов, мордвы и марийцев, – учреждались четырехлетние школы с первоначальным преподаванием на «инородческих наречиях». Их обучение полностью основывалось на системе Н.И. Ильминского²²⁴. Особое место в учебном курсе этих школ занимало изучение «Закона божьего», церковного пения и русского языка.

Русско-мусульманские учебные заведения на исследуемой территории были представлены русско-башкирскими, русско-татарскими и русско-казахскими школами. Русские классы при медресе также можно отнести к данному разряду, так как основной упор в этих школах делался на изучение русского языка. Преподавание «Закона божьего» для магометан заменялось исламским вероучением²²⁵. «Правила» стали одним из первых и основных законодательных актов в деле распространения светского русского образования среди мусульман внутренней России.

Русский язык вводился в новые школы не в качестве учебного предмета, он «стал инструментом самого преподавания»²²⁶. Исследователи пытаются интерпретировать данный факт как проявление обрусительной политики. Однако не имеет смысла оспаривать необходимость изучения государственного языка нерусскими народами, живущими в Российской империи. Просвещенная мусульманская общественность отчетливо осознавала факт, что в XIX в. на фоне бурно развивающихся капиталистических отношений знание русского языка было не столько прогрессивным явлением, сколько необходимым условием существования нерусских народов в составе Российского государства. Поэтому она не противилась ему. Более того, представители башкирской и татарской элиты старались обучать своих детей в русскоязычных школах. Муфтий С.Г. Тевкелев отмечал, что основная цель, преследуемая введением

²²² Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – 1875. – № 1-2. – С. 10.

²²³ ПСЗ РИ. – Т. 41. – Отд. 1. – № 48185.

²²⁴ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 41.

²²⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 444. – Л. 22-26, 44-46, 84-86.

²²⁶ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – 1875 г. – № 1-2. – С. 13.

«русского языка в программу обучения мусульманских детей», заключается «в развитии последних»²²⁷.

По системе Н.И. Ильминского занятия в школах должны были вести либо русские учителя, хорошо владеющие родным языком учащихся, либо преподаватели из родственной учащимся среды. Срок обучения в школах длился также четыре года. Учебный курс состоял из русского языка, чистописания, арифметики и мусульманского вероучения. Таким образом, упомянутый тип учебных заведений реализовывал программу начальных училищ²²⁸.

Начальное обучение происходило на родном языке, постепенно осуществлялся переход к обучению на русском языке. Специально для этих школ издавались учебники, отпечатанные русским шрифтом, «дабы совершенно отторгнуть татар, казахов и башкир от мусульманской письменности»²²⁹.

Учебный год начинался в сентябре или в октябре, а заканчивался в конце апреля в начале мая месяца. Продолжительность учебного года колебалась от 150 до 185 дней в году. Начало и окончание учебных занятий в русско-татарских школах, как и во всех сельских школах, зависели от времени ведения полевых работ. Зачастую дети начинали посещать школу только с окончанием всех полевых работ. Природно-климатические явления (сильные морозы, бураны, дожди, распутица) и различные эпидемии (холера, скарлатина, корь, тиф) также приводили к перерывам в учебном году.

В школу принимались дети от 7 лет и выше. Часто поступали в школу желающие в возрасте 19-25 лет и выше. При поступлении татарские крестьянские мальчики вовсе не знали русской разговорной речи. Учитель вел со вновь поступающими учениками подготовительные занятия. Прием учеников производился ежегодно и в течение всего года.

Твердо установленных учебных программ для русско-татарских земских школ не существовало. В основном за образец учителя брали программу, составленную для русских начальных школ. Число уроков в неделю составляло 30 часов. Занятия продолжались в среднем ежедневно по 6 часов. В русско-татарской земской школе, кроме татарского языка и вероучения, преподавались такие предметы как русский язык, арифметика, чистописание, история, география, природоведение. Пение, гимнастика, огородничество, садоводство, рукоделие и некоторые другие необязательные предметы обычно в русско-татарской земской школе не преподавались.

Учебные пособия ученики получали бесплатно от земства. При каждой школе была библиотека для учительского персонала и для учеников.

Под действие Правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» попадали и мусульманские профессиональные школы (мектебы и медресе). В соответствии с этим, для всех учеников указанных школ в

²²⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 959. – Л. 61 об.; Хрестоматия по истории Башкортостана. – Ч. 1. – Уфа: «Китап», 1996. – С. 296–297.

²²⁸ Загидуллин И.К. Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 64.

²²⁹ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 41.

возрасте до 16 лет вводилось обязательное обучение русскому языку, который преподавался в русских классах, созданных при них. При этом предписывалось «в видах устранения со стороны татар всякого подозрения относительно духа этого преподавания, не препятствовать лицам, заведующим мектебами и медресе или обучающим в них, присутствовать, буде пожелают, на уроках в русских классах»²³⁰. «Правила» декларировали создание русских классов при существующих мектебах и медресе. Открытие новых конфессиональных школ ставилось в зависимость от возможности и желания сельской общины содержать учителя русского языка при религиозной школе. В тех случаях, когда в одном населенном пункте было несколько традиционных школ, можно было ограничиться открытием одного русского класса. Как правило, башкиры не имели даже такой возможности. Депутат от мусульманской фракции Г.Х. Еникеев в своем выступлении на III Государственной Думе отмечал, что «мусульманские народы осознают необходимость обучения русскому языку», но «положение мусульман в отношении образования своих детей крайне тяжелое», ибо «за последние десятилетия» мусульманское население «страшно обеднело и ... не в состоянии содержать свои школы»²³¹. «Для содержания таких классов требуется минимум 400 руб. в год», – осведомляет известный татарский общественный деятель Р. Ибрагимов²³². Тогда как мектебы и медресе обходились приходу во много раз дешевле.

В 1882 г. «Правила» подверглись пересмотру. Александр III предписал учебным властям «оставить мектебы и медресе в покое» и ограничиться лишь сбором статистических сведений о них²³³. Обязательность русских классов была отменена²³⁴.

В 1891 г. вышло «Положение об обязательном знании русского языка муллами», в котором объем «знания» определялся программой русско-башкиро-татарских школ или русских классов при медресе²³⁵. Установление образовательного ценза для духовных лиц значительно подняло «практическую значимость русских классов»²³⁶. Они стали посещаться не только детьми, но и взрослыми шакирдами.

«Иностранческие школы», получившие в народе название «школы Ильминского», участвовали и в решении проблемы светского женского образования нерусского населения. При учреждении особых народных училищ для детей магометан предписывалось «устроить при сих училищах смены для обучения девочек, а где будут заведены русские классы при мектебах и медресе, устраивать на счет казны училища для девочек»²³⁷. 1

²³⁰ Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах. – Казань, 1898. – С. 29; Хрестоматия по истории педагогики. / Под ред. С.А. Каменева, сост. Н.А. Желвакова. – С. 95.

²³¹ Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906–1907 гг. Сборник документов и материалов. – С. 122.

²³² «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России» // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные ... – Приложение. – С. 137.

²³³ Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и оренбургском округах и магометанских учебных заведениях. – Казань, 1902. – С. 44–45.

²³⁴ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 63.

²³⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 503. – Л. 31 об. (Положение об обязательном знании русского языка муллами. 1891 г.).

²³⁶ Валидов Дж. Очерк истории ... – С. 44.

²³⁷ Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах. – Казань, 1898. – С. 30.

марта 1894 г. инспектор народных училищ И. Троицкий докладывал попечителю Оренбургского учебного округа: «вследствие неоднократных моих настояний Белебеевское уездное земское собрание постановило ассигновать 440 руб. на содержание русско-башкирской женской школы»²³⁸. «Согласно названному постановлению земства, 3 марта [1894 г.] в дер. Буздяк была открыта первая в Дирекции женская русско-башкирская школа с содержанием от земства; причем в первый же день поступило 10 девочек-магаметанок»²³⁹. Также предполагалось открытие училища для мусульманок в дер. Слак. Однако Богадинское и Альшеевское волостные правления представили в управу приговоры жителей этих деревень о том, что «они иметь у себя училищ для девочек не желают». К русско-инородческим школам по типу обучения примыкал и башкирский женский приют.

«Правила» приветствовали и всячески поощряли совместное обучение всех групп «иноверцев» вместе с русскими детьми. Однако обучение крещенных инородцев и язычников с магомметанами не допускалось. Очевидно, изоляция мусульманских детей от нерусских народностей с одной стороны, и смешанное обучение всех их с русскими детьми, с другой, должно было, по замыслу организаторов «Правил», ускорить русификацию и тех и других. «Побочным» эффектом данного ограничения стало прогрессивное влияние русскоязычного компонента на молодое поколение мусульман. «Даже русский элемент в уездных училищах оказывает большое влияние на магомметанских мальчиков», – отмечает М. Уметбаев в своем заявлении на VII Уфимском уездном собрании 24 октября 1881 г.²⁴⁰

Русско-инородческие училища находились в подчинении Министерства народного просвещения. Решение об их открытии принимал попечитель учебного округа. Организационные вопросы о непосредственном открытии школ, переговоры с местными жителями об условиях их содержания возлагались на уездные земства²⁴¹. Надзор за школами осуществлялся инспекторами народных училищ. Для координации усилий местных властей и улучшения организации инородческого образования в Казанском учебном округе учреждалась должность инспектора татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ²⁴². В 1871 г. этот пост занял В.В. Радлов*. С образованием в 1874 г. Оренбургского учебного округа, в состав

²³⁸ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 117. – Л. 1.

²³⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 117. – Л. 1.

²⁴⁰ Заявление М. Уметбаева в Уфимское VII очередное земское собрание // Вестник Уфимского земства. – 1882. – Т. XXI. – С. 227; Хрестоматия по истории Башкортостана. – Уфа, 1996. – С. 297–298.

²⁴¹ Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в первое сорокалетие XX в. – Уфа: Издание Баш. Гос. ун-та, 2000. – С. 55; Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917 гг.). Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 120.

²⁴² Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 53; Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 42.

* Радлов В.В. (Фридрих Вильгельм) (1837 г., Берлин–1918 г.) – Родился в Берлине в семье комиссара городской полиции. Учился в Берлинском университете, где свое призвание нашел в изучении восточных языков. Он слушал лекции по еврейскому, арабскому, персидскому, турецкому, маньчжурскому и китайскому языкам. Особое увлечение Радлова составляли урало-алтайские языки. Поэтому у него родилась идея поехать в Россию, для чего он выучил и русский язык. В 1871 г. Василий Васильевич переехал в Казань, руководил учебной частью Казанской татарской учительской школы с момента ее образования. С 1884 г. В. Радлов стал академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Расшифровал знаменитые орхоно-енисейские надписи (рунические), руководил Азиатским музеем, Музеем антропологии и этнографии. Участвовал в организации Уфимской татаро-башкирской учительской школы (1872 г.), учрежденной «для удовлетворения возникшей потребности в учителях для русско-инородческих школ». Предлагал ввести в медресе Казанского учебного округа изучение русского языка, арифметики, начал алгебры. Таким образом, являлся первым представителем администрации, поставившим вопрос не о замене мусульманской школы русской, а о дополнении ее программы светскими предметами.

которого входили Оренбургская, Уфимская, Пермская губернии и Тургайская область, аналогичную должность инспектора занял В.В. Катаринский.

В целом, «Правила об образовании инородцев» наметили курс школьной политики, осуществляемой со второй половины XIX в. до 1905 г. Но этот закон был не единственным, чье влияние непосредственно отразилось на развитии народного образования в крае.

Государственные преобразования второй половины XIX в. напрямую затронули исследуемый регион. «Положение о башкирах» от 14 мая 1863 г. заложило начало ликвидации кантонной системы управления и перевело башкир, мишарей и тептяр из военно-служилого сословия в гражданское (т.е. податное)²⁴³. Внушительная сумма из фонда «башкирского капитала» (290 тыс. руб.) была переведена в Министерство народного просвещения. Целевое назначение перевода определялось как «устройство и содержание начальных училищ в местностях, населенных башкирами»²⁴⁴. Таким образом, соблюдалась определенная преемственность в русскоязычном образовании башкир, мишарей и тептяр, начало которому было положено еще в дореформенное время. Задолго до реформ для детей военно-служилого сословия открывались миссионерские начальные училища. Еще в 1805 г. в дер. Аскарново Тамьян-Тангаурской волости Верхнеуральского уезда Уфимской губернии была открыта школа для обучения башкирских детей русской грамоте. По состоянию на 1862 г. в Башкирском войске существовало 27 русско-башкирских школ, открытых в 1858 г. В них обучалось 498 детей²⁴⁵. Одна из таких школ находилась в деревне Тунгатарово Барын-Табынской волости Троицкого уезда, ставшей штаб-квартирой 7-го кантона до 1865 г.²⁴⁶ В ней училось 10 детей. Хорунжий Абдулла Урусов, выпускник Неплюевского военного училища, обучал их русскому языку и арифметике²⁴⁷.

Финансовое бремя по открытию и содержанию начальных школ ложилось на земские учреждения. Государство не финансировало земства. Их бюджет формировался путем налогообложения населения. Расходы земства делились на «обязательные» и «необязательные»²⁴⁸. Любопытно, что расходы на нужды народного образования и здравоохранения относились к «необязательным» и включались в смету лишь по решению земского собрания. Примем во внимание тот факт, что мусульманское население края составляло половину от общего числа населения, следовательно, и налогоплательщиков губернии. Соответственно этому должно было происходить и участие земств в судьбе просвещения башкир и татар на территории данных губерний. Однако документы начала XX в. убеждают

²⁴³ Положение о башкирах. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 14 мая 1863 г. // ПСЗ РИ. – Т. 40. – Отд. II. – Л. 755–756.

²⁴⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 1110. – Л. 106; Башкирский капитал – деньги, собранные с башкир, мишарей и тептяр в период кантонного управления.

²⁴⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-2. – Оп. 1. – Д. 1225. – Л. 6.

²⁴⁶ Асфандияров А.З. Из истории сел и деревень Учалинского района. // Ватандаш. – 1999. – № 3. – С. 36.

²⁴⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-2. – Оп. 1. – Д. 1388. – Л. 18.

²⁴⁸ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Ч. 1. – С. 386.

нас в обратном. Так, в докладе Уфимской губернской земской управы 1907 г. говорится, что «расходы уездных земств на народное образование составляют 1/3 всего бюджета», а «расходы губернского земства не превышают 12 %»²⁴⁹. В деле с программой обследования мектебов 1912 г. указывается, что «мусульмане составляют 49 % от общего населения губернии, и вопрос об образовании должен занять почетное место. Мы должны будем признать, что земство сделало очень немного и очень немного потрачено средств для образования мусульман»²⁵⁰.

По новому законодательству было завоевано право открытия и содержания начальных учебных заведений органами местного самоуправления и общественностью, что должно было ускорить создание массовой народной школы. Процедура выглядела следующим образом: сельский сход принимал решение об открытии школы. На нем же обсуждались вопросы обеспечения помещением, назначения учителя и текущее содержание (отопление, освещение и ремонт) учебного заведения. Далее решение направлялось мировому посреднику для заверения, после чего документы попадали попечителю Оренбургского учебного округа. Последней инстанцией было Министерство народного просвещения, которое давало разрешение на открытие школы либо отказывало в этом. Весь процесс занимал в среднем около полугода. Но сложности начинались после этого. Основные проблемы при открытии школы составляли отсутствие подходящего помещения, слабое финансирование, кадровый дефицит и нежелание местного населения отдавать своих детей в эти школы.

На количество поступающих в народные училища положительно отразилось принятие закона о всеобщей повинности 1874 г., по которому сокращался срок воинской службы для закончивших начальные училища.

Реализация программы народного образования была сопряжена с серьезными трудностями. Остро стояла проблема с помещением для новых школ. Как правило, дома арендовались у частных лиц или сельских обществ. Население несло так называемую «квартирную повинность» по содержанию школ. Распространенным было явление, когда ученики жили в одном помещении с учителем. Как сообщал Директору народных училищ учитель Кара-Якуповской школы: «ученики из другой деревни живут частью в моей комнате, частью в сенях»²⁵¹. Собственные здания для школ были большой редкостью даже в конце XIX в. Отпечаток наложило и тяжелое финансовое положение земств, в котором они оказались в последней трети XIX в. Учитель параллельно с обучением детей занимался отоплением и ремонтом помещения. Изменения наступили на рубеже XIX–XX вв., когда началось строительство новых школьных зданий. К начальному периоду реформирования относится появление русско-башкирских и русско-татарских школ в деревнях Асяново, Байгужа, Бураево, Каршино, Маскаково

²⁴⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-132. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 1 об.

²⁵⁰ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. – Т. 2. – Д. 2765. – Л. 45 об.

²⁵¹ Из «рапорта учителя Кара-Якуповской русско-башкирской школы Хабибуллина Директору народных училищ Уфимской губернии // ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 462. – Л. 100.

Бирского уезда, Илтабаново, Рахматово, Темясово Верхнеуральского уезда²⁵². За 9 лет (с 1899 г. по 1907 г.) в Уфимской губернии было открыто 230 школ.

Учреждение новых школ требовало качественной подготовки учительских кадров. Для этого в 3-м пункте части 2 «Правил» ставилась задача создания татарских учительских школ²⁵³.

27 марта 1872 г. было утверждено «Положение о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе»²⁵⁴. Пункт 5 «Положения» приравнивал учительские школы к разряду средних учебных заведений и наделял общими правами с прогимназиями ведомства Министерства народного просвещения²⁵⁵. Во главе школы стоял инспектор, имеющий педагогическое образование и опыт работы, знающий татарский язык. Срок обучения в школе составлял 4 года (по году в каждом классе). Учебный курс татарской учительской школы состоял из следующих предметов: русский язык; арифметика, с кратким курсом геометрии и черчением; география, преимущественно русская, с краткими сведениями о важнейших исторических событиях, изучаемых стран, особенно России; объяснение местных произведений и явлений природы; основания педагогики и дидактики; чистописание и рисование; магометанское вероучение. Также воспитанники обучались гимнастике и некоторым ремеслам (переплетному, токарному и т.п.)²⁵⁶. «Обучение ремесел должно быть серьезно поставлено во всех учебных заведениях, приготавливающих учителей». Оно способствует развитию «ловкости и силы в руках и пальцах, сметливости и т. п.», – замечает преподаватель Казанской татарской учительской школы П.В. Траубенберг²⁵⁷. Далее он указывает, что ученики с большой любовью занимались столярным и переплетным мастерством, так как «будущий учитель народной школы должен непременно уметь сам переплести прочно и изящно книгу, сделать тетрадь, склеить папку, геометрическую и минералогическую модель, сделать простую классную мебель, классную доску»²⁵⁸. Таким образом, на учителя возлагалась обязанность полностью обеспечивать учебный процесс: изготавливать наглядные пособия, книги и тетради, даже мебель. Учительская школа изначально готовила своего выпускника к жизни в существующей реальности и обеспечивала его необходимыми навыками для работы в условиях бедной, необеспеченной школы.

Преподавание в учительских школах велось на русском языке, исключение составляло мусульманское вероучение, шедшее на татарском

²⁵² История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Ч. 1. – С. 442.

²⁵³ ПСЗ РИ. – Т. 45. – Отд. 1. – № 48185.

²⁵⁴ Высочайше утвержденное положение о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе // ПСЗ РИ. II. – Т. 48. – Отд. 1. – № 50660. – С. 348–351.

²⁵⁵ Высочайше утвержденное положение о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе // ПСЗ РИ. II. – Т. 48. – Отд. 1. – № 50660. – С. 348–349.

²⁵⁶ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 21. (Свидетельство об обучении в Казанской татарской учительской школе С. Девлеткильдеева).

²⁵⁷ Траубенберг П.В. Татарская учительская школа в Казани (1890) // Казанская татарская учительская школа. 1876–1917. Сборник материалов. – Казань: Гасыр, 2007. – С. 63.

²⁵⁸ Казанская татарская учительская школа. 1876–1917. Сборник материалов. – С. 63.

языке. Для «дидактических упражнений воспитанников» при школе состояло татарское начальное училище. В школу принимались юноши всех сословий, достигшие 15 лет. Воспитанники учительских школ освобождались от рекрутской и других натуральных повинностей на время обучения, а также во время работы в должности учителей «инородческих» училищ. Выпускники после успешной сдачи экзаменов, получали аттестат на звание учителя начальных училищ. Но в дальнейшем они не имели права поступления в ВУЗы²⁵⁹. Таким ограничением закон надежно обеспечивал инородческую школу преподавательскими ресурсами.

За короткий срок в регионе были созданы три учительские школы по обучению учителей «инородческих училищ»: Уфимская, Бирская «инородческая» и Орско-Оренбургская киргизская учительские школы. Выпускники этих школ в перспективе «должны были не только учить детей своих соплеменников русской грамоте, но и служить между ними проводниками русской цивилизации, быть передовыми деятелями в деле обрусения татар». То есть они становились основным средством в реализации целей, намеченных «Правилами о мерах к образованию инородцев».

Уфимская татарская учительская школа была открыта в г. Уфе²⁶⁰. Но просуществовала здесь недолго (с 1872 по 1877 г.)²⁶¹. Официальная причина перевода ее в г. Оренбург и дальнейшего закрытия в 1889 г. заключалась в низком уровне подготовки выпускников²⁶². В 1876 г. Министр народного просвещения Д.А. Толстой посетил школу и остался недоволен слабым знанием у учеников русского языка²⁶³. Д.А. Толстой был обеспокоен также близостью Оренбургского Магометанского Духовного собрания и влиянием муфтия на идейную направленность учеников.

Его беспокойство было не без основания. На учебу в Уфимскую татарскую учительскую школу принимались юноши из башкир и татар, часто совсем не знавшие русского языка. В то же время в школе строго придерживались всех правил и обычаев мусульманской религии. Учащиеся с преподавателями посещали мечеть по всем религиозным праздникам. В первые годы педагогическая практика проходила в русских классах при медресе. Затем для этих целей было открыто начальное училище при учительской школе²⁶⁴. Таким образом, вырисовывается истинная причина закрытия – школа не соответствовала первоначальным целям обрусения мусульманских детей²⁶⁵. Выпускники такой школы не могли бы поддерживать нужную русификаторскую направленность в своих учебных заведениях. Поэтому логично было отказаться от специального педагогического образования для мусульман.

²⁵⁹ Аминов Т.М. Система педагогического образования ... – С. 85.

²⁶⁰ Указ Александра II об утверждении Татарской учительской школы в Уфе // ПСЗ РИ. – Соб. 2. – Т. 47. – Отд. 1. – С. 348–351.

²⁶¹ ГАОО. – Ф. 264. – Оп. 1 – Д. 38. – Л. 5.

²⁶² Аминов Т.М. Дореволюционная Уфа ... – С. 51–52.

²⁶³ Еникеев А.А. Указ. соч. – С. 108.

²⁶⁴ Аминов Т.М. Система педагогического образования ... – С. 87.

²⁶⁵ ГАОО. – Ф. 264. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 13.

В 1882 г. в г. Бирске была открыта марийско-чувашская учительская школа. В конце XIX в. в Бирском уезде проживало 85,3 % всех язычников Уфимской губернии. Открытие данной школы преследовало цель подготовки кадров для дальнейшей христианизации нерусского немусульманского населения через начальную школу.

10 ноября 1880 г. было утверждено Положение об учреждении учительской школы для казахов в г. Троицке²⁶⁶. Чтобы избежать «отатаривания» казахов, преподавателями в русско-киргизские (казахские) школы должны были назначаться представители коренной национальности. Однако таких учителей не оказалось. 3 февраля 1883 г. в г. Орске Оренбургской губернии была открыта школа для подготовки учителей коренной национальности. Причинами для ее открытия послужило «стремление оградить киргизов от пагубного влияния татар». В 1889 г. школа была переведена из г. Орска в г. Оренбург.

К числу педагогических учебных заведений, обеспечивающих учителями начальные мусульманские школы данного региона, следует отнести и Казанскую татарскую учительскую школу, открытую в 1876 г.²⁶⁷

За период с 1876 по 1917 гг. школа подготовила около 400 учителей. Первый выпуск школы в числе 5 человек состоялся в 1880 г. До конца 90-х годов XIX в. количество воспитанников школы оставалось на этом же уровне. Но уже в начале XX в. число желающих учиться в ней резко возросло: в 1901 г. – 26 воспитанников, а в 1903 г. – уже 47 человек.

Свой авторитет школа завоевывала постепенно, преодолевая сопротивление, недоверие, а иногда и фанатизм местного населения. В отчете школы за 1883 г. инспектор Казанской татарской учительской школы Ш.И. Ахмеров отмечал: «доверие татар к учительской школе поддерживается строгим наблюдением за нравственностью воспитанников и их поведением. Соблюдение магометанских молитв, обычаев, хождение хоть раз в неделю в мечеть, наружность и костюм истинного мусульманина подкупают симпатии татар в пользу воспитанников школы или, по крайней мере, лишают возможности вредить школе в глазах соотечественников клеветой и злословием, при том школа для поддержания доверия общества всегда допускает лиц почетных, желающих ознакомиться со школою в здание школы и лично видеть жизнь учащихся»²⁶⁸.

Учебная программа школы включала изучение следующих предметов: с первого класса – русский язык, математика, вероучение, естествоведение, со второго класса к ним добавлялись история, география, с третьего класса – педагогика и дидактика. Преподавались также рисование, черчение, гимнастика.

²⁶⁶ Исторический очерк киргизской учительской школы за время 1883–1899 // Оттиск из циркуляра по Оренбургскому учебному округу за 1903 г. – № 4–6.

²⁶⁷ Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917 гг.): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. – Уфа, 2005. – С. 130.

²⁶⁸ Шарангина Р.А. Казанская татарская учительская школа – новое образовательное заведение для татар (по документам НА РТ) // сайт главного архивного управления при Кабинете Министров РТ. www.archive.gov.tatarstan.ru.

Главное внимание в школе уделялось русскому языку, являвшемуся не только языком обучения, но и специальностью будущих учителей. Уже в июле 1876 г. исполняющий должность инспектора Казанской татарской учительской школы М.-Г. Махмудов обращается к попечителю Казанского учебного округа с просьбой устроить ежедневные вечерние занятия по русскому языку для воспитанников с целью достижения «достаточной практики в употреблении русского языка»²⁶⁹. Практическому изучению русского языка, приобретению навыка в разговорной речи способствовали и устраиваемые в школе ученические спектакли, литературные вечера, беседы, литературный кружок. Большие возможности для практического освоения русского языка представляло открытое в 1882 г. при Казанской татарской учительской школе начальное татарское училище.

Учебно-воспитательная работа в школе опиралась, прежде всего, на принцип наглядности. Как свидетельствуют архивные документы, школа хорошо оснащалась учебно-наглядными пособиями. В 1914 г. инспектор Казанской татарской учительской школы докладывал министру народного просвещения: «В физическом кабинете 155 приборов; в естественно-историческом и географическом кабинете 370 предметов; в классе рисования: 46 номеров». В школе имелись химическая лаборатория, богатая минералогическая коллекция, большие стенные таблицы растений, животных, модели для изучения морфологии растений, чучела животных и костяки животных, исторические карты, картины, глобусы²⁷⁰.

Участие в подготовке учительских кадров принимало и Ново-Каргалинское училище (с 1912 г. – высшее начальное училище). В 1913 г. из 216 учителей башкирской и татарской национальностей, работавших в русско-башкирских и русско-татарских школах Уфимской губернии 28 % составляли выпускники Каргалинского училища²⁷¹. А из 41 учителя, преподававшего в школах Оренбургской губернии, – 24 % .

Анализ программ учительских школ показывает, что в них отсутствовало изучение родного языка. Инспектор народных училищ Бирского уезда отмечал, что «из 25 учителей русско-мусульманских школ лишь 8 понимают язык учащихся»²⁷². Таким образом, в «инородческих» учительских школах готовились педагогические кадры, которые также в дальнейшем не могли преподавать родной язык. Это важнейший аргумент в изобличении русификаторских целей народного образования по отношению к мусульманскому населению края.

Такая же картина наблюдалась и в местностях с проживанием немусульманского населения. К примеру, в чувашских школах Белебеевского уезда Уфимской губернии процесс обучения детей сильно тормозился из-за незнания учителями чувашского языка²⁷³. А местное население не понимало

²⁶⁹ Шарангина Р.А. Казанская татарская учительская школа – новое образовательное заведение для татар (по документам НА РТ) // сайт главного архивного управления при Кабинете Министров РТ. www.archive.gov.tatarstan.ru

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Мамлеев М., Мамлеев Р. Каргалинские корни. – С. 117.

²⁷² Ведомость к отчету инспектора народных училищ // ЦГИА РБ. – Ф. И-223. – Оп. 1. – Д. 31.

²⁷³ Азаматова Г.Б. Указ. соч. – С. 121.

русского языка. Понятно, что вопрос о качестве образования в этих школах не стоял.

Поэтому начальное обучение на «материнском наречии» являлось обязательным условием образовательного процесса, что лежало и в основе принципа Н.И. Ильминского «переход от известного к неизвестному». В реальности существовал огромный разрыв между теорией и практикой. В 73 % русско-инородческих школ преподавание на русском языке начиналось с первого года обучения, в 18 % – со второго года, в 6 % – с третьего²⁷⁴.

Общий вывод по проблеме кадров можно сформулировать следующим образом: бурное развитие начального образования у нерусского населения края опережало темпы подготовки педагогических кадров, требовало качественных изменений в процессе обучения преподавателей. Русско-инородческие училища могли стать национальной школой лишь при учете и под влиянием этно-культурных особенностей обучающихся.

Нелегкой задачей для развития «инородческих» школ оказалось и завоевание доверия у местного населения. Нежелание мусульманского населения сотрудничать с государственной школой, основывалось на устойчивых ассоциациях между принципами обучения в ней и перспективой христианизации. Попытки учреждения школ в башкиро-татарских деревнях терпели сокрушительное поражение, исправлению которого не способствовало и содействие муфтия С.Г. Тевкелева. В «Наставлении муллам, подведомым Оренбургскому магометанскому духовному собранию», датированном октябрём 1872 г., важность изучения русского языка муфтий аргументировал бытовой необходимостью: «от незнания русского языка происходит большое зло; вы не понимаете предписаний и требования гражданского начальства и довольствуетесь тем, что скажут вам или захотят вам сказать ваши переводчики; вы лишены многих выгод, потому что даже просить не умеете того, в чем иногда нуждаетесь от христиан и от своего начальства»²⁷⁵. Он заверял население, что требование изучения русского языка пронизано не идеями христианизации: «говорят, что есть люди, которые уверяют вас, что тот, кто требует знания русского языка, тот хочет привести вас к христианству»²⁷⁶.

Итог работы земств, подведенный в начале 80-х гг. XIX в., не производит положительного впечатления от результатов проведения реформы в области инонационального образования.

В Белебеевском уезде земства содержали инородческие школы для марийцев, мордвы и крещенных татар. Земских сельских школ было 15²⁷⁷. Открытие начальных школ для мусульман наталкивалось на сопротивление со стороны местного населения. Русские классы при медресе, организованные в деревнях Кубяково, Куручево, Сарсазово, Старо-Дюмеево и Урметево, не пользовались популярностью. После долгого бездействия они

²⁷⁴ Школьная статистика за 1913–1914 учебный год. – С. 45.

²⁷⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 1800. – Л. 3.

²⁷⁶ ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 959. – Л. 60–61; Хрестоматия по истории Башкортостана. – Ч. 1. – Уфа: «Китап», 1996. – С. 296–297.

²⁷⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 267. – Л. 118 об.

прекратили свое существование. Инспектор инородческих школ В. Катаринский в ходе проверки в августе 1886 г. выявил, что «в Урметевском русско-башкирском училище второй учебный год учащихся бывает не больше 3-4 человек. Ввиду того, что сочувствующий делу русского образования мулла перешел на службу в другой приход, школьные обстоятельства совершенно изменились в ущерб русскому училищу»²⁷⁸. Учитель Сарсазовской инородческой школы Музафаров в 1897 г. в своем рапорте об уходе из школы писал, что «ученики не посещают школу, потому что местный мулла не отпускает их из своего медресе»²⁷⁹. Таким образом, в Белебеевском уезде в течение продолжительного времени не было ни одной инородческой школы для мусульман. Лишь в 80-е гг. земству удалось открыть 6 русско-башкирских школ в деревнях Мрясево, Имай Карамалы, Новые Каргалы, Буздяк, Шланлыкулево, Аднагулово.

Показательна история открытия Ново-Каргалинской школы в 1887 г. Крестьяне дер. Урметево под влиянием фанатика-муллы не пускали своих детей учиться в русско-татарскую школу. Учитель Ибатулла Еникеев (1862–1922) вынужден был возить детей из Новых Каргалов за 150 км на весь учебный год, беря на себя заботу о содержании этих детей²⁸⁰. Инспектор Катаринский просил попечителя Оренбургского учебного округа «о переводе средств на содержание Урметевского училища (400 руб.) на содержание училища в Новых Каргалах. Так как новокаргалинские дворяне [Еникеевы и Мамлеевы] издавна заявляли свои симпатии к изучению русского языка, охотно отдают своих детей в городские приходские и уездные училища, имеют среди своих немало чиновников и учителей»²⁸¹. На что была получена резолюция Директора народных училищ А. Семигановского: «вполне разделяю ходатайство инспектора татарских, киргизских и башкирских школ»²⁸². 17 октября 1886 г. попечитель Михайлов получил уведомление из Министерства народного просвещения: «разрешаю существующее в д. Урметево Белебеевского уезда Уфимской губернии русско-татарское училище переместить в д. Каргалы того же уезда и той же волости»²⁸³.

Практика закрытия одних училищ и перевода их в другие населенные пункты была довольно распространенной. Так, инспектор народных училищ И. Троицкий в 1887 г. обеспокоенно сообщал Директору народных училищ Уфимской губернии по поводу отсутствия учеников в Сарайлинском русском классе: «класс не соответствует своему назначению и при данных условиях нельзя ожидать какого-либо улучшения в будущем. Я обращаюсь к Вашему высокоородию с просьбою ... о временном закрытии этого класса»²⁸⁴.

В сохранении училища большую роль сыграл ее преподаватель А. Галиев. Он провел разъяснительные мероприятия среди населения, ходатайствовал перед вышестоящими инстанциями о сохранении русского

²⁷⁸ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 1.

²⁷⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 344. – Л. 22.

²⁸⁰ Мамлеев М., Мамлеев Р. Каргалинские корни. – С. 124.

²⁸¹ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 1.

²⁸² ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 3.

²⁸³ Мамлеев М., Мамлеев Р. Каргалинские корни. – С. 125.

²⁸⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 442. – Л. 33.

класса, таким образом, он сделал все возможное, чтобы класс не закрыли²⁸⁵. К следующей инспекции класс был укомплектован полностью и учебный процесс налажен. Впоследствии А. Галиев получил два благодарственных письма от Министерства народного просвещения. Его личный авторитет, популярность школы и значение даваемых знаний, позволили просить перед губернским начальством о строительстве здания для школы. Строительство началось в 1912 г. В деревне было выстроено каменное здание школы и двухквартирный дом для учителей.

Вышеприведенные факты доказывают, что закрытию школ предшествовали вполне объективные причины. При их отсутствии изыскивались другие меры. Например, инспектор, проверяющий Буздяковское училище Белебеевского уезда, «нашел училище неудовлетворительным». «Для поднятия училища, – предлагает он, – необходимо заменить неподготовленного учителя другим, не закрывая школы»²⁸⁶. Необходимость существования училища в дер. Буздяк он обосновывает тем, что «деревня очень многолюдна, в которой по торговым делам живут и русские; старики-переселенцы из Тамбовской губернии хорошо говорят по-русски»²⁸⁷.

В Бирском уезде было открыто 20 инородческих училищ. Из них лишь 4 русско-башкирских училища, расположенных в селениях Бураево, Толбазы, Калмыково и Акинеево. Учебное дело было организовано на низком уровне. «Толбазинская школа, – сообщает А.Ф. Эфиров, изучив инспекторские отчеты, – помещается в одной комнате, в которой живет и учитель; ни столов, ни классной доски, ни пособий не имеется»²⁸⁸. «Учитель Бураевской школы, – продолжает он, – не имеет педагогической подготовки, обучение ведет по старинному способу, поэтому дело идет медленно и плохо»²⁸⁹. В рапортах отмечалась малочисленность учащихся в этих школах. В них значилось от 3 до 5 учеников, которые не посещали школу.

В 1877 г. в Златоустовском уезде Уфимской губернии были открыты 4 русско-башкирские школы (д. Верхние Киги, Дуван-Мечетлино, Кулбаево и Мунаево). В 1890 г. появилась пятая школа в д. Есаулово²⁹⁰. Преподавание в ней натолкнулось на «равнодушие» местных жителей. Негативное влияние оказывал и местный мулла.

В Мензелинском уезде на начало 80-х годов XIX в. насчитывалось 3 русско-татарские школы. Открытие инородческих училищ для мусульман затруднялось, потому что сельские общины не давали согласия на их «устройство»²⁹¹.

²⁸⁵ Курбангулов Р.Г. На память потомкам (на тат. яз.). – Уфа: Гилем, 2002. – С. 184.

²⁸⁶ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 442. – Л. 23.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. – С. 59–60.

²⁸⁹ Эфиров А.Ф. Указ. соч. – С. 60.

²⁹⁰ Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1890–1891 учебный год. – Оренбург, 1890 г. – С. 44.

²⁹¹ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 473. – Л. 28; Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1890–1891 учебный год. – Оренбург, 1890 г. – С. 60; Вестник Уфимского земства. – Уфа, 1881. – С. 141.

Наиболее известными инородческими училищами в Стерлитамакском уезде были русско-татарские школы в деревнях Бузовьязы (1879 г.) и Старое Адзитарово.

В Уфимском уезде было открыто 7 инородческих училищ, в том числе 4 для мусульманских детей. Еще в дореформенное время было открыто Сафаровское училище, в 1875 г. – Караякуповское, а в 1879 г. – Сарайлинский русский класс при медресе. Документы 1877 г. зафиксировали наличие русского класса при медресе дер. Арсланово²⁹². По описанию действительного члена Уфимского статистического комитета и члена уфимской уездной земской управы К.Ф. Комара, составленному по материалам X ревизии, в Караякуповской волости «находятся две инородческие школы ведомства народного просвещения: одна в деревне Арслановой и в ней 20 учеников, а другая в деревне Караякуповой с 8 учениками, почему знающих русскую грамоту почти нет»²⁹³. В тех селениях, где русско-инородческие классы пустовали, работали переполненные мектебы и медресе, где муллы обучали детей без всякого вознаграждения²⁹⁴. К.Ф. Комар пишет, что «в дер. Арслановой находится с давнего времени медресе, в которой ежегодно зимою бывает до 200 учеников»²⁹⁵.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что население относилось к государственной «инородческой» школе, если не «крайне настороженно», то по меньшей мере «равнодушно». Учащиеся «неаккуратно посещали занятия» в них. Существовало несколько причин для повсеместного распространения подобного явления. Основная заключалась в широкой популярности традиционного образования, получаемого в мусульманских религиозных школах, их многочисленность и относительная доступность. Другая причина крылась в недоверчивом отношении местного населения к новым школам, как к очагам христианизации. Депутат IV Государственной Думы И.А. Ахтямов в своем докладе на заседании Школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе заявил: «правительственные школы игнорируют бытовые, религиозные, этнографические особенности населения»²⁹⁶.

В конце XIX в. участились случаи закрытия русско-башкирских и русско-татарских школ под предлогом нежелания местного населения изучать русский язык. Было прекращено учреждение русских классов при медресе, все чаще ставился вопрос об их закрытии. Обращаясь к попечителю Оренбургского учебного округа, директор народных училищ А. Семигановский в 1887 г. заявлял: «В продолжении нескольких лет уже гг. инспекторы заявляют о непроизводительности русских классов при медресе. При ревизии Бирского, Уфимского, Белебеевского уездов в текущем году [1887] я обратил внимание на этот тип училищ и убедился в их безуспешной

²⁹² ЦГИА РБ. – Ф. – И-113. – Оп. 1. – Д. 316. – Л. 127.

²⁹³ Комар К.Ф. Ревизия и описание Караякуповской волости Уфимского уезда // Вестник Уфимского земства. – Вып. 6. – С. 13

²⁹⁴ Вестник Уфимского земства. – Вып. 4. – Уфа, 1882. – С. 28–29.

²⁹⁵ Комар К.Ф. Указ. соч. – С. 13.

²⁹⁶ Постановления школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе 12–17 августа 1908 г. по вопросам народного образования. – С. 33–42.

деятельности. Редко в каком классе дети умеют читать по-русски, о разговорном языке и говорить нечего. Я видел в Сарайлинском классе учеников от 18 до 22 лет, которые ни слова не понимают по-русски. Русские классы должны быть признаны учебными заведениями непроизводительными, а потому их следует закрыть, ибо никакие мероприятия не смогут поправить этих школ, неправильно поставленных вначале и в течение 10 лет предоставленных усмотрению плохо подготовленных учителей»²⁹⁷.

Инспектор В. Катаринский спешил разуверить попечителя Оренбургского учебного округа: «со своей стороны я нахожу неудобным такое огульное закрытие русских классов». «Некоторые русские классы (Сарайлинский и др.), – пишет он, – имеют достаточное число учащихся от 20 до 60, и успехи в русском языке у них довольно хорошие, если только не судить по вновь поступающим, как это делает г. Семигановский, а по проучившимся года два или три. Было б не справедливо оставлять учителей без куска и без дела, тем более, что они могут быть весьма полезны в деле просвещения магометан»²⁹⁸.

Земство в силу своих возможностей старалось предпринимать меры для оживления инородческой школы. Земством финансировались все русские классы при медресе. Вносились предложения по привлечению к преподаванию мусульманского вероучения «по-русски грамотных мулл»²⁹⁹. Это должно было повысить рейтинг новых учебных заведений среди местных жителей. С 80-х годов XIX в. инспектора русско-инородческих училищ с санкции директора народных училищ стали обращаться к уездным земствам с просьбой о выделении жалования мусульманским вероучителям³⁰⁰. Сосуществование государственной школы и мусульманского общества на договорных началах, взамен принудительного характера, вызвало некое потепление в их отношениях.

Ситуация значительно изменилась после введения образовательного ценза для кандидатов на получение духовного звания. Это увеличило приток в русские классы не только мусульманских детей, но и взрослых шакирдов. Русские классы при медресе «Усмания» (г. Уфа), в Белебеевском, Бузовьязовском, Стерлибашевском и Стерлитамакском медресе стали центрами обучения мулл, здесь же сдавались экзамены на получение звания. За период с 1896 г. по 1914 г. русский класс при Белебеевском медресе подготовил 299 кандидатов на звание мулл.

Численность русско-инородческих школ до конца XIX в. увеличивалась медленно. В 1896 г. по Уфимской губернии насчитывалось 34 русско-башкирские и русско-татарские школы из 133 инородческих³⁰¹. Башкиры и татары были охвачены государственной школой в меньшей степени, чем другие инородцы края. Русско-башкирские и русско-татарские

²⁹⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 1–2.

²⁹⁸ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 3.

²⁹⁹ Вестник Уфимского земства. Вып. 5–6. – Уфа, 1881. – С. 138.

³⁰⁰ Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в первое сорокалетие XX в. – С. 55.

³⁰¹ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 564. – Л. 46–72.

школы составляли 37 % всех правительственных школ, в то время как мусульмане по переписи 1897 г. составляли 84,35 % нерусского населения губернии. Плачевная картина состояния инородческого образования подтверждается другими данными. «В Караякуповской волости было 27 населенных пунктов, число жителей в коих составляет 14 882 чел. обоого пола. При этом школ всего три – 2 земских и одна церковно-приходская: Берказакское 75 чел., и Караякуповское (русско-татарское) 54 чел. И Ново-Троицкая церковно-приходская 47 чел. Всего в трех школах обучались 176 чел обоого пола»³⁰². В 1900 г. в Уфимском уезде «на 8310 душ обоого пола христианского инородческого населения – чувашей, мордвы, крещеных татар и латышей – было 4 инородческих училища или 1 училище на 2077 человек. На 133 390 тыс. душ башкир и татар-магометан было 4 русско-башкирских училища и 2 русских класса при медресе, или одно училище на 22 232 человека»³⁰³.

Таким образом, являясь основными плательщиками земских налогов, башкиры и татары на рубеже XIX–XX в. были ограничены в возможностях учиться в земских школах. Итоги политики просвещения «инородцев» были отрицательными. К 1 января 1905 г. оставались за бортом начальной школы и не получали грамоты 85,9 % инородческих мальчиков и 97,8 % инородческих девочек³⁰⁴. Уфимская губерния занимала 33-е (предпоследнее) место по обеспеченности государственной школой и одно из последних – по расходам на образование³⁰⁵.

Известный общественный деятель Г. Терегулов был обеспокоен тем, что «правительственное русско-инородческое училище не стало удовлетворительным типом начальных учебных заведений для башкир и татар, так как являлось «орудием» обрусения»³⁰⁶.

А. Семигановский считал, что «лучшим средством для образования инородцев-магометан могут служить интернаты»³⁰⁷. Эта фраза наталкивает на мысль о том, что властям не чуждо было желание вырвать мусульманских детей из родной среды, изолировать их, поместив в чуждую им русскую среду.

Указ от 17 апреля 1905 г. «О свободе вероисповедания» и Манифест 17 октября 1905 г. активизировали политические движения среди мусульман России³⁰⁸. Общественный подъем 1905–1907 гг. оказал непосредственное влияние на состояние образования в Уфимской губернии. Мусульманское население неоднократно обращалось в земские учреждения с ходатайствами о введении в русско-башкирские и русско-татарские школы преподавания родного языка³⁰⁹.

³⁰² ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 644. – Л. 20–20 об.

³⁰³ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 534 – Л. 1–1 об.

³⁰⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-132. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 2 об.

³⁰⁵ Азаматова Г.Б. Указ. соч. – С. 72.

³⁰⁶ Бюллетень Отдела Народного образования Уфимской губернской земской управы. – Уфа, 1916. – № 2. – С. 75–76.

³⁰⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 2.

³⁰⁸ Юнусова А.Б. Указ. соч. – С. 12.

³⁰⁹ Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания. – Т. 2. – С. 58.

После первой революции была сформирована солидная законодательная база по вопросам «инородческого образования». За короткий срок было издано несколько законов: Правила «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (от 31 марта 1906 г.), «Правила» от 1 ноября 1907 г. и «Правила» от 14 июня 1913 г. Все они были составлены в духе обрусительной политики и подтверждали намеченный курс в вопросах национального образования.

Правила «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» ввели новые ограничительные меры, еще больше стеснявшие образование и воспитание мусульманских детей в духе исламских традиций и национальной культуры³¹⁰. Согласно 2 пункту «Правил» начальные училища для инородцев имели целью содействовать их нравственному и умственному развитию и таким образом открывать им путь к улучшению их быта; распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом «на почве любви к общему Отечеству». Обращает на себя внимание фраза «распространять знание русского языка». Составители «Правил» не преследовали цели распространения грамотности среди инородцев, в чем можно убедиться при более внимательном изучении документа.

В разделе об общих положениях говорилось о необходимости в начальных училищах сохранить природное наречие, а «учителями или учительницами должны состоять лица, имеющие установленный образовательный ценз, притом непременно или инородцы того племени или русские, основательно знающие соответственное инородческое наречие»³¹¹.

Однако в ряде пунктов «Общих положений» «Правил» предлагались меры, ограничивающие изучение и использование родного языка. Особенно категоричный характер имели пункты 9 и 13 «Правил». Оренбургский муфтий, обращаясь к Министру народного просвещения сообщал, что «в пункте 13 «Правил» содержится требование, чтобы учебные книги для народностей, имеющих национальный алфавит, печатались в двойной транскрипции. Мусульманское население видит в этом ни к чему не ведущее стеснение. Введение двойной транскрипции представляется бесцельным»³¹². Также он указывал на то, что мусульмане видят в этом требовании ограничение свободы пользования родным языком³¹³. На что Министр народного просвещения Кауфман в своем ответе от 28 декабря 1906 г. писал, что: «пункт 9 «Правил» о порядке надзора к конфессиональным школам не относится, а в пункте 13 не имелось в виду обязательное введение во все инородческие училища книги, печатаемые в русской или двойной транскрипции»³¹⁴.

³¹⁰ Мусульманские депутаты. – С. 44.

³¹¹ Правила «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» от 31 марта 1906 г. // Циркуляр по оренбургскому учебному округу. – 1906. – № 4–5. – С. 267–276; Казанская газета, 1906 г. – № 43; ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. – Д. 1115. – Л. 1.

³¹² ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. Т. 1. – Д. 1115. – Л. 49.

³¹³ Там же. – Л. 49 об.

³¹⁴ Там же. – Л. 50.

Тем не менее «Правила» от 31 марта 1906 г. об иногородских училищах с самого момента своего появления вызвали отрицательное к себе отношение со стороны мусульманского населения тем, что они совершенно не соответствовали истинным нуждам в области просвещения мусульман, они устанавливали систему, в основание которой положено стремление не естественными, а крайне искусственными мерами приобщить мусульман к общерусской культуре.

В то же время мусульманская общественность признавала, что «создавая особые училища, необходимо было принять во внимание существование мусульманских духовных школ – мектебов и медресе, служивших и служащих до ныне единственными учебными заведениями для умственного и религиозно-нравственного развития мусульман»³¹⁵.

Программа начальных училищ для мусульман, имеющих свою литературу и культуру сравнительно высокую с другими иногородцами, должна была быть составлена применительно к особенностям религиозного быта мусульман как духовно самостоятельной единицы. Поэтому учебные правила для мусульманских училищ должны были резко отличаться от таковых же правил для таких иногородцев как калмыки, марийцы, мордва и чувашаи.

Умственное и религиозно-нравственное развитие, получаемое доньше мусульманами в мектебах и медресе, не признавалось «Правилами». Существовавшая программа этих школ – родная грамота, арабский язык для чтения Корана, чистописание, грамматика родного языка, вероучение, счет, начала арифметики на родном языке, была проигнорирована «Правилами» от 31 марта. Устанавливаемый 6-летний курс должен был поглотить весь школьный возраст деревенского мальчика до 14 лет, когда его уже совсем оторвут от школы и когда на его плечи свалится нужда-матушка со всеми последствиями непосильной борьбы с деревенской беднотою.

«Таким образом, мальчику-мусульманину предстоит пройти две обязательные для него программы: программу мусульманской духовной школы и программу правительственного начального училища. Прохождение той и другой школы отнимает значительное время. Согласование этих программ – дилемма, от решения которой будет зависеть поднятие репутации правительственной школы в глазах населения, приобретение ею доверия и симпатий, следовательно, прогресс в деле иногородского образования»³¹⁶.

В августе 1906 г. в Нижнем Новгороде прошел III Всероссийский мусульманский съезд, который постановил преобразовать начальные школы для мусульман³¹⁷. Предполагалось ввести всеобщее начальное обучение на родном языке по единым программам, русский язык включить как предмет, содержать школы за счет государства, земства и городских самоуправлений. Медресе сохраняли статус духовных учебных заведений и переходили под

³¹⁵ Там же. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 95.

³¹⁶ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 95.

³¹⁷ Постановление III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде // Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России / Сост. А. Юнусова. – Уфа, 2009. – С. 12–18.

контроль комиссии Духовного собрания. Эти принципы легли в основу системы образования в медресе, созданную летом 1917 г. На съезде было также предложено принять решение об отмене правил 31 марта 1906 г. В соответствии с этим решением 24 мая 1907 г. мусульманская фракция внесла на рассмотрение II Государственной Думы заявление «Об отмене «Правил» от 31 марта 1906 г.»³¹⁸.

В соответствии с решением съезда представители мусульман г. Санкт-Петербурга, Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской и Симбирской губерний возбудили ходатайство перед Председателем Совета Министров о подчинении мусульманских конфессиональных школ Магометанскому Духовному собранию и о выработке новых правил взамен «Правил» от 31 марта 1906 г. как не соответствующих по своей тенденции, духовным потребностям мусульман. «... Вам хорошо известно настроение мусульман, – сообщали они Оренбургскому муфтию, – и основательность их тревог по поводу применения в училищах ... системы Н.И. Ильминского, всецело направленной против мусульманства»³¹⁹.

Мусульманская общественность подготовила проект реформы мусульманских учебных заведений³²⁰. По нему предполагалось обучение мусульманских детей на родном языке, расширение учебной программы за счет светских предметов, русский язык вводился как предмет обучения по желанию учащихся³²¹.

Правительство не могло оставить без внимания острое недовольство мусульманского населения политикой просвещения «инородцев». В октябре 1907 г. была создана комиссия для пересмотра «Правил 31 марта 1906 г.». Результатом работы комиссии стали правила «О начальных училищах для инородцев» 1907 г. Принципиальных изменений в образовательную политику мусульман они не внесли, но предоставляли права по обучению учащихся на родном языке. Правда, эти небольшие достижения были уничтожены «Правилами» 1913 г.

Красноречивой иллюстрацией государственной политики в области национального образования является схема финансирования образования в России. Достоверная картина представлена в выступлении Г.Х. Еникеева при обсуждении сметы расходов Министерства народного просвещения на 1908 г. в III Госдуме. Общая сумма средств, ассигнованных Министерством Народного Просвещения на народное образование в 1908 г., составила 53 000 000 руб. Г.Х. Еникеев в своем выступлении отмечал, что эта цифра «не удовлетворяет всей потребности дела народного образования в нашем Отечестве». Особое внимание он обратил на неравномерность распределения финансового потока по учебным округам: «На округа центральной и западной России отпускается: на Московский округ – 1 418 000 руб., на Виленский – 941 000 руб., тогда как на весь Туркестанский край 253 000

³¹⁸ Мусульманские депутаты ... – С. 44, 81–85.

³¹⁹ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. Т. 1. – Д. 1115. – Л. 51.

³²⁰ Там же. – Л. 60.

³²¹ Там же. – Л. 62–62 об.

руб.»³²². Таким образом, ассигнование восточных и юго-восточных окраин России производилось по остаточному принципу. Если учитывать, что сумма, отпущенная на нужды образования, расходуется сначала Святейшим Синодом и другими ведомствами, то логично предположить, что доля, которая доходит до «мусульманского образовательного сектора», становится мизерной. В результате мусульманская школа, не получающая государственного субсидирования, содержалась исключительно на средства частных лиц и сельских приходов.

В 1908 г. был издан закон о всеобщем обучении. Активное участие в организации сети «всеобуча» принимало земство. В этот период было открыто множество новых «иностранческих» школ. Обсуждались проекты включения мусульманских учебных заведений в сеть «всеобуча».

Таким образом, образовательная политика царского правительства по введению «иностранческих школ» для нерусских народов юго-восточной окраины России имела определенную историческую роль. В 1903–1904 гг. из общего количества 240 иностранческих школ 80 были для башкир и татар. В 1907 г. 106 школ из 304 были русско-башкирско-татарскими. По школьной переписи 1911 г. в крае функционировала 371 иностранческая школа, из них 173 русско-башкирские и русско-татарские. В 1917 г. было 863 иностранческие школы из них 321 русско-башкирская и русско-татарская³²³.

В отчете Уфимской губернской земской управы 38-му очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по народному образованию за 1912 г. говорилось: «Участники 1-го Всероссийского съезда по вопросам народного образования (в декабре 1913–январе 1914 гг.) в Петербурге убедительно доказали, что нельзя достичь положительных результатов обучения отрицательными средствами воздействия: изгоняя родной язык, притесняя все самобытно-индивидуальное и вообще при помощи ограничений, тормозов и стеснений просветительских функций иностранческой школы»³²⁴. Попытка заменить различия языков одним русским приводило к понижению уровня мысли, а вместе с тем и понижению уровня духовного потенциала страны.

Не без оснований были и опасения населения по поводу русификаторских целей, преследуемых при учреждении новых школ. Но угрозой представляло не изучение русского языка и даже не преподавание на нем, как считают некоторые исследователи. Основная опасность заключалась в том, что в учебной программе отсутствовало преподавание родного языка учащихся, как важнейшего элемента национальной культуры. Положение о начальном образовании на «материнском наречии» носило рекомендательный характер. В большинстве случаев преподавание на русском языке вводилось в первый год обучения, а преподаватели, обучающие на родных языках, подвергались критике.

³²² Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906–1907 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа: Китап, 1998. – С. 114.

³²³ Обухов М.И. Народное образование в Уфимской губернии к 1917 г. – С. 2.

³²⁴ Отчет Уфимской губернской земской управы 38-му очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по народному образованию за 1912 г. – Уфа, 1915.

Государственная школа для мусульман, представленная на рассматриваемой территории комбинированными русско-башкирскими и русско-татарскими учебными заведениями, объективно имела исторически прогрессивное значение. Она сыграла значительную роль в просвещении мусульманских народов. Преподавание в них государственного языка открывало широкие возможности для безболезненной интеграции мусульманского населения в социально-экономические и политические отношения страны.

Прогрессивная мусульманская общественность отчетливо понимала необходимость изучения русского языка. Ортодоксально настроенная часть мусульманского общества видела в этом тенденцию к обрусению тюркских народов. Здесь крылась основная причина неприятия правительственных школ.

К середине XIX в. башкиры и татары накопили огромный культурно-образовательный пласт, имели собственный язык, богатые литературные традиции. Этим они значительно отличались от других нерусских народов нашего региона. Поэтому индифферентное отношение правительства к вопросам «инородческого» образования без учета национальных особенностей было недопустимо. Школы «системы Ильминского» могли заполнить образовательный вакуум. Но, к сожалению, они оказались неспособными подменить собою традиционную религиозную школу. Тем более русско-инонациональные школы в большей степени были ориентированы на решение миссионерских задач, а не образовательных. Об этом свидетельствует ряд аргументов: отсутствие преподавания на родном языке, преподавания родной литературы и соответствующей подготовки кадров. Определенные позитивные сдвиги наметились в начале XX века. По мере пробуждения национального самосознания нерусских народов, некоторой демократизации общества и государственного признания таких гражданских норм, как свобода слова и вероисповедания, равенство языков, они приобретают черты национальных школ. Родной язык, первоначально используемый лишь как средство изучения русского языка, стал занимать в школьных нормативных актах значение равноправного общеобразовательного предмета. К тому же, время учреждения «инородческих школ» наложилось на период реформирования мектебов и медресе, которые решали и задачи светской школы и национальной.

Глава 3. Модернизация мусульманского образования.

3.1. Исторические предпосылки трансформации кадимистских школ в джадидистские

Вторая половина XIX в. принесла серьезные изменения в жизнь российских мусульман. Интенсивное развитие экономических и политических отношений выявило слабость национального элемента в Российском государстве. Основными причинами отставания этих народов являлись низкий уровень грамотности и их слабая вовлеченность в европейскую культуру.

Реформирование российского общества, начавшееся в 60-е гг. XIX в., положительно отразилось на социально-экономическом и политическом развитии Российского государства. Однако одни и те же рычаги привели в действие различные механизмы в центре и на национальных окраинах. «Центральное Правительство употребляет все усилия к культурному слиянию инородческих племен с русским населением, каковое стремление является вполне понятным и естественным при единстве и неделимости России», – заявил казанский губернатор относительно планов русификации населения Российского государства³²⁵.

Национальная буржуазия не могла составить достойной конкуренции русским предпринимателям. Сложившаяся ситуация зеркально отражалась во всех сферах жизни мусульман России. Невысоким был уровень их политической активности. Подавлялось развитие национальной культуры. Характерно в этом отношении заявление казанского губернатора: «В России нет и не может быть собственно татарской, а тем более мусульманской культуры, в широком смысле этого слова»³²⁶. Подтверждением его слов служит отсутствие национального театра, светских школ для тюркоязычных народов, содержащихся на государственные средства. Конечно, следует учитывать религиозные особенности: ведь ислам строго запрещал театральные постановки, изображение людей, то есть развитие национальной художественной культуры тормозилось ортодоксальной мусульманской религией. Однако отсутствие преподавания родного языка и родной литературы в учебных заведениях для мусульманских детей, башкирского алфавита, национальной прессы свидетельствует об определенной тенденции в государственной политике. Все выше изложенное являлось следствием слабого развития национальной интеллигенции.

Интеллигенция в тюркоязычном обществе была представлена в основном мусульманским духовенством. Оно являлось связующим каналом между мусульманской общиной и русской администрацией. Но оно уже не могло в одиночестве справляться с грузом ответственности общественно-политического флага мусульманского мира России. Развитие же культурной элиты и национального предпринимательства тормозилось политикой царского правительства, поддерживающего клерикальное

³²⁵ НА РГ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 5526. – Л. 4.

³²⁶ Амирханов Р.У. Указ. соч. – С. 51.

духовенство, тем самым препятствуя прогрессу мусульманского общества, и отсутствием соответствующего образования.

Существовавшее на протяжении веков традиционное религиозное образование вполне удовлетворяло потребности мусульманского населения в получении необходимых знаний³²⁷. Образовательные предпочтения мусульманской общины формировались исходя из того, что идеологическое содержание тюркоязычного общества составлял ислам. Религия в этот период играла огромную прогрессивную роль в мировоззрении людей. В башкиро-татарском обществе это проявлялось особенно отчетливо. Ислам определял сознание каждого мусульманина с рождения до смерти. Мулле принадлежало духовное лидерство в общине как самому образованному человеку, учителю, судье и лекарю. Миссионер Д.Я. Коблов пишет: «Мулла в деревне первое лицо и авторитетный человек. ... Мулла в мусульманской деревне единственный более или менее сведущий человек, к которому можно обратиться за разрешением недоуменных вопросов»³²⁸. Религиозные нормы координировали все сферы жизни мусульманина: семейные, правовые, имущественные, бытовые отношения, в некоторых случаях они подменяли собой общегосударственные правовые нормы.

Идеолог джадидизма Исмаил Гаспринский* подчеркивал, что «мусульманская община представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свои власти в лице старшин и всего прихода, не нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти – авторитет религиозно-нравственный...»³²⁹. В этом заключалась ее самодостаточность, допускающая изолированное от всех существование.

В данном аспекте мусульманские религиозные учебные заведения способствовали этно-конфессиональной консолидации башкирского и татарского народов, сохранению их национальной идентичности в условиях русификации и христианизации.

Историческая наука на разных этапах вырабатывала основные положения относительно мусульманской религиозной школы. Часть дореволюционных исследователей рассматривала старотипную школу, как изолированный социальный организм. Основным методом изучения базировался на принципе сравнения с государственной школой. Поэтому значение мусульманского образования незаслуженно приуменьшалось «вследствие низкого уровня знаний, даваемых в ней». Вслед за ними и советская историография культивировала тезис «о религиозном характере

³²⁷ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 80.

³²⁸ Коблов Я.Д. О магометанских муллах: религиозно-бытовой очерк. – Казань, 1907. – С. 8.

* Исмаил Гаспринский (1851–1914) – татарский общественный деятель, публицист, беллетрист, реформатор старометодной религиозной школы. И. Гаспринский получил образование домашнее, в начальной школе (мектебе), в Симферопольской казенной мужской гимназии, в воронежском военном учебном заведении, а затем во 2-й Московской военной гимназии. Не окончив учебы, вернулся в Крым, где стал учителем начальной школы. В 1871 г. уехал во Францию. С 1874 по 1875 г. жил в Турции. Вернувшись в Крым, он был избран гласным (депутатом) Бахчисарайской городской Думы. С 13.02.1879 г. по 05.03.1884 г. – городской голова Бахчисарая. В 1883 Г. приступил к изданию в Бахчисарае газеты «Тарджиман» (Переводчик), которая до первой русской революции оставалась единственной тюркской газетой в России.

³²⁹ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1881. – С. 25–26.

преподавания» и «идеологии национальной ограниченности», прививавшихся в данном типе школ. Мектебы и медресе критиковались, как продукт религиозного мировоззрения, от которого советское общество настойчиво открепивалось.

Современные историки тоже допускают некорректные, необъективные оценки роли кадимистских учебных заведений: «Достаточно сказать, что обучение было оторвано от вопросов и нужд действительности, так как искажала эту действительность, внедряя ложные представления и понятия о ней, отвлекая сознание учащихся в область туманных религиозных представлений, школы создавали людей определенной психологии, формировали определенное мировоззрение»³³⁰. Также «старометодные» школы противопоставляются «новометодным» для усиления значения последних в деле образования мусульман России. Основное внимание акцентируется на схоластику в образовательном процессе, на антисанитарию в мусульманских учебных заведениях. И то и другое, действительно, имело место. Однако эти явления были характерны для всей дореволюционной России.

Умаление и игнорирование значения мусульманских школ в деле образования башкир и татар несправедливо. Свой вклад в определении места религиозной школы в дореволюционном обществе внесли исследователи Б.Х. Юлдашбаев и М.Н. Фархшатов. М.Н. Фархшатов пишет, что мектебы и медресе удовлетворяли основные потребности мусульман в начальном образовании³³¹. Б.Х. Юлдашбаев отводит значительную роль данным учебным заведениям в формировании национальной интеллигенции, влиявшей на развитие культуры башкирского народа. Также он пишет, что степень грамотности мусульманского населения Башкирии значительно превосходила этот показатель в других регионах. И по уровню грамотности Уфимская губерния была второй после Спасской губернии³³².

Необходимо выделить и нравственную сторону образовательно-воспитательного процесса в мусульманских школах. Они формировали личность, имеющую своего рода иммунитет к социальному негативу. «Одну хорошую сторону прививает мектеб своим ученикам, внешнюю порядочность, сопровождающуюся скромностью и почтительностью», – пишет директор Ташкентской мужской гимназии Н. Остроумов³³³.

Кроме того, мектебы и медресе популяризировали мысль о необходимости образования среди местного населения, сделали обучение частью жизни каждого мусульманина.

Также следует отметить, что широкое распространение мектебов и медресе на территории Уфимской и Оренбургской губерний во второй половине XIX в. создало прочную основу для появления реформированных школ. Существовала готовая материальная база, контингент учащихся и

³³⁰ Национальная школа: концепция, цели, приоритеты. – М., 1994. – С. 58.

³³¹ Фархшатов М.Н. Народное образование. – С. 69.

³³² Юлдашбаев Б.Х. Формирование башкирской нации. – С. 245.

³³³ Остроумов Н. Мусульманские мектебы и русско-туземные школы в Туркменском крае // Журнал Министерства Народного просвещения. – 1906. – № 2. – С. 113.

преподавателей, что позволяло сравнительно малозатратно осуществить реформирование мусульманской школы. Поэтому можно говорить не о создании «новометодной» школы, а о переходе к ней на основе «старометодной».

Позитивное влияние конфессиональной школы старого типа, очевидное при слабой динамике социально-экономического развития тюркоязычных народов, в новых реалиях второй половины XIX в. утрачивает прежнее значение. В условиях разложения патриархальных порядков и формирования капиталистических отношений, при стремительных темпах расширения общероссийского рынка и культурно-образовательного пространства, изоляция мусульманской общины, приведшая к консервации образовательной формы, имела негативные последствия.

Поэтому в мусульманских школах стало наблюдаться отставание от общего уровня преподавания, несоответствие получаемых знаний требованиям того времени, что позволяет говорить о кризисе мусульманской школы старого типа во второй половине XIX в.

Просвещенная мусульманская общественность – учителя, писатели, общественные деятели, философы-исламисты, передовые представители духовенства – уже давно отмечала назревание кризиса национального образования, прозорливо предвидела тупиковость обучения в существовавших коранических школах, не отвечающих требованиям нового времени. 10 сентября 1818 г. муфтий Оренбургского Магометанского Духовного собрания М. Хусаинов обратился с ходатайством к Министру народного просвещения об открытии училища для татар в Оренбурге и Казани с целью подготовки духовенства, имеющего светское образование³³⁴. Программы этих училищ мало чем отличались от программы аналогичных русских училищ. Их лучшие выпускники могли бы продолжить образование наравне с христианами в Казанском университете. Однако этот проект не был поддержан. Таким образом, инициатива Оренбургского Магометанского Духовного собрания по созданию религиозной элиты, сочетающей богословское образование с достижениями европейских наук, не была реализована. Устав Оренбургского Магометанского Духовного собрания не предусматривал централизованной системы образования или подготовки к сдаче экзаменов на «духовный чин», поэтому планы создания национальной школы, генетически связанной с мусульманским образованием и близкой к российским образцам, не увенчались успехом³³⁵.

Правительство проводило определенную работу по вовлечению башкирской молодежи в светские учебные заведения. Но основной целью этой деятельности являлась подготовка чиновников для башкиро-мещерякского войска³³⁶. Для этого башкирам было выделено 30 мест в Оренбургском кадетском корпусе (Неплюевское училище), 40 – в

³³⁴ Хабутдинов А.Ю. Российские муфтии: от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950). – Н. Новгород, 2006. – 60 с.

³³⁵ Ислам в Российской Империи: Законодательные акты, описания, статистика. – М., 2001. – С. 50–51; Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования Ислама в Российской Империи (последняя треть XVIII–начало XX вв.). – М., 2004. – С. 51–53.

³³⁶ ПСЗ РИ. II. – Т. XI. – Отд. I. – № 8771. – С. 35.

фельдшерской школе, 32 – в батальоне военных кантонистов, где были организованы курсы по обучению башкирских детей русскому языку³³⁷.

Неплюевское военное училище, возникшее в 1825 г. в Оренбурге и переименованное в 1844 г. в кадетский корпус, сыграло заметную просветительскую роль для башкир и других тюркоязычных народов Башкирии в первой половине XIX в.

Оно имело два отделения: европейское и азиатское. Обучение в европейском отделении носило сословный характер. Здесь учились дети дворян, чиновников, офицеров, священников, почетных граждан и купцов I гильдии³³⁸. Наряду с военными дисциплинами, христианской и мусульманской религией, русским языком, воспитанники изучали светские предметы, родные и иностранные языки³³⁹. В азиатское отделение «назначались дети прочих сословий»³⁴⁰. На азиатском отделении военные науки не преподавались, происходило обучение предметам, связанным с земледелием и лесным хозяйством³⁴¹. К середине 40-х гг. в кадетском корпусе обучалось около 60 башкирских детей³⁴². Именно здесь получили образование ученые-филологи и писатели М. Биксурин, А. Диваев, С. Кукляшев. Также в 1852–1861 гг. здесь учился выдающийся башкирский просветитель, ученый-энциклопедист М. Уметбаев³⁴³.

Начало внедрения светского образования у российских мусульман связано с именем муфтия Оренбургского Магометанского Духовного собрания С.Г. Сулейманова³⁴⁴. При его активном участии 31 августа 1843 г. было принято «Высочайше утвержденное положение Комитета Министров» об обращении на Государственное Казначейство издержек на отправление в первую Казанскую гимназию и тамошний университет воспитанников из магометанских детей Оренбургской губернии³⁴⁵. По «Правилам» 1836 г., мусульмане могли поступать только на медицинский факультет Казанского императорского университета и только после окончания I Казанской гимназии, в случае, если они были уроженцами Оренбургской губернии. Благодаря обучению мусульман за казенный счет представители Башкирско-мещеряцкого Конного войска стали регулярно получать образование в Казанском Императорском университете, что обозначало начало традиции стабильного светского образования мусульман в российской средней и высшей школе. Татары Поволжья вообще не могли обучаться в университете.

³³⁷ Там же. – Т. XX. – Отд. III. – № 22560. – С. 570.

³³⁸ Там же. – Т. XV. – Отд. II. – № 14029. – С. 787–791.

³³⁹ Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. – Оренбург, 1913. – 32 с.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 431.

³⁴² Кунафин Г.С. Национальное образование Башкортостана в XIX–начале XX века и деятельность З. Расулева в его развитии // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель-философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Материалы международной научно-практической конференции. – Уфа: БашГУ, 2008. – С. 99.

³⁴³ НА УНЦ РАН. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 17. Свидетельство, выданное М.И. Уметбаеву, об учебе в Оренбургском неплюевском кадетском корпусе от 10 сентября 1861 г.

³⁴⁴ Габдельвахид б. Сулейман аль-Джабали аль-Ырбишче, (1786–1862 г.), чей род происходил из аула Ырбишче (ныне Рыбушкино Нижегородской области). Первый из муфтиев ОМДС, хорошо владевший русским языком, выписывавший русские и турецкие книги и газеты. В 1822 г. он стал гражданским имам-хатыбом г. Санкт-Петербурга, с 1828 г. – преподавателем мусульманского вероучения воспитанников Кавказского полускадрона, с 1835 г. – Царскосельского кадетского корпуса. На пост муфтия Сулейманов был назначен в 1840 г. Странник преподавания светских предметов в мусульманских учебных заведениях, обучения мусульман в государственных учебных заведениях.

³⁴⁵ Ислам в Российской Империи ... – С. 135.

В 1834–1865 гг. первую Казанскую гимназию закончило 22 мусульманина, а в Казанском университете в 1840–1860 гг. обучался 31 мусульманин. Все выпускники стали лекарями башкирско-мещеряцких кавалерийских частей. I Казанская гимназия была сословным учебным заведением, поэтому почти все ученики-мусульмане были детьми башкирских старшин. Самым известным учеником стал будущий муфтий Оренбургского Магометанского Духовного собрания М. Султанов³⁴⁶.

К середине XIX в. появились первые башкирские медики, филологи и философы с высшим образованием. Среди них были такие люди, как филолог С. Кукляшев, философ С. Тукумбетов, закончившие Казанский университет с присвоением степени кандидата наук. Выпускник медицинского факультета А. Абдиев продолжил учебу в Петербургской медицинской академии и, закончив ее в 1862 г., получил звание доктора медицины³⁴⁷.

Даже единичные факты обучения башкирских детей в светских школах среднего и высшего образования имели огромное значение в деле просвещения мусульман Башкирии. Создавалась интеллектуальная прослойка прогрессивно мыслящих людей. Формировались предпосылки для появления национальной интеллигенции, способной изменить сложившуюся ситуацию в мусульманском обществе через реформы в сфере национального образования.

Первыми религиозными деятелями, взорвавшими спокойствие исламского фундаментализма, стали Габденнасыр Курсави и Шигабутдин Марджани³⁴⁸. Они осознавали и отстаивали необходимость широкого, религиозно-светского образования для народных масс³⁴⁹. Г. Курсави написал более 10 научно-философских трактатов, среди которых хотелось бы выделить «Наставления людей на праведный путь». В своих произведениях мыслитель призывает народ строить медресе, развивать книгопечатное дело и распространять литературу на родных языках. Таким образом, прогресс своего народа он видел через рационализм, через развитие наук и культуры.

Просветительские идеи Ш. Марджани охватывают самые различные стороны обновления общественной жизни тюркоязычных народов, включая в себя мысли о необходимости получения светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого (античной, арабской мысли) и настоящего (русской и западноевропейской культур). Ученого заботили вопросы воспитания национального самосознания, беспокоило благосостояние, социально-экономическое и политическое положение своего народа. Считая просвещение самым мощным орудием прогресса, ученый пытался выволить свой народ из «спячки». Ш. Марджани приложил много усилий для модернизации мусульманского образования, заложил основы реформы преподавания в медресе.

³⁴⁶ Султанов М. (1885–1915 гг.) – сторонник реформирования мусульманского образования, во многом, с санкции которого в округе ОМДС развивалось джадидское образование, проходили съезды, принимавшие решения о религиозной автономии мусульман и реформе образования, включавшей введение светских дисциплин в программу мектебов и медресе.

³⁴⁷ Кунафин Г.С. Указ. соч. – С. 100.

³⁴⁸ Курсави Габденнасыр (1776–1812 гг.), Марджани Шигабутдин (1818–1889 гг.) – казанские религиозные деятели, критики религиозной схоластики, авторы серии трудов по теологии, истории, философии.

³⁴⁹ Якупов Р.И. Толерантный ислам // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 192–193.

Несмотря на то, что истоки джадидизма находились в Казани, в исследуемый период акценты стали смещаться на территорию Башкирии. Уже в творчестве поэтов суфийского толка Гали Сокрыя (1826–1889 гг.), Шамсутдина Заки (1825–1865 гг.), Гибадуллы Салихова (1794–1867 гг.) можно обнаружить зачатки просветительских идей, утверждающих необходимость не только религиозного образования, но и светских знаний³⁵⁰. Как справедливо отмечает Ф.Т. Кузбеков, «они ратовали за национальное развитие, за распространение знаний, способствовали тем самым эволюции самосознания народа и прокладывали путь поэтам-просветителям»³⁵¹.

Суфизм (ат-Тасаввуф) – это мистическое религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, адепты которого через личный психологический опыт выходят на непосредственное общение с Богом. Это своеобразный «путь» (Тарикат) к Богу, посредством очищения души от скверны и привития ей похвальных качеств.

Можно выделить следующие ступени, которые проходит любой верующий, «стремящийся к знанию»:

1. Шариат – усердное изучение божественных заповедей и исламских законов;
2. Тарикат – послушничество в роли мюрида при истинном суфийском шейхе;
3. Марифат – познание Бога не умом, а сердцем;
4. Хакикат – полное постижение истины³⁵².

Прохождение этих ступеней возможно только под руководством наставника. Ученик (мюрид) должен беспрекословно подчиняться своему учителю (шейху, мюршиду). Крупнейших суфийских учителей стали именовать «святыми» (аулийа, ед. ч. – вали) – буквально: «близкий к Богу», некий народный вариант Совершенного человека.

Значительное влияние на формирование общественной мысли в Башкирии во второй половине XIX в. сыграло распространение в регионе идеологии суфийского братства Накшбандия-Муджалидия. Идеи этого суфийского братства доминировали в религиозной жизни российских мусульман вплоть до 1917 г. Это объясняется, с одной стороны, самим философски-созерцательным мышлением и миропониманием башкир, основанным на интуитивном постижении истины³⁵³. С другой стороны, адаптивными способностями суфизма к местным социокультурным реалиям, в том числе и к традициям башкирского родоплеменного полукочевого общества³⁵⁴. «Последний Великий шейх Зайнулла Расулев», как назвал его американский ученый Хамит Алгар, осуществлял широкомасштабную

³⁵⁰ Фаткуллина А.Я. Идеи патриотизма и гражданственности в мировоззрении З. Расулева // Зайнулла Расулев ... – С. 4.

³⁵¹ Кузбеков Ф.Т. Башкирская журналистика как явление этнической культуры. – Уфа, 2006. – С. 61.

³⁵² Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. – Ленинград, 1966. – С. 327.

³⁵³ Исянгулов Ш. Еще раз о менталитете башкирского народа // Ватандаш. – 1999. – № 10. – С. 180; Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа, 2000. – С. 134.

³⁵⁴ Бикбулатова А.Р. Влияние шейха Зайнуллы Расулева на духовную атмосферу формирования башкирской интеллигенции // Зайнулла Расулев ... – С. 321.

культурно-просветительскую и религиозно-духовную деятельность в качестве уполномоченного представителя суфийского ордена Накшбандия³⁵⁵.

Он оказывал влияние не только на простых людей, но и на выдающихся представителей дореволюционной мусульманской интеллигенции и духовенства. Галимджан Баруди и Риза Фахретдинов, в разные годы являющиеся муфтиями Оренбургского Магометанского Духовного собрания, признавали шейха Расулева своим духовным наставником³⁵⁶. Огромное уважение, глубокое почтение и искреннюю признательность З. Расулеву выражал А.-З. Валиди³⁵⁷.

З. Расулев и его сподвижники стали той силой, к которой обратились мусульманские народы в духовных поисках, не находя ответов в ортодоксальном исламе и не приняв всецело джадидизма. В условиях стремительной модернизации Российского общества последователи суфийского ордена Накшбандия активно внедряли многие инновации в культуру и общественную жизнь Урала и Поволжья. Считая просвещение единственным выходом башкир из угнетенного положения, З. Расулев проделал огромную работу в этом направлении.

После продолжительной учебы в течение 18 лет, неудачных предпринимательских попыток, пребывания в тюрьмах и ссылках (8 лет), работы в качестве имам-хатыба и мударриса в медресе в д. Аккужа, посвящения в тарикат Накшбандия, жизнь привела З. Расулева в г. Троицк³⁵⁸. Здесь он становится имам-хатыбом Пятой Соборной мечети, при которой в 1884 г. основал медресе «Расулия». Строительство здания осуществлялось за счет богатых меценатов, 19 тыс. руб. было внесено лично З. Расулевым³⁵⁹. При медресе был выстроен пансион, где приезжие ученики могли жить бесплатно. Новое медресе стало неким переходным типом от старой кадимистской школы к новой, джадидистской.

Учебный процесс был организован на высоком уровне. В медресе была богатая библиотека, фонд которой был сформирован из личных книг шейха, купленных в Стамбуле, также самим Расулевым было выделено 3,5 тысячи рублей на приобретение новых книг³⁶⁰. Значительное влияние на формирование передовых новаторских взглядов З. Расулева оказал стамбульский шейх ордена Накшбандия-Халидия Ахмед Зияутдин Гюнешханави. Турецкий шейх был известен своими призывами к борьбе с деградацией науки, к изучению научных трудов и созданию библиотек. Из его рук в 1869–1870 гг. З. Расулев получил вторичную инициацию. (Первое посвящение произошло в 1859 г. известным шейхом братства Накшбандия-Муджаддидия Абдул-Хакимом Сардаклы). В своей книге «Божественные

³⁵⁵ Алгар Хамит. Последний Великий шейх суфийского братства Накшбандия в Волго-Уральском регионе // Ватандаш. – 1998. – № 9. – С. 131.

³⁵⁶ Юсупов М. Галимджан Баруди. – Казань, 2003. – С. 39; Мухаметшина Г.Б. Зайнулла Расулев – религиозный подвижник и мыслитель // Зайнулла Расулев ... – С. 359.

³⁵⁷ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. – Уфа, 1994. – С. 48–50.

³⁵⁸ Хусайнов Г. Шейх Зайнулла Расулев. (на баш. яз.) // Ватандаш. – 2008. – № 5. – С. 164–165.

³⁵⁹ Сулейманова Р.Н. Зайнулла Расулев – «духовный король своего народа» // Зайнулла Расулев ... – С. 361.

³⁶⁰ Аллояров И.А. Педагогические нововведения башкирского просветителя Зайнуллы Расулева // Зайнулла Расулев ... – С. 80.

истины», изданной в Казани в 1899 г., он указывает на свое двойное посвящение и приводил обе линии духовной преемственности.

По различным данным в медресе одновременно обучалось от 300 до 400 шакирдов³⁶¹. В свое время в «Расулии» учились Мухаметсалим Уметбаев и Мифтахетдин Акмулла, поэт-просветитель Шафик Аминев-Тамьяни, классик башкирской литературы Мажит Гафури, один из основателей казахской советской литературы Султанмахмуд Турайгиров, каракалпакский поэт Ажанияз Кусебай и множество других известных личностей.

«Зайнулла Расулев имел десятки тысяч мюридов, большинство из которых состояло из башкир и киргизов. К нему приезжали из Туркестана и из Индии», – писал Ахмет-Заки Валиди³⁶². Троицкий ишан привлек под свое влияние в начале XX в. сотни мулл из многих городов и деревень Нижнего Поволжья, Урала и Сибири³⁶³. Последователем Зайнуллы ишана был крупный ученый, общественный и политический деятель Дагестана Сайфулла Кади – шейх мусульман Сибири, Туркестана, Башкирии, Татарстана и Северного Кавказа. Многих привлекали не только передовые методы обучения в самом медресе, но и незаурядная личность ишана Расулева.

По воспоминаниям современников, Зайнулла-ишан обладал экстрасенсорными способностями, даром предвидения, исцеления тяжелых болезней. Он владел секретами народной и тибетской медицины. В большом доме ишана была специальная комната для приема, в которой он исцелял больных молитвами, настоями и отварами растений, приготовленных им самим. Летом на пустыре было множество телег, набитых различными подношениями в дар ишану. Большую часть подношений он отдавал в медресе, на его содержание и обучение детей из бедных семей и сирот³⁶⁴.

Некоторые современные авторы считают, что медресе «Расулия» изначально принадлежало к числу джадидистских. В качестве аргумента приводится факт введения в 1894 г. в учебный процесс нового звукового метода. Однако не учитывается тот факт, что сам З. Расулев не был джадидистом. И его детище – медресе «Расулия» – было создано по образцу Накшбандийских учебных заведений, призванных стать центрами ишанизма. Одним из таких учебных заведений было медресе Абдуллы ишана Саиди (1836–1914) в д. Муллакаево, в котором учился сам З. Расулев. А.-З. Валиди назвал Абдуллу ишана одним из самых ученых богословов ордена Накшбандия³⁶⁵. Организация учебного процесса в данных медресе была поставлена на высоком уровне. Неслучайно французский исламовед А. Бенигсен назвал «Расулию» одним из лучших по качеству получаемого в ней образования среди всех академических учебных заведений во всем мусульманском мире того времени³⁶⁶.

³⁶¹ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мусульманский мир. – 1913. – Т. 2. – Вып. 6. – С. 459; Алгар Х. Указ. соч. – С. 133.

³⁶² Заки Валиди Тоган. Воспоминания. – Уфа, 1994. – С. 49–50.

³⁶³ Алгар Х. Указ. соч. – С. 131.

³⁶⁴ Рахмангулова С.Г. Муфтий Габдрахман Расулев – старший сын ишана хазрата Расулева. – Челябинск, 2000. – СС. 32, 48, 53–58.

³⁶⁵ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. – Уфа, 1994. – СС. 18, 48.

³⁶⁶ Алгар Х. Указ. соч. – С. 131.

Несмотря на высокое качество образования, медресе «Расулия» нуждалось в переменах, так как этого требовали время и обстоятельства. Оно стало джадидистским после того, как старший сын З. Расулева Габдрахман, проучившись в Аль-Азхаре, в 1903 г. возглавил учебное заведение.

Во второй половине XIX в. развитие общественной мысли в Башкирии получает новый импульс. Этот период называют эпохой башкирского просвещения³⁶⁷. Идеи А. Курсави и Ш. Марджани нашли своих последователей в просветительских кругах Урало-Поволжья. Наиболее известными башкирскими просветителями были М. Уметбаев (1841–1907), М. Акмулла (1831–1895) и Р. Фахретдинов (1859–1936).

Мухаметсалим Уметбаев занимался изучением актуальных проблем жизни башкирского народа³⁶⁸. Его интересовали социальные и аграрные вопросы, правовое положение башкир, культура и образование башкирского народа. Основной путь избавления от бедности, темноты и невежества ученый видел в развитии просвещения, культуры и образования³⁶⁹. Он верил во внутренний духовный потенциал башкирского народа и писал по этому поводу: «Народ башкирский к наукам и искусствам весьма способен»³⁷⁰. Поднимая вопрос о европеизации магометанского образования, предлагал пути внедрения европейских наук в процесс обучения мусульманских детей: «Европейцы многие науки перевели с восточных языков на свой и каждый народ в Европе достигал образованности, – писал просветитель, – так обратно и европейские науки следует перевести на восточные языки»³⁷¹. «Самый недорогой и верный способ» для просвещения народа М. Уметбаев видел в «предварительном обучении мальчиков наукам на родном языке»³⁷². 24 октября 1881 г. в качестве гласного Уфимского уездного земского собрания он обратился к земскому собранию с просьбой «ходатайствовать перед правительством о разрешении: 1 – переводить и печатать книги на татарском языке, 2 – и об издании татарских газет, географических и исторических карт с татарскими же надписями»³⁷³.

Он защищал права своего народа на свободу, на самостоятельное развитие языков и культур, высказывался за суверенные права народов. «Литература и просвещение проявляются больше в той нации, где имеется свое правительство, которое поощряет свою национальность», – писал он³⁷⁴. Мухаметсалим Уметбаев одним из первых выступил с критикой недостатков русско-инородческих школ, указывая на главный недостаток в содержании образования нерусского населения – политику обрусения³⁷⁵.

³⁶⁷ Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. – Уфа: Китап, 2001. – С. 116.

³⁶⁸ Кунафин Г.С. Ученый-просветитель и поэт (на баш. яз.). – Уфа, 1991.; Вильданов А., Кунафин Г. Башкирские просветители-демократы XIX в. – М., 1981; Хусаинов Г. Мухаметсалим Уметбаев (на баш. яз.). – Уфа, 1991.

³⁶⁹ История Башкортостана с древнейших времен... – Ч. 1. – С. 450.

³⁷⁰ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 12. – Ед. хр. 85. – Л. 103.

³⁷¹ Заявление М. Уметбаева в Уфимское VII очередное уездное земское собрание // Вестник Уфимского земства. – 1882. – Т. XXI. – С. 227.

³⁷² Хрестоматия по истории Башкортостана. – С. 297–298.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Гайсин Х. Ученый, просветитель и поэт // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 156–158.

³⁷⁵ Азаматова Г.Б. Указ. соч. – С. 132.

Известный башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Камалетдинов (Акмулла) провел всю свою жизнь в башкирских и казахских аулах. Простой народ любил его как учителя и поэта. Казахи прозвали его Акмуллой (праведный учитель). На его мировоззрение оказывал влияние суфизм, характерный для духовной атмосферы в Башкирии в XIX в.³⁷⁶ Как продолжатель скептических суфийских традиций, Акмулла понимал и принимал очищающую роль человеческих страданий.

Нельзя не учитывать и рациональное зерно в его творчестве. В конце 80-х гг. XIX в. в «Элигии в память о Шигабутдине Марджани» он выразил свои идеи в области воспитания и образования. Вслед за Салаватом Юлаевым он обратился к своему народу со словами «Мои башкиры! Ученье нужно!», призывая его овладевать знаниями и ремеслами³⁷⁷. Познание считал той силой, которая способна преобразовать общество на началах справедливости. Поэтому он стремился нести просвещение в массы. Он чувствовал грань между светскими знаниями и мусульманским вероучением. В своем творчестве поэт призывал к получению светского образования.

Огромное творческое наследие оставил Ризаэтдин Фахретдинов – выдающийся просветитель, писатель, ученый-энциклопедист. Формирование его взглядов происходило под воздействием таких мыслителей как Ш. Марджани и Д. Афгани. В философских взглядах Р. Фахретдинова приоритеты отданы знаниям, большие надежды ученый связывал с новометодными формами обучения. Однако он не являлся ярким противником кадимизма, ратовавшего за старые методы в образовании мусульман. В повести «Салима или целомудрие» Р. Фахретдинов говорит о никчемности споров между кадимистами и джадидистами³⁷⁸.

Риза Фахретдинов впервые осуществил попытку периодизации истории школьного образования мусульман Урало-Поволжья, поделив ее на два этапа: до 1880 г. и период после него. Первый период он называл этапом схоластики, а второй, составляющий, по его мнению, отрезок не более 30-35 лет – эпохой пробуждения³⁷⁹. Фахретдинов критиковал постановку школьного дела до 1880 г., к существенным его недостаткам относил и растянутость учебного процесса, нехватку учебных пособий, отсутствие дисциплины посещаемости, низкий уровень подготовки учителей.

Р. Фахретдинов, видя быстро меняющийся вокруг мир, хорошо понимал, что без ознакомления и усвоения достижений мировой науки российские мусульмане никогда не смогут даже приблизиться к уровню развития европейских народов. В своей работе «Шакирдлик эдэбэ» («Воспитанность шакирда») ученый писал, что «железные дороги, телеграфная и телефонная связь, машиностроение и электричество настолько изменили окружающий мир, что молодежь обязана ради будущей жизни учиться религиозным наукам, а ради этой жизни овладевать различными специальностями, светскими

³⁷⁶ Акмулла. Стихи. – Уфа, 1986. – С. 19; Валеев Д.Ж. Указ. соч. – С. 134; Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль. – Казань, 1976. – С. 18.

³⁷⁷ История Башкортостана... – Ч. 1. – С. 449.

³⁷⁸ Шакур Р. Великий подвижник науки и просвещения // Ватандаш. – 2008. – № 10. – С. 22 – 36

³⁷⁹ Баишев Ф.Н. Указ. соч. – С. 108.

знаниями, русским языком, так как счастье в будущей жизни зависит от исправности жизни нынешней»³⁸⁰. Свои взгляды на образование мусульман Фахретдинов также изложил в статье «О наших религиозных и национальных школах».

В одном ряду с ними стоят М. Бикчурин (Бекчурин), А. Куватов, Б. Юлуев, М. Баишев, Ю. Бикбов и др.³⁸¹. Географ, языковед, фольклорист Мирсалих Бикчурин, родился в д. Стерлибашево в 1820 г. Проучившись в Неплюевском кадетском корпусе, он преподавал там же восточные языки (1841–1878 гг.). Его учениками были М. Уметбаев и казахский просветитель Ибрай Алтынсарин³⁸². Являясь поборником светского просвещения, он критически относился к схоластическому образованию³⁸³. За многолетнюю педагогическую деятельность он был награжден орденами св. Станислава III и II степеней (1864 и 1866), св. Анны II степени (1869), св. Владимира IV и III степеней (1867 и 1873)³⁸⁴. За большой вклад в изучение языка, культуры и истории народов Востока М. Бикчурин был избран первым из башкир членом-сотрудником Русского географического общества. Критические, но объективные оценки жизни башкир в статьях Батыргарей Юлуева были связаны с желанием видеть свой народ более культурным³⁸⁵. Этнограф М. Баишев сокрушался в своей статье по поводу плачевного состояния башкирского образования³⁸⁶.

Просветители внесли существенный вклад в развитие духовной культуры. Раскрывая общественно-экономическое положение народа, и, освещая самые актуальные проблемы общества, они писали о необходимости качественного образования, приобщения простого народа к знаниям, обязательного изучения родного и других языков для лучшего ознакомления с опытом других передовых народов, предлагали конкретные рекомендации для повышения жизненного уровня народа и решения назревших общественных проблем.

Таким образом, конфессиональные школы до середины XIX в. наряду с основной функцией – обучением религиозным основам и подготовкой духовных лиц – параллельно успешно реализовывали задачу просвещения мусульманского социума. Наряду с этим играли важную роль в формировании идеологии выживания тюркоязычных народов в условиях колониального гнета. На территории исторического Башкортостана религиозные школы являлись цементирующей основой для этноконфессиональной консолидации мусульман. Здесь в течение XVIII–первой половины XIX в. складывались условия для реформирования конфессиональной школы во второй половине XIX в.

³⁸⁰ Фахретдинов Р. Шакирдлик эдэбэ. – Казань, 1897. – С. 34.

³⁸¹ Валеев Д.Ж. Указ соч. – С. 116–140.

³⁸² Асфандияров А.З. Указ. соч. – С. 29.

³⁸³ Валеев Д.Ж. Указ. соч. – С. 118.

³⁸⁴ Асфандияров А.З. Указ. соч. – С. 29.

³⁸⁵ Юлуев Б.М. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 2-3. – С. 216–228.

³⁸⁶ Баишев М. Деревня Зянчурино Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела ИРГО. – Вып. 7. – Оренбург, 1985. – С. 14.

3.2. Проекты реформирования мусульманской школы. Джадидистская реформа образования

Во второй половине XIX в. башкирские просветители все чаще ставили вопрос о европеизации мусульманского образования, обсуждали пути внедрения европейских наук в процесс обучения мусульманских детей. Попытку открытия при уфимской мечети мусульманской школы предпринял муфтий С.Г. Тевкелев. В 1866 г. проект был отклонен³⁸⁷. В 90-е годы XIX в. свой проект реформы в области народного образования предлагал и Р. Фахретдинов³⁸⁸. Он настаивал на открытии учебного заведения с двумя отделениями, в первом из которых преподавались бы «духовные», а во втором – светские предметы: арифметика, геометрия, алгебра, география, философия, химия, астрономия, медицина, ботаника, история, логика, механика, право и др.

Автором первого проекта высшего учебного заведения для мусульман исследователи по праву считают ученого-тюрколога Х. Фаизханова (1828–1866 гг.)³⁸⁹. В 60-е годы XIX в. он выпустил книгу «Ислах медресис» («Школьная реформа»), в которой мусульманские школы в тогдaшнем виде признавались совершенно непригодными и предлагался проект реорганизации медресе³⁹⁰. Его огорчало, что становится мало учеников и убывает их рвение к учебе, что они тратят время на изучение ненужных предметов, а также отсутствие порядка в жизнедеятельности как учеников, так и учителей. Он всеми силами старался возродить былое стремление мусульман к изучению рациональных и традиционных наук и искал способы достижения этой цели³⁹¹.

Проект Х. Фаизханова в основных чертах сводился к следующему: необходимо открыть высшее учебное заведение для татар, получив разрешение и деньги у российского правительства. В случае отказа правительства собрать деньги у народа введением специального налога. В этом учебном заведении – «специальном медресе» – учащиеся первые три года должны были обучаться по программе гимназий с преподаванием арабского, персидского и тюркского языков. Здесь шакирды должны были изучать и исламоведческие дисциплины: тафсир (толкование Корана), хадисы, юриспруденцию и философию ислама. После трехлетнего обучения учащиеся разделялись на два отделения:

восточное, в котором помимо традиционных восточных дисциплин шакирды изучали бы русский, французский, немецкий языки и основные гимназические курсы;

светское, в котором преобладали бы гимназические предметы с углубленным изучением западных языков с сохранением турецкого языка и

³⁸⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 80. – Л. 31–32; ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 1. – Д. 15 234. – Л. 1–8.

³⁸⁸ Амирханов Р.У. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2001. – С. 125.

³⁸⁹ Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань, 1981.

³⁹⁰ Юлдашбаев Б.Х. Указ. соч. – С. 247–248.

³⁹¹ Марджани Ш. Отрывок из сочинения «Вафият ал-асляф ва тахийят ал-ахляф». Пер. Юзеева А. // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. www.islamnn.ru

общих предметов по исламоведению. Учеников этой специализации предполагалось освободить в последних двух классах от специальных дисциплин по исламу. В медресе предполагался пятиклассный курс с двухгодичным обучением в каждом классе. Последние два года ученики должны были обучаться в специальном классе, где они проходили специализацию. Приемные экзамены в этом медресе предполагались один раз в два года.

«Хусаин б[ин] Фаизхан считал, что мусульманам добиться подъема наук можно, только построив новое, великолепное медресе, в котором преподаванием каждой из мусульманских наук занимался бы отдельный преподаватель» – писал Ш. Марджани³⁹². То есть Х. Фаизханов ставил вопрос о специализации не только учеников, но и преподавателей. «Например, один преподаватель вел бы занятия только по фикху и не обращался бы к другим предметам. Другой – занимался бы только арабским языком и ничем иным. Кто-то преподавал бы только философию. Таким образом, у каждого из них были бы определенные обязанности, и за их исполнение он получал бы жалованье» – продолжал свое описание Ш. Марджани³⁹³. В медресе также должен был быть смотритель, обладающий достаточной властью над проживающими, который поддерживал бы среди них дисциплину согласно распорядку, основанному на шариате и здравом смысле. Ученик, закончив изучение какой-либо книги или предмета, мог перейти к другому, только сдав экзамен и получив успешное свидетельство от ответственных за это лиц.

Такое медресе должно было находиться в Казани, так как по мнению Х. Фаизханова, в этом городе были сосредоточены ученые люди мусульманской общины и через него проезжали все достойные мусульмане нашей страны³⁹⁴. По этому поводу Р. Фахретдинов высказывал сомнения. Он писал, что большие надежды в открытии высшего медресе связывает с мусульманами Урала³⁹⁵.

Х. Фаизханов ставил вопрос о переводе преподавания в медресе на родной для учащихся тюрко-татарский язык. В отличие от традиционных мектебов и медресе, где преобладала учебная литература на арабском языке и фарси (начиная с букваря «Бидан»), в лучшем случае с тюркоязычными комментариями. С этой целью он создал «Краткую грамматику татарского языка».

По проекту Х. Фаизханова предполагалось на восточном отделении готовить мусульманских священнослужителей и учительские кадры, а светское отделение выпускало бы татарскую молодежь, адаптированную к условиям российской жизни, которая могла продолжать обучение в

³⁹² Марджани Ш. Отрывок из сочинения «Вафият ал-асляф ва тахийят ал-ахляф». Пер. Юзеева А. // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. www.islamnn.ru

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Реформа медресе (Ислах мадарис). / Пер. И. Ф. Гимадеева // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. www.islamnn.ru

³⁹⁵ Риза Фахраддин. Хусаин Фаизханов (отрывок из библиографического труда «Асар»). / Пер. И. Ф. Гимадеева // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. www.islamnn.ru

российских университетах. Таким образом, решался бы вопрос подготовки высококвалифицированных светских кадров из татар. В этом заключалось основное отличие проекта Х. Фаизханова, предполагавшего воспитание общенациональной (светской) элиты, от проекта Ш. Марджани, нацеленного на формирование религиозной элиты. Смерть Х. Фаизханова помешала даже представить проект на рассмотрение.

Поэтому основоположником реформированной (новометодной) школы принято считать Исмаила Гаспринского*. Следует подчеркнуть, что И. Гаспринским было осуществлено теоретическое и практическое воплощение реформы в школе, а концептуальная основа реформы была подготовлена представителями татарского просвещения³⁹⁶.

Широкую общественную известность И. Гаспринский приобрел как разработчик новых программ для мусульманских учебных заведений, создатель новых учебников, основатель реформированных, новометодных, школ в Крыму.

И. Гаспринский впервые на страницах русской прессы поднял вопрос о введении общеобразовательных предметов в учебные программы мусульманских религиозных школ России. В 1880 г. он выступил с идеей создания сети учебных заведений для тюрко-мусульман. И. Гаспринский предложил в десяти крупных городах с татарским населением преобразовать 10 мусульманских учебных заведений путем введения следующих дисциплин: географии, истории, естествознания, арифметики с планиметрией, основ педагогики, русского законодательства и других предметов на татарском языке. Преподавателями в них, по мысли автора проекта, должны были стать выпускники восточного факультета Петербургского университета и Лазаревского института восточных языков.

В 1884 г. он впервые опробовал свой метод в Бахчисарайской школе. В учебную программу вводилось преподавание на арабском языке и новые светские предметы: арифметика, география, история, естествознание и русский язык. Важное новшество касалось обучения чтению – применялся новый звуковой метод (усул-и джадид) взамен буквослагательного.

И. Гаспринского не удовлетворял облик современного ему мусульманина и мусульманства как цивилизации³⁹⁷. Поэтому главным делом его жизни стала выработка новой образовательной концепции получившей название «джадидизм». Помимо введения нового метода обучения чтению и светских предметов в учебную программу, в ее основе лежало преподавание на родном языке учащихся, установление фиксированного учебного года и классно-урочной системы преподавания³⁹⁸. Все эти нововведения в совокупности вели к сокращению сроков обучения грамоте.

В модернизации исламского образования И. Гаспринский видел вернейший путь культурного преображения нации. Таким образом, ему

³⁹⁶ Абдуллин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории татарской общественной мысли. – Казань, 1979. – С. 107.

³⁹⁷ Шукуров Р. Исламская утопия: проект счастья // Родина. – 2006. – № 6. – С. 32.

³⁹⁸ Ямаева Л.А. Джадидизм // Башкирская энциклопедия. – Т. 2. – С. 469.

впервые в российском мусульманском пространстве удалось облечь идею культурного обновления в вполне осязаемые и функциональные формы – выработать методику и содержание нового образования.

Новые джадидистские школы, созданные по примеру бахчисарайской, стали быстро распространяться на всей территории России, где проживали мусульмане.

Мусульманское духовенство, объединившись на почве неприятия системы «инородческого образования» Н. Ильминского, по отношению к системе И. Гаспринского разделилось. Введение светских предметов в программу мектебов и медресе должно было неизбежно происходить за счет уменьшения религиозных наук. Это вызывало обоснованное беспокойство и недовольство приверженцев традиционализма, опасавшихся возможного ослабления религиозного влияния. Преподавание общеобразовательных дисциплин противоречило также основному призванию медресе: обучению вере. Введение русского языка ассоциировалось с угрозой христианизации. Звуковой метод обучения повлек за собой внедрение новых учебников, основанных на современном для того времени фонетическом методе преподавания. А для ревнителей старого метода каждый учебник был незаменимым, своего рода малым Кораном. Поэтому появление новых учебников воспринималось как отход от канонов веры.

Еще более серьезные нападки кадимистов спровоцировало преподавание татарского литературного языка. При его введении джадидисты внесли определенные изменения в арабском алфавите: прибавили буквы, отсутствующие у арабов, и отбросили буквы, для которых в литературном татарском языке не нашлось соответствующих звуков. Этот аргумент в борьбе против новометодных школ использовался кадимистами в качестве основного. Дело в том, что сама вера Ислам, ее священная книга Коран, соответственно и арабский язык, на котором она написана, считаются совершенными, не нуждающимися в изменениях, так как они ниспосланы самим Аллахом. Следовательно, изъятие какой-либо буквы из употребления рассматривалось как покушение на целостность Корана.

В 1899 г. в г. Казани вышло сочинение муллы Г. Мухитдинова «Стальные пики против нового метода», в котором был брошен открытый вызов Гаспринскому. По поводу этой статьи начальник главного управления по делам печати Н.В. Шаховский докладывал: «Автор скептически относится ко всем попыткам преобразовать школьное обучение, усматривая в них только один вред для ислама, и все симпатии сосредотачивает на стороне традиций, завещанных отцами и дедами»³⁹⁹.

Наиболее влиятельными идеологами ортодоксального ислама были Ишмухамет Динмухаметов (1842–1919) («Ишми ишан», Ишмухамет Тюнтери, мударрис медресе «Тюнтер») в Вятской губернии. В Оренбургской губернии активными защитниками консервативного ислама выступали

³⁹⁹ Из записки «Новые течения в татарской печати», представленной в Департамент полиции, о необходимости определения позиций властей в отношении обновленческого движения среди российских мусульман // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы ... – С. 127 – 131.

мударрисы медресе «Вали» г. Оренбурга Вали Хусаинов и Сеитова посада г. Оренбурга Н. Махмудов. В Уфимской губернии во главе представителей движения ортодоксального ислама стоял имам мечети д. Калмаш Белебеевского уезда Ф. Бахаутдинов, которого Р. Фахретдинов назвал «вторым Ишми Ишаном». Они вели активную общественную деятельность, направленную против джадидистов: выступали с резкой негативной критикой реформ образования, с призывами придерживаться враждебной позиции по отношению к реформаторам, формируя, таким образом, в мусульманском обществе мнение относительно «преступной» сути джадидизма.

Важнейшим очагом воспроизводства идей традиционализма были старометодные медресе. Печатными трибунами ортодоксального ислама стали газеты «Дин вэ Магишат» и «Баянул-хакк». В многочисленных публикациях И. Динмухаметов отождествлял реформаторов-новометодистов с неверными. Он выступал против преобразований в мусульманской школе: внедрения европейских парт в медресе, преподавания на татарском языке, обучения национальной истории. Он требовал запретить цензурой исторические труды М. Рамзи («Талфик аль-ахбар») и Х.-Г. Габаши («Подробная история тюркских племен»). Примечательно, что З. Расулев, напротив, оказывал моральную и финансовую помощь в издании книги М. Рамзи⁴⁰⁰. Динмухаметов призывал также к активному социальному противодействию джадидам, вплоть до применения насилия и государственных репрессий. Сам он проявлял активность в доносительстве властям. Так по доносу Ишми ишана в 1907 г. жандармы разгромили знаменитые мужское и женское медресе Иж-Буби. Медресе было закрыто, арестован педагогический состав, в том числе заведующая женским медресе Мухлисса Буби и др. Полемика между представителями двух направлений сильно обострилась и стала принимать национальный, общественный и культурный характер⁴⁰¹.

Не менее значимый узел противоречий между кадимистами и джадидистами лежал в плоскости финансирования общинных мусульманских учреждений, к которым относились мусульманские религиозные школы⁴⁰². Мусульманское духовенство не обладало регулярными доходами, и их материальное положение зависело от богатства и сплоченности общины. В условиях развития капитализма происходила дестабилизация мусульманской общины, она расчленялась на множество частей с соответствующим уменьшением коллективных денежных средств.

Молодые предприниматели из мусульманской среды активно занимались финансированием школ. Однако материальную поддержку

⁴⁰⁰ Насыров И.Р. Духовное наследие религиозного мыслителя и суфийского шейха Зайн Аллаха ар-Расули (Расулева) в диалоге прошлого и настоящего. // Зайнулла Расулев... – С. 45.

⁴⁰¹ Из записки «Новые течения в татарской печати», представленной в Департамент полиции, о необходимости определения позиций властей в отношении обновленческого движения среди российских мусульман // Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы... – С. 127–131.

⁴⁰² Дюдуаньон С. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII–начало XX вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность: материалы международного симпозиума. Специальный выпуск. Казань, 29 апреля–1 мая 1996 г. – 1997. – № 12.

оказывали новометодным школам, так как именно там готовились кадры для развивающейся промышленности и торговли. Бесконтрольное разрастание мектебов и медресе, учреждаемых на частные пожертвования, появление при них школьных учителей, означало потерю доходов для мулл.

Большую известность благодаря своей благотворительной активности получили оренбургские купцы братья Хусаиновы: Ахмет, Габдулгани и Махмут. При их непосредственном участии формировалась материальная база новометодных школ Оренбургской, Уфимской и Казанской губерний⁴⁰³. Масштабы их вложений в сферу просвещения не имели аналогов.

Ахмет Галеевич Хусаинов (1837–1906) построил 20 мечетей, а при них школы стоимостью по 3 000 рублей каждая. Так как по указу 1874 г. мусульманские школы должны были учреждаться исключительно при мечетях, строительство мечетей происходило в таких деревнях, где не было школ⁴⁰⁴. Кроме того меценат выделял средства на содержание стипендиатов в светских учебных заведениях, обеспечение учебниками и учебными пособиями более двухсот школ, оплату жалования учителям более сорока новометодных школ.

Масштабы меценатской помощи становятся очевидными при изучении завещания А. Хусаинова, нотариально оформленного 20 января 1904 г. и 26 декабря 1906 г.⁴⁰⁵ В нем было юридически закреплено выделение 1/3 всего движимого и недвижимого имущества купца на благотворительные нужды. Большая часть имущества – 200 тыс. деньгами и Хусаиновское подворье на Нижегородской ярмарке стоимостью 45 тыс. руб. передавались на нужды медресе «Хусаиния» и 6-ой соборной мечети. Также он выделил по 3 000 рублей на содержание крупных медресе в городах Казани и Уфе⁴⁰⁶. 25 000 рублей было передано мусульманскому благотворительному обществу г. Оренбурга. Отдельной статьей расходов стали процентные ставки со 120 тыс. руб. Ежегодно 500 рублей предполагалось выделять на издание школьных учебников, а также книг религиозно-нравственного содержания⁴⁰⁷. Из этой же суммы предполагалось обучение детей и юношей в религиозных и светских учебных заведениях. Определенная сумма предполагалась на выплату жалования учителям шестидесяти начальных школ и содержание этих школ⁴⁰⁸.

В 1907 г. с утверждения Министерства внутренних дел России был создан «Особый Попечительский Совет» по исполнению завещания купца 1-й гильдии Ахмед бая Хусаинова. В Совет вошли Хайрулла Усманов, Гайса Еникеев, братья Рамеевы, М.Г. Каримов и другие уважаемые лица. Совет употребил завещанные средства на строительство мечетей и медресе, открытие и содержание мужских и женских школ, содержание медресе «Хусаиния».

⁴⁰³ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Ч. 1. – С. 441.

⁴⁰⁴ Мектебе Оренбургской губернии. Под ред. И.М. Бикчентаева. – Оренбург, 1916. – С. 3.

⁴⁰⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. – Д. 1386. – Л. 2 об.

⁴⁰⁶ Оренбургская газета. – 4 декабря 1905 г. – № 2464. – С. 3.

⁴⁰⁷ Салихов Р. «Гранты» от купца-миллионера // Время и деньги. – 17 сентября 2004. – № 178-179. – С. 10.

⁴⁰⁸ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 523. – Л. 2 об.

Джадидисты предлагали финансировать реформу тюрко-мусульманского образования при помощи мобилизации общинных ресурсов и российской казны. Р. Фахретдинов и М. Бигеев написали особые трактаты о способах применения «закята» и «узаконенной милости»⁴⁰⁹. «Ишми ишан» выступал убежденным противником и критиком попыток новометодистов привлечь на нужды медресе земские налоги, собираемые с мусульманского населения. Он относил их к разряду «муссарад», т. е. добытые грабительским путем средства, пользоваться которыми Коран строго запрещал. Подобный запрет относился и к учебникам, полученным из земства.

В качестве альтернативы реформам джадидистов Ишмухамет ишан предложил свой проект реформы мусульманского образования. В 1911 г. он обратился к императору Николаю II с личной просьбой утвердить единую для всех мусульманских учебных заведений страны программу вероучения и шариата на основе «Устава усуль-и кадим». Программа представляла собой типичный образец бухарской схоластической системы образования. Весь курс обучения строился на изучении в шести разрядах только Корана и нескольких узкоспециальных богословских трактатов.

На рубеже XIX–XX в. национальная буржуазия выступала в тандеме с новой категорией интеллигентов, первой группой студентов, вернувшихся после обучения в университетах Стамбула, Каира и Западной Европы. Египет в это время находился на стадии небывалого культурного и морально-духовного подъема, вызванного предшествующим периодом арабского возрождения⁴¹⁰. В Каирском университете преподавал выдающийся философ-исламист своей эпохи Мухаммед Абдо (1849–1905) – египетский реформатор ислама и общественный деятель. Окончил мусульманский университет аль-Азхар в Каире. Ученик Джемаль-ад-дина аль-Афгани. Мухаммед Абдо был активным участником национально-освободительного движения в Египте. Впоследствии был выслан из страны, много лет прожил на Западе. Там он увидел, что европейские религиозные институты чутко реагируют на импульсы перемен, вызванные развитием капиталистических отношений. Приехав на родину, он основал университет, который, по его мнению, отвечал требованиям времени. Основная цель открытия нового университета состояла в реформировании исламской религии. Разуверившись в политических методах, М. Абдо решил действовать только через воспитание и просвещение⁴¹¹. Через несколько лет его университет завоевал авторитет в мусульманском мире.

Знаменитыми учениками М. Абдо были просветители Зия Камали и Муса Бигеев. В 1905 г., завершив обучение в Каирском университете, в Уфу вернулся Парвазетдин Камалетдинов, известный в литературе под именем Зия Камали⁴¹². Он был наполнен идеей реформирования национальной школы и продолжил работу в медресе «Усмания». Параллельно Камали

⁴⁰⁹ Бигеев М. Закят. – Пгр., 1916; Фахретдинов Р. Мектеб и закят, помощь общества и земства. – Оренбург, 1916.

⁴¹⁰ Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX–начало XX в.). – М.: «Наука», 1989. – С. 72.

⁴¹¹ Хабибуллина Г.Ю. Модернизация образования на мусульманском Востоке // Ислам в современном мире. – 2006, № 2. // www.islamrf.ru/news/umma/islam-world. 20.03.2009.

⁴¹² Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. – Вып. 1. – М., 1998. – С. 29–30.

служил редактором газеты «Мусульманский мир», на страницах которой пропагандировал новые взгляды. Революционные события 1905–1907 гг. придали новый импульс взглядам Зии Камали. Единственным выходом для своего народа из нищеты и униженного состояния он считал образованность. Со временем он понял, что не сможет воплотить в жизнь новаторские проекты в медресе «Усмания», которое по определению прессы начала XX в., являлось «очагом татарского обскурантизма»⁴¹³.

Просветительские идеи учителя повлияли на мировоззрение ученика. Зия Камали решает посвятить свою жизнь делу распространения грамотности, просвещения среди своего народа⁴¹⁴. По примеру своего учителя он загорелся идеей создания нового учебного заведения.

Многие из студентов, получивших образование за границей, занимали должности мугаллимов в медресе, поэтому не понаслышке знали о недостатках, существовавших в области мусульманского образования в России, и предпринимали попытки их реформирования изнутри.

Реформация мусульманского образования в крае, борьба в клерикальных кругах раскололи мусульманское общество на два лагеря, а религиозные учебные заведения на «старометодные» (кадимистские) и «новометодные» (джадидистские).

«Новометодные» школы выгодно отличались от своих предшественников короткими сроками обучения, что способствовало быстрому росту удельного веса грамотных магометан; внедрением книжного языка «тюрки» взамен арабского и персидского; светских предметов, расширяющих кругозор выпускников и развивающих их мыслительную деятельность. Необходимо отметить, что новый метод не представлял собой лишь новые способы преподавания. Он означал полное реформирование школы, начиная с приемов обучения письму и чтению и заканчивая установлением четко фиксированного учебного года.

Были введены новые общие учебные программы и планы, установлены экзамены, занятия стали проводиться в соответствующих помещениях, оборудованных партами, школьными досками, кафедрами для мугаллимов, с использованием наглядных пособий (географических карт, глобусов, плакатов). Во многих медресе были предусмотрены специализированные кабинеты химии и физики⁴¹⁵. Важным шагом в джадидской педагогике стала отмена телесных наказаний. Теперь за проступки и неблаговидное поведение применялись гуманные способы наказания. Коренные изменения претерпел и внешний вид шакирдов. Вместо длинных чапанов и больших чалмов шакирды стали носить укороченные казакины и каракулеву шапочку или тубетейку⁴¹⁶.

Благодаря новометодным школам в мусульманских регионах России зарождается новая генерация мусульманских интеллектуалов, которые были

⁴¹³ Медресе-и-Алийе // Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – СПб., 1913. – С. 435.

⁴¹⁴ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8.

⁴¹⁵ История Уфы. – С. 128.

⁴¹⁶ Тузбекова Л. Медресе «Галия»... – Уфа, 2007. – С. 28.

открыты европейской образованности⁴¹⁷. Передовые мусульмане стали задаваться вопросом о причинах «темноты магометанства» и искать пути вывода мусульманского населения из архаики.

Новый, еще более мощный, импульс развитию национального самосознания придали революционные события 1905–1907 гг. Общедемократические тенденции в российском обществе в этот период нашли отражение и в национальном мусульманском движении. Они были подчинены идее обновления национальных культурных ценностей на базе общечеловеческих достижений и на уровне наиболее цивилизованных народов Востока и Запада. Основным проводником этих идей стала просвещенная молодежь, активно задававшая тон движению.

На рубеже XIX–XX вв. наметился позитивный сдвиг в мусульманской педагогике. Появление первых медресе, устроенных по европейскому образцу, означало переворот в подготовке профессиональных учителей для мусульман России. Мугаллимы, выпускаемые новометодными медресе, несли новую живую струю в мусульманские массы. Следовательно, новый метод положил начало полному преобразованию архаической мусульманской школы в школу европейскую⁴¹⁸.

Но это лишь видимая часть айсберга. Движение за реформирование мусульманской школы постепенно переросло в широкое общественно-политическое движение. В этом течении выделились крайние реформисты, которые не ограничились критикой старых порядков и введением новых приемов обучения. Они выступали за расширение сети культурно-просветительских учреждений, издание книг, журналов, газет на национальных языках, развитие национального искусства и литературы⁴¹⁹. Реформаторы пытались приспособить обновленную мусульманскую религию к реалиям современности, которая требовала новых людей для новой эпохи. Они настаивали на реорганизации деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания.

Отношение властей к джадидизму было негативным, о чем свидетельствует ряд «особых совещаний»⁴²⁰. Среди них выделяется так называемое «особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае», проведенное в 1910 г. под предводительством П.А. Столыпина⁴²¹. Анализ этого документа достаточно подробно дан в ряде публикаций современных авторов⁴²², поэтому ограничимся лишь общими замечаниями. В.Д. Смирнов, С.В. Смоленский, А.С. Будилович не скрывали своего негативного отношения к новометодному образованию и подчеркивали, что «школы старого типа менее вредные»⁴²³. Отмечая, что «...культурное преобладание и

⁴¹⁷ Шакуров Р. Исламская утопия: проект счастья // Родина. – 2006. – № 6. – С. 32.

⁴¹⁸ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – 1913. – Вып. V. – С. 287.

⁴¹⁹ Ямаева Л.А. Джадидизм // Башкирская энциклопедия. – Т. 2. – Уфа, 2006. – С. 469.

⁴²⁰ Приложение. Свидетельствуют документы // Фархшатов М.Н. Самодержавие ... – С. 164–180.

⁴²¹ Красный архив. – 1929. – Т. 4. (35), 5 (36).

⁴²² Тагиров И.Р., Пискарев В.А. Особое совещание по Приволжскому краю: противодействие империи. Документ и комментарий. // Татарстан. – №№ 9–10, 1992; Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX–XX вв. (очерки политической истории). – Казань, 1998.

⁴²³ Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905. – С. 81.

влияние среди мусульманских инородцев в России... принадлежит... татарам», совещание с озабоченностью констатировало тот факт, что «...татары, особенно Поволжья, настойчиво вели... национально-культурное дело, расшатывающее... вековые устои русской государственности»⁴²⁴.

В связи с этим совещание выработало ряд мер по противодействию национально-культурному возрождению татарского общества. Царское правительство, преследуя реакционные цели, под видом борьбы против «мусульманско-татарского» влияния, пантюркизма и панисламизма, ожесточенно боролось с введением светских предметов в программы конфессиональных школ. Так, «Особое совещание» постановило устранить из конфессиональных мусульманских школ (мектебов и медресе) предметы преподавания общего характера, в том числе и русский язык, ограничив программу преподавания в означенных школах исключительно предметами, относящимися к изучению мусульманского вероучения, подчинив их в отношении соблюдения этого требования общему учебному надзору.

Полиция начала проводить обыски и аресты в передовых джадидистских центрах. Арестовывались мударрисы и мугаллимы, изымалась учебная литература⁴²⁵. Такая же участь постигла медресе «Галия» и ее преподавателей. По доносу в медресе было разогнано собрание, на деле оказавшееся лекцией Камалетдинова, произведен обыск и изъятие литературы. Жандармское начальство по этому факту сделало заключение: «учитель Камалетдинов читал лекции исключительно на научные темы, призывая своих слушателей к умственному труду и саморазвитию». 12 декабря 1911 г. в Оренбургское духовное собрание был отправлен циркуляр с предписанием о том, чтобы при испытании на духовные звания кандидаты предъявляли свидетельства об образовании с указанием точного места учебы. Этот акт был направлен на отстранение выпускников «неблагонадежных» учебных заведений от влияния на мусульманское население. К таковым относились не только крупнейшие турецкие и египетские джадидистские центры, но и казанское «Мухамедия», оренбургское «Хусаиния», уфимское «Галия».

Итак, джадидистская реформа мусульманского образования разделила мусульманскую школу на два типа: старометодную и новометодную. Рождение джадидистской школы происходило в суровых условиях борьбы старого с новым, осложнявшуюся правительственными интригами. Однако появлению джадидистских школ в Башкирии предшествовал комплекс факторов. Исторический ход развития башкирского народа в составе Российской империи, борьба против колониального гнета, вызванная необходимостью сохранения этнонационального единства и территориальной целостности, говорят о зрелом национальном самосознании. Определяющую роль в процессе его формирования сыграла кадимистская школа.

В широкое значение этого термина мы вкладываем не просто устаревшие принципы педагогики, противопоставлением которым стали передовые джадидистские методы обучения. Кадимистская школа, неразрывно связанная с выдающейся историей башкирского народа, – это

⁴²⁴ Красный архив. – 1929. – Т. 4. (35) – С. 110.

⁴²⁵ ЦГИА РБ. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 412. – Л. 420, 432 об.

глубочайший культурный пласт, охватывающий период с середины XVI в. до середины XIX в. И хотя основной целью конфессиональной школы было обучение религиозным основам и нравственное воспитание, а параллельно она решала вопросы обучения мусульманского населения грамоте, бесспорной ее заслугой стало обучение народа науке выживания в условиях Российского государства. Кадимистская школа являлась цементирующей основой этнонациональной консолидации тюркоязычных народов.

Таким образом, джадидистские идеи в Башкирии легли на хорошо подготовленную почву: совокупность внутренних предпосылок в сочетании с социально-экономическим развитием общества и общеевропейской модернизацией. Все реформы были подчинены единственной цели – перспективе дальнейшего саморазвития мусульман⁴²⁶. Наиболее рациональным путем для достижения цели виделось преобразование первичного звена мусульманского просвещения – начальной школы. «Растворение европейской цивилизованности в источнике мусульманства может быть достигнуто через национальную школу, преобразованную на новый лад», – считали прогрессивные круги мусульманского общества⁴²⁷.

В мае 1911 г. прошло совещание при Уфимской земской управе по вопросу о типе начальной образовательной школы⁴²⁸. При определении характера начальной национальной школы возник вопрос о месте мектебов и медресе в просветительной деятельности башкиро-татарского населения.

Искомый тип начальных школ для башкир и татар могли представить джадидистские мектебы, но считалось необходимым тщательное их обновление и изменение программы преподавания, сокращение вероучения. Последнее мнение и было взято земством ориентиром в будущей практической деятельности. Учитывая потребность у значительной части населения в религиозных учебных заведениях, имеющих «самодовлеющее значение»⁴²⁹, совещание сделало заключение о сохранении мектебов и медресе. Создание национальной школы с обязательным светским начальным образованием стало важнейшей задачей реформаторов.

⁴²⁶ ЦГАОО РБ. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 618. – Л. 18 об.; Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 51.

⁴²⁷ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – 1913. – Вып. V. – С. 676 – 677.

⁴²⁸ Журналы совещания при Уфимской земской управе по вопросу о типе начальной образовательной школы. 23–25 мая 1911 г. – Уфа, 1911. – С. 47.

⁴²⁹ Там же. – С. 48.

Глава 4. Новометодные школы, как центры образования, просвещения и культуры мусульман.

4.1. Формирование материальной базы.

На рубеже XIX – XX вв. в городах России было открыто большое количество джадидистских школ. Реформирование мусульманской школы предполагалось провести лишь в сфере начального образования. Очевидно, этот путь казался наиболее быстрым и доступным. Однако реформаторы столкнулись с низким уровнем общественного сознания в башкирских и татарских деревнях и ортодоксальным мировоззрением большей части мусульманского населения. Поэтому реформы получили свое развитие в учебных заведениях крупных городов и торгово-экономических центров. На их примере мы и рассмотрим процесс реформирования мусульманских школ. В Уфимской губернии новый (звуковой) метод впервые был введен в г. Уфе в медресе «Усмания» в 1895 г.⁴³⁰, в Оренбургской губернии – в г. Оренбурге в медресе «Хусаиния» в 1891 г.⁴³¹, затем в г. Троицке в медресе «Расулия» в 1893 г.⁴³². К началу XX в. звуковой метод утвердился в мектебах и медресе городов Орска и Стерлитамака⁴³³.

Постепенно новый метод стал распространяться из городских школ в сельские. Замена буквослагательного метода обучения грамоте фонетическим постепенно сменялась глубоким реформированием всей области устаревшего мусульманского образования, включая материальную базу и учебно-воспитательный процесс.

Большинство реформированных школ появилось в результате перестройки старых учебных программ на основе нового метода. Часть медресе изначально были учреждены как новометодные, начиная свою работу «с чистого листа». В функционировании и тех и других были свои особенности, которые мы рассмотрим на примере наиболее крупных образовательных центров.

Так, в начале XX в. во многих крупных медресе Уфимской и Оренбургской губерний существовали попечительские советы*. К их числу принадлежат медресе «Хусаиния» в Оренбурге, Каргалинские медресе в Сеитовском посаде, медресе «Усмания» и «Галия» в г. Уфе, медресе «Расулия» в Троицке и ряд других учебных заведений, сыгравших значительную роль в развитии образования, науки и культуры мусульман России⁴³⁴.

⁴³⁰ Абызгильдин Ж. Воспоминания о медресе // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 118.

⁴³¹ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 114. – Л. 391 об.

⁴³² В. Бартольд. Шейх Зайнулла Расулев // Мусульманский мир. – Пг., 1917. – С. 73.

⁴³³ Гани бай. С. 116; Фархшатов М.Н. Народное образование... – С. 88.

* Практика создания попечительского совета при медресе была введена Шагабутдином Марджани. Впервые в г. Казани при медресе «Марджания» он создал попечительский совет, для функционирования которого им было получено официальное разрешение в Духовном собрании.

⁴³⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 523. – Л. 2–15; Шарипов А.А. Оренбургское медресе «Хусаиния» // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы конференции. – Уфа, 2006. – С. 102–106; Тузбекова Л.С. Меценаты – основополагающее звено в деятельности мусульманских образовательных учреждений в конце XIX–начале XX в. // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы конференции. – Уфа, 2006. – С. 147–152.

В компетенции попечительского совета находилось решение вопросов материального обеспечения медресе, участие в его внутренней жизни, проблемы управления и также разрешение конфликтных ситуаций⁴³⁵. Попечительский совет фактически осуществлял функции внешнего управления, а председателем попечительского совета являлся директор медресе. Появление попечительских советов способствовало определенной демократизации в управлении медресе, пришедшей на смену диктату одного мударриса-ректора⁴³⁶. Но финансовая зависимость от дворян и предпринимателей, входивших в состав совета, породила административную зависимость. Следовательно, это становилось либо причиной половинчатого характера реформ, что особенно четко проявлялось на примере медресе «Усмания», либо разрыва с попечительским советом в пользу реформирования учебно-воспитательного процесса, что имело место в медресе «Галия».

Одними из первых в Оренбургской губернии на новый метод обучения перешли Каргалинские медресе⁴³⁷. К концу XIX в. общая численность шакирдов, обучающихся в этих медресе, возросла до 700⁴³⁸. С 1895 г. по инициативе и при материальной поддержке оренбургского купца Габдулгани Галиевича (Гани-бая) Хусаинова началась реформа религиозных учебных заведений, находящихся в ведении каргалинских мечетей⁴³⁹.

Наиболее популярным среди образовательных учреждений края были медресе Хайруллы Абдурахмановича Усманова при первой и второй соборных мечетях в Сеитовском посаде⁴⁴⁰. На четырех отделениях медресе обучалось по 50–55 шакирдов⁴⁴¹.

В период с 1897 по 1902 гг. Г. Хусаиновым было открыто около 100 новометодных учебных заведений, более 20 женских школ⁴⁴². К 1913 г. были реформированы четыре медресе – в первом, втором, пятом и девятом приходах Сеитовского посада⁴⁴³. Высокий уровень преподавания позволил тайному советнику А.С. Будиловичу в 1904 г., после посещения Сеитовского посада, назвать медресе одним из главных средоточий татарской учености в России. Однако существенные преобразования были заметны лишь в области начального образования. Остальные медресе вплоть до их закрытия (1910–1920) продолжали функционировать на старой, религиозно-схоластической основе⁴⁴⁴.

Особую популярность в дореволюционной мусульманской России имело медресе «Хусаиния». По первоначальному проекту специальное здание медресе должно было строиться в Сеитовском посаде – крупном,

⁴³⁵ Тузбекова Л. Медресе «Галия»... – С. 114.

⁴³⁶ ГАОО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 228. – Л. 14; – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 2.

⁴³⁷ Гани-бай. – Л. 217–218. – Оренбург, 1913.

⁴³⁸ Хайруллин Б.Х. Каргалинские медресе // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы конференции. – С. 126.

⁴³⁹ Гани-бай. – Л. 10. – Оренбург, 1913.

⁴⁴⁰ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 618. – Л. 271.

⁴⁴¹ ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 4. – Д. 412. – Л. 339–340; – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 618. – Л. 270–305

⁴⁴² Гани-бай. – Л. 36, 228. – Оренбург, 1913; ГАОО. – Ф. 11. – Оп. 2. – Д. 3366. – Л. 111.

⁴⁴³ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 618. – Л. 270–305.

⁴⁴⁴ Хайруллин Б.Х. Указ. соч. – С. 126.

развитом центре с населением более 10 тыс. человек. Однако противники новометодного движения с помощью доносов добились запрета на строительство нового медресе. Широкое распространение получило мнение, что медресе было основано в 1889–1890 учебном году⁴⁴⁵. Однако официальное открытие медресе состоялось в 1891 г. при 6-ой соборной мечети г. Оренбурга известными меценатами братьями Хусаиновыми⁴⁴⁶. Заведующий медресе Г. Давлетшин башкир из д. Имангул (Оренбургского уезда) был назначен муллой 6-ой мечети г. Оренбурга 31 декабря 1890 г.⁴⁴⁷ Классы медресе первоначально располагались в одноэтажных домах. Разрешение на строительство специального здания медресе было получено в 1892 г.⁴⁴⁸

До 1896 г. финансирование всех нужд медресе осуществлялось за счет общих капиталов братьев, а после раздела имущества – практически полностью А. Хусаиновым⁴⁴⁹.

1889–1906 гг. стали периодом формирования материально-технической базы медресе «Хусаиния». В 1905–1906 гг. было построено новое трехэтажное здание медресе с центральным отоплением и электрическим освещением, стоимостью 45 тыс. руб., рассчитанное на 500 шакирдов. Открытие нового здания медресе состоялось осенью 1906 г. В нем были размещены учебные классы, кабинеты, библиотека, больница, интернат и столовая⁴⁵⁰.

В комплекс зданий медресе также входили мечеть, дом имама, двухэтажный дом для учителей и служащих, общая сумма расходов на их возведение в совокупности с зданием медресе составила 100 000 руб.⁴⁵¹ Расходы медресе в 1903–1904 учебных годах составляло 9 169 руб.⁴⁵² В 1914 г. на приобретение приборов для физического и химического кабинетов было потрачено 1 691 руб.⁴⁵³ В 1915 г. на содержание медресе было израсходовано 24 000 рублей. В отчете за 1916 г. указывается, что на учебные принадлежности (кабинеты, учебники, книги) затрачено 3 962 рубля; на содержание медресе (мебель, посуда, белье, больничные принадлежности и т. п.) израсходовано 11 560 рублей в год.

В медресе взимали плату за обучение и проживание: в зависимости от состоятельности родителей она составляла от 10 до 100 руб.⁴⁵⁴ Неимущим воспитанникам школьная форма и прожиточный минимум на время каникул обеспечивались за счет средств медресе⁴⁵⁵. Нередки были случаи помощи бедным воспитанникам со стороны преподавателей в приобретении ученической формы, учебников и т. д. Часто педагоги ходатайствовали об

⁴⁴⁵ Утябай-Карими Р.А. Медресе «Хусаиния» // Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 392.

⁴⁴⁶ ГАОО. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 45–47.

⁴⁴⁷ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 86.

⁴⁴⁸ Шайдуллина Р.Р. Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX–начало XX вв.): Автореф. ... к. и. н. – Казань, 2010. – С. 21.

⁴⁴⁹ Из мусульманского мира // Казанский телеграф. – 2 ноября 1896.

⁴⁵⁰ Остроумов Н. Мусульманская высшая школа // Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – № 10. – С. 136.

⁴⁵¹ Шайдуллина Р.Р. Указ. соч. – С. 21; Шарипов А.А. Оренбургское медресе «Хусаиния» // Роль ... – С. 102.

⁴⁵² ГАОО. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1–28.

⁴⁵³ ГАОО. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 13.

⁴⁵⁴ Фархшатов М.Н. Народное образование ... – С. 89.

⁴⁵⁵ Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния». – С. 18.

освобождении от оплаты за обучение отличников, которых в то время называли первыми учениками⁴⁵⁶.

Медресе имело одну из лучших библиотек в России⁴⁵⁷. В 1918–1919 гг. в медресе были организованы хор и оркестр⁴⁵⁸. По уровню технического оснащения, постановки светского образования, «Хусаиния» не имела себе равных среди медресе России⁴⁵⁹. Этот процесс осуществлялся при определяющем участии экономического элемента, представленного капиталом национальной буржуазии.

К 1917–1918 учебному году оно было преобразовано в Учительский институт имени Хусаинова с 5-летним обучением. Данная учебная программа несла в себе особенности советского периода истории, с которым было связано ее появление. Впоследствии на этой базе были созданы четыре института – Казахский институт народного образования (КИНО), Башкирский институт народного образования (БИНО), Восточный институт народного образования (ВИНО), Татарский институт народного образования (ТИНО). Последний стал центром подготовки советской элиты, сохранив свой преподавательский состав до 1925 г.⁴⁶⁰

Постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. медресе «Хусаиния» было приравнено к педагогическому училищу, т.е. к среднему специальному учебному заведению, что означало официальное признание образовательного уровня и прав выпускников этих дореволюционных учебных заведений⁴⁶¹.

В г. Уфе первым новометодным учебным заведением стало медресе «Усмания». Оно было открыто в 1887 г. прибывшим в г. Уфу на службу в должности ахуна 1-ой Соборной мечети Хайруллой Усмановым*. Первоначально медресе находилось в здании на левом углу улиц Пушкина и Воровского (бывшей М. Ильинской). В 1892 учебном году медресе переехало в здание на современной улице Тукаева (бывшая Фроловская). Впоследствии, по существовавшей тогда традиции, оно было названо в честь основателя его именем.

Необходимо отметить, что изначально «Усмания» открывалось как традиционное медресе. В его стенах готовили будущих мулл. Шакирдов обучали канонам исламской религии, арабскому и фарси языкам. Однако на волне реформации в области мусульманского образования стали рассматриваться варианты перехода к новометодному обучению. В начале 1890-х годов один из преподавателей Кашафетдин Жданов был отправлен в

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ ГАОО. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 13 а. – Л. 19, 40–42, 70, 83.

⁴⁵⁸ Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния». – С. 24.

⁴⁵⁹ Набиев Р., Хабутдинов А. Медресе «Хусаиния» // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004. – С. 208–210; Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург, 1975. – С. 23; Хабутдинов А. Опыт подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты: джадидская система образования // Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты. – 2006. – N 2 (4).

⁴⁶⁰ Хабутдинов А.Ю. Медресе мусульман округа Оренбургского магометанского духовного собрания // PAX ISLAMICA. – № 1. – 2009. – С. 79.

⁴⁶¹ Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации... – С. 250.

* Усманов Х.Т. (1848–1907) – родился в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии в д. Ибрай в семье муллы. Закончил медресе в д. Мачкара Казанской губернии. 11 лет служил имамом в г. Стерлитамаке. 15 апреля 1888 г. был назначен ахуном первой соборной мечети. Разработал учебные пособия по исламу для шакирдов медресе.

Бахчисарай для изучения новых методов преподавания. После его возвращения в 1895 г. в медресе «Усмания» произошли преобразования. При строгой секретности была организована начальная школа на несколько детей, где были введены звуковой метод обучения чтению, классно-урочная система, расширена программа за счет введения светских предметов⁴⁶².

В январе 1897 г. при медресе открылся русский класс⁴⁶³. На его содержание земство выделяло 300 рублей ежегодно и 50 рублей единовременно «на обзаведение»⁴⁶⁴. Из них 180 руб. выделялось на оплату помещения с квартирой учителя, 60 руб. – на отопление, 60 руб. – на сторожа⁴⁶⁵.

С самого начала функционирования учебного заведения Х. Усманов вынашивал идею создания татарской учительской школы на базе своего медресе. В 1904 г. на месте действующего медресе Хайрулла Усманов начал строительство нового кирпичного здания (ныне ул. Тукаева, 39), которое было завершено к 1906/1907 учебному году⁴⁶⁶. С прошением о выделении денежных средств на строительство нового здания Х. Усманов обратился в Уфимское Губернское земство, которое выделило 3 тыс. руб. Одновременно шел сбор добровольных денежных средств с населения. Свои средства вложили муфтий Султанов и богатейший дворянин г. Уфы Салимгарей Джантюрин. В 1906 г. Уфимское губернское земство одобрило проект открытия частной учительской школы на базе «Усмании», но Министерство народного просвещения отклонило этот проект.

В 1907 г., после смерти Х. Усманова, во главе медресе стал имам-хатыб 1-й Соборной мечети Джигангир Абызгильдин. К этому времени медресе представляло собой солидное каменное здание в два этажа. Содержалось оно отчасти на средства Мусульманского Благотворительного общества, отчасти на деньги, собираемые от учеников, и на добровольные пожертвования. Плата за обучение составляла от 5 до 10 руб. в год. В 1909 г. его приход равнялся 2 646 руб. 54 коп. Жалованье учителям выдавалось из фонда медресе. В медресе решались вопросы по социальной поддержке нуждающихся: 50 беднейших учеников жили за счет попечительства о бедных мусульманах.

Занятия в медресе проводились в классах и кабинетах. Классы были укомплектованы партами, стульями, досками; во многих имелись наглядные пособия – географические и исторические карты, глобусы, картины и расписания уроков⁴⁶⁷. Одно из помещений было отведено под столярную мастерскую, в которой шакирды обучались столярному делу.

Сначала в медресе шакирды учились 11 лет. После внедрения Д. Абызгильдином программы медресе «Хусаиния» срок обучения в

⁴⁶² Абызгильдин Д. Воспоминания о медресе (1935 г.) (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 120; Фархшатов М.Н. Медресе «Гусмания» (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 116.

⁴⁶³ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1, 13.

⁴⁶⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 6.

⁴⁶⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 15–20.

⁴⁶⁶ Медресе «Гусмания» // Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 391.

⁴⁶⁷ Ахмерова Ф., Усманова Н. Хайрулла хазрат Усманов и его сыновья // Ватандаш. – 1999. – № 3. – С. 171.

«Усманий» стал 12-летним. Для занятий 12-го класса потребовался еще один кабинет⁴⁶⁸.

В эти годы продолжается работа по улучшению бытовой стороны жизни шакирдов. Приезжие шакирды за небольшую плату жили в общежитии при медресе. Для пансионеров имелись хорошо обставленные спальни, для которых было заказано около 150 железных кроватей⁴⁶⁹. В 1910 г. из 242 шакирдов около 200 жили в общежитии, т.е. были приезжими⁴⁷⁰. Имелась столовая, в которой за определенную плату отпускались обеды. Приемы пищи производились в строго определенное время⁴⁷¹.

Существует мнение, что с приходом нового руководителя популярность медресе заметно снизилась. Казалось бы, что количество учащихся действительно может служить иллюстрацией этого мнения. В 1907 г. в медресе училось 300 шакирдов⁴⁷². В 1910 г. в медресе осталось 242 ученика. Однако не следует забывать, что с одной стороны, медресе без поддержки меценатов переживало тяжелое финансовое положение. Лишь в 1915 г. «Усмания» обрела постоянные источники существования: лидеры уфимских либералов С. Назиров, С. Шамигулов, С. Джантюрин, К.-М. Алкин и др., отказавшиеся от материальной поддержки медресе «Галия», взяли «Усманию» под свою опеку. С другой стороны, в этот период в Уфе открылось еще два медресе: «Галия» и «Хакимия»⁴⁷³. В «Галию» перешли последователи Зии Камали, а в «Хакимию» настроенные на сохранение традиционного обучения мугаллимы и ученики Хакимова.

С этого времени уместно говорить о новом этапе в истории медресе. Джигангир Абызгильдин был известен своей умеренной реформаторской позицией и стремлением сохранить основы исламской догматики. Его авторитет заметно рос. В мае 1911 г. в Уфе на съезде в честь 25-летнего пребывания Мухаммедъяра Султанова на посту муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания, Абызгильдин выступил за направление садака на нужды образования. В 1912 г. он стал ахуном Уфы⁴⁷⁴. В марте 1917 г. Абызгильдин был избран заместителем казья ОМДС.

Вместе с тем рос и статус, руководимого им медресе. Осенью 1917 г. «Усмания» превратилось в главное медресе Диния Назараты – религиозного ведомства, сменившего ОМДС. В 1918 г. медресе было преобразовано в татарскую национальную гимназию, о которой мечтал Хайрулла Усманов⁴⁷⁵. Директором её был Закир Шакиров, будущий профессор БГУ, отец Первого секретаря ОК КПСС⁴⁷⁶. Сейчас здание медресе занимает школа № 14.

Таким образом, медресе «Усмания», возникнув как чисто религиозное учебное заведение, в результате деятельности Х. Усманова и при поддержке богатых меценатов г. Уфы стало активно реформироваться. Финансовая

⁴⁶⁸ Абызгильдин Д. Воспоминания о медресе (1935 г.) (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 120.

⁴⁶⁹ Абызгильдин Д. Указ. соч. – С. 120.

⁴⁷⁰ Фархшатов М.Н. Медресе «Гусмания» (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 117.

⁴⁷¹ Абызгильдин Д. Указ. соч. – С. 118–121.

⁴⁷² Там же. – С. 119.

⁴⁷³ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 4.

⁴⁷⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-295.

⁴⁷⁵ Валеева М.Г. Медресе «Гусмания» // Башкортостан: краткая энциклопедия. – С. 392.

⁴⁷⁶ Ураксин З.Г. З.Ш. Шакиров // Советская тюркология. – 1981. – № 6. – С. 98.

зависимость порождала несамостоятельность мударрисов в организации учебно-воспитательного процесса, была причиной незавершенного характера реформ. Ректор медресе Хайрулла Усманов, стоявший на позиции умеренного реформизма, не одобрял реформирования ислама и пропагандировал постепенную модернизацию мусульманских школ. Ситуация осложнялась борьбой между кадимистами и джадидистами, в которой до 1905 г. перевес сил был на стороне первых.

«Усмания» было первым и единственным крупным новометодным медресе. Здесь обучалась и работала вся передовая молодежь г. Уфы и соседних регионов. Революционные события 1905 г. и ключевое решение Всероссийского мусульманского съезда 1906 г., на котором было принято постановление о необходимости полного преобразования мусульманских школ на основе нового метода, изменили отношение общества к новометодным медресе⁴⁷⁷. Люди, не принимавшие реформы в образовании, начали менять свои взгляды. Те же, кто был на стороне реформаторов, еще более радикально стали искать новые пути в образовании мусульман России. Дух того времени требовал активных действий. Мусульманская общественность города Уфы разделилась на два лагеря. Наиболее радикально настроенная молодежь во главе с Зия Камали ушла из медресе⁴⁷⁸.

Зия Камали смог убедить влиятельных мусульман г. Уфы в необходимости создания духовного учебного заведения нового типа⁴⁷⁹. Он указывал на то, что в Египте медресе функционируют с большей пользой для населения⁴⁸⁰. Он многократно повторял: «Если мы опоздаем с этим, то со временем турецкие народы могут оказаться на обочине истории»⁴⁸¹.

Его идею о качественно новом воспитании национальной молодежи горячо поддержал Салимгарей Джантюрин*. Совместно со своей супругой Суфией (дочь знаменитых крупных помещиков Тевкелевых, которая отличалась прогрессивными взглядами) они начали распространять эту мысль в среде знатных мусульман своего круга. На одно из собраний, проходившее в доме Джантюриных, были приглашены дворяне, предприниматели и представители прогрессивной мусульманской общественности города: Х.М. Султанов, С. Назиров, Ф. Ягудин, С. Шамгулов.

Заинтересованность общественности в правильном религиозном воспитании подрастающего поколения, приобщении башкиро-татарской молодежи к светским наукам выразилась в активной общественной

⁴⁷⁷ Постановление III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде // Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России / Сост. А. Юнусова. – Уфа, 2009. – С. 12–13.

⁴⁷⁸ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 4.

⁴⁷⁹ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – 1913. – С. 436.

⁴⁸⁰ О личности З. Камали см.: Кулбахтина А.З. Зия Камали и основание медресе «Галия». // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 3. Материалы V Всероссийского съезда востоковедов, 26–27 сентября 2006 г. – Уфа, Вили Окслер, 2006. – С. 131–134; Она же. Зия Камали – основатель новометодного медресе «Галия» // Казанская наука. – Вып. IV. – Казань, 2009. – С. 79–85.

⁴⁸¹ Кудашева С.С. Великий просветитель Зия Камали // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию медресе «Галия», 31 октября 2006 г. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. – С. 118.

* Джантюрин Салимгарей Саидханович (1864–1926), потомок казахских ханов, крупный землевладелец. Депутат Государственной Думы первого созыва от Уфимской губернии. Мировой судья и Земский начальник Белебеевского уезда. Суфия и Салимгарей являются учредителями уфимского медресе «Галия».

деятельности вокруг строительства здания нового медресе и финансировании этого проекта. Мусульманская общественность края связывала большие надежды с будущим медресе. Но борьба реакционного магометанства против реформаторов значительно осложняла процесс открытия долгожданной школы.

Большие трудности ожидали основателей медресе уже на начальном этапе, при отводе земли под строительство здания⁴⁸². По замыслу учредителей, медресе «Галия» должно было находиться в самом лучшем месте Уфы. Местонахождение нового учебного заведения в центре города символизировало бы появление нового центра мусульманского мира России. Но из-за отсутствия средств на покупку здания, было принято решение о ходатайстве о бесплатном отводе земли под его строительство.

Город был готов уступить такое место, но оно оказалось, в пределе III прихода, и предназначалось для постройки женского медресе. «Близость мужской и женской школ, – убеждал имам-хатиб III соборной мечети Сабир-хазрет, – противоречит предписанию ислама о раздельном существовании мужчин и женщин»⁴⁸³. Дальнейший ход истории показал, что доводы Сабир-хазрета были неубедительны. Строительство женского медресе шло очень медленно, а место, которое предполагалось отвести под постройку здания медресе «Галия», еще долгое время служило свалкой строительного мусора. Это – один из ярких примеров противостояния кадимистов и джадидистов.

Благодаря энергичной деятельности Зии Камали и при финансовой поддержке меценатов в 1906 г. в г. Уфе начал свою работу медресе «Галия». По мусульманским канонам, заведующим медресе могло стать лишь духовное лицо при мечети. Поэтому Зия Камали сдал экзамены в Духовном собрании, по итогам которого получил звание имам-хатиба*. Также было получено официальное разрешение властей на деятельность нового высшего религиозного медресе, выданное попечителем Оренбургского учебного округа Н.А. Бобровниковым⁴⁸⁴.

Первоначально оно располагалось в полуподвальном помещении деревянного здания II соборной мечети, которое уступил имам-хатиб этой мечети Зариф Галикеев, предоставивший еще два здания маленьких медресе и выразивший желание работать вместе с З. Камали⁴⁸⁵.

В сентябре 1906 г. в газете «Мусульманский мир» появилось объявление о наборе 60-70 шакирдов на основе бесплатного обучения в высшее духовное медресе «Галия». Основной целью открытия медресе была подготовка мугаллимов и мударрисов⁴⁸⁶. В объявлении оглашалось время проведения вступительных экзаменов до 10 октября и условия поступления в медресе при успешной сдаче экзаменов по следующим предметам:

⁴⁸² Кулбахтина А.З. Зия Камали и основание медресе «Галия» // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 3. Материалы V Всероссийского съезда востоковедов. – Уфа: Вили Окслер, 2006. – С. 131–134.

⁴⁸³ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – СПб., 1913. – С. 439.

* Имам-хатиб – духовный руководитель, имеющий полномочия проповедника.

⁴⁸⁴ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 6.

⁴⁸⁵ Васильева О.В., Латыпова В.В. и др. Дорога к храму: история религиозных учреждений г. Уфы. – С. 85; Медресе-и-Алийе // Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – СПб., 1913. – С. 436.

⁴⁸⁶ Уфада медресе-и Галия диния. Мусульманский мир. – 7 сент. 1906 г. – №1-2. Цит. по: Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – СПб., 1913. – С. 436.

«Толкование Корана», «Хадис», «Религиозная философия», «История ислама», «Арабский язык», «Русский язык», «Мусульманское право» и др.)⁴⁸⁷. В объявлении также оговаривался список преподавателей медресе: Зия Камали, Лутфулла Байчурин, Хатмулла Фазылов, Зариф-хазрет Алкаев (Галикеев). Эти имена имели известность не только среди шакирдов и прихожан г. Уфы, но и далеко за пределами города, и могли служить рекламой новому учебному заведению.

Набор шакирдов в назначенное время был обеспечен. Занятия начались 10 октября 1906 г. По мусульманскому календарю это был 7-ой день священного месяца рамадан. При открытии медресе состоялось собрание, на котором было собрано 1 930 руб., это позволило назначить жалование четверем преподавателям в размере по 35 руб.

В целях популяризации учебного заведения в январе 1907 г., были устроены показательные экзамены шакирдов, на которые были приглашены влиятельные общественные лица города⁴⁸⁸. На этих экзаменах Мажит Гафури «поразил всех отличным знанием арабской литературы, сконфузив индийского миссионера Мингара лучшим знанием»⁴⁸⁹. Экзамены достигли своей цели. Уровень знаний, достигнутый в первый год обучения, убедил общественность города в необходимости поддержки медресе. В течение февраля 1907 г. прошло два собрания учредителей, на которых решался вопрос об оказании необходимой помощи медресе «Галия».

На последнем собрании было обещано выделить 25 700 руб. на нужды медресе. Суфия Джантюрина обещала внести 10 000 руб. на строительство здания и 1 000 руб. пожертвовала на текущие нужды медресе в первый год его работы; Садри-бай Назиров – 10 000 руб.; Кутлумухаммед Алкин – 2 000 руб. и 50 000 кирпичей на строительство нового здания медресе⁴⁹⁰.

Необходимо подчеркнуть самоотверженность основателей медресе и их непоколебимую веру в свое дело. На момент открытия учебного заведения у группы энтузиастов не было ничего, кроме «гнилого здания, преподавателей с новыми идеями» и «неясных неопределенных обещаний материальной помощи»⁴⁹¹.

Фундамент нового здания был торжественно заложен в 7 часов утра 7-го мая 1908 г.⁴⁹² Закладка первого камня стала ярким событием в жизни уфимцев. Национальная интеллигенция связывала больше надежды с медресе. «Новый храм науки» должен был готовить таких ученых, «которые спасут мусульманство и будут служить нации и государству»⁴⁹³. Строительство здания медресе было завершено 18 ноября 1907 г. Оно обошлось в 42 тыс. руб. из них 20 тыс. руб. было внесено Садретдином

⁴⁸⁷ Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» – высшее мусульманское учебное заведений Башкортостана (1906–1919 гг.). – Уфа, 2007. – С. 18.

⁴⁸⁸ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 353.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ Магдеев Д. Путь учителя // Вечерняя Уфа. – № 24, 2002. – С. 4

⁴⁹¹ Медресе-и-Алийе // Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – СПб., 1913. – С. 438.

⁴⁹² Магдеев Д. Путь учителя // Вечерняя Уфа. – 24 июля, 2002. – С. 4; Хусаинов Г. Зия Камали – философ // Ватандаш. – 1997. – № 7. – С. 103. Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» – высшее мусульманское учебное заведений Башкортостана (1906–1919 гг.). – Уфа, 2007. – С. 20.

⁴⁹³ Медресе-и-Алийе // Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – СПб., 1913. – С. 441.

Назировым, 18 тыс. руб. – Суфией Джантюриной; 2 тыс. руб. – К. Алкиным. Гультсум-бика отказалась внести обещанные 3 тыс. руб.⁴⁹⁴

Первый этаж здания занимали столовая, молельная комната (кухня, квартиры обслуживающего персонала, отопительная система), «комната сундуков» (камера хранения). На втором этаже располагались жилые комнаты шакирдов⁴⁹⁵. Спальные комнаты были оборудованы двухъярусными кроватями, приобретенными на деньги поэта золотопромышленника Закира Рамеева (Дардменд). На третьем этаже были 4 учебных класса, библиотека с читальным залом и кабинет администрации медресе, одну комнату занимала мечеть. Имелись хорошо оборудованные кабинеты физики и химии⁴⁹⁶. Существенным недостатком в планировке помещений являлось отсутствие актового зала, где проводились бы полюбившиеся всем литературные вечера и другие мероприятия. Актальный зал появился лишь к 10-летию медресе путем сноса нескольких стен кабинетов⁴⁹⁷.

До наших дней дошло описание здания и его бытовых условий. Здание было возведено «на тесном участке земли вне города, взятом в аренду у городской управы за 1 500 руб. во II Приходе, что мешало его материальному и нравственному росту»⁴⁹⁸. «Антигигиенические условия являются не столько результатом многочисленности, сколько результатом постройки здания на низком месте. Улицы, прилегающие к медресе, не вымощены и грязны, по ним временами невозможно проехать даже верхом. Тротуаров нет. У него нет места даже для склада дров. В школе нередки случаи смерти от чахотки»⁴⁹⁹. Перед нами типичная картина состояния коммуникаций провинциального города начала XX в. Медресе первоначально не было пригодным к эксплуатации. Въезд в новое здание был отложен по причине сырости, стоявшей в помещениях. Он состоялся лишь спустя три месяца после окончания строительства. С. Джантюрин регулярно лично топил печь для обогрева здания школы⁵⁰⁰. Переезд был осуществлен в 1909 г.

Пожертвования не прекращались и после завершения строительства здания. Марьям-бика Султанова (невестка муфтия Султанова) подарила 1 000 аршин сукна (900 аршин желтого сукна на одеяла и 100 аршин зеленого сукна); Хасан Каримов – скатерти. Богатые дары преподнесли Хакимовы: купец Габдуллатиф Хакимов – намазлыки (коврики для совершения намаза), его сыновья Нажиб – 41 керосиновую лампу, Сабирджан – 60 аршин клеенки и много письменных принадлежностей. В 1913 г. медресе посетил соученик Зия Камали по Каирскому университету философ, теолог, общественный деятель и публицист Муса Бигеев, который внес 200 руб. на проведение электрического освещения⁵⁰¹.

⁴⁹⁴ Магдеев Д. Медресе «Галия» (на баш. яз.) // Киске Уфа. – 29 января, 2002. – С. 3.

⁴⁹⁵ Узиков Ю.А. Исторические памятники Уфы. – Уфа: «Китап», 1999. – С. 274–275.

⁴⁹⁶ История Уфы.

⁴⁹⁷ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 377.

⁴⁹⁸ Медресе-и-Алийе // Мир ислама. – Т. II. – Вып. VII. – СПб., 1913. – С. 440–441.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Тузбекова Л.С. Указ. соч. – С. 20.

⁵⁰¹ Раев Р.А. Организационно-образовательная структура Российского исламского университета в современных условиях на основе традиций медресе «Галия-Диния» // Роль... – С. 53.

Многие авторы при освещении меценатской деятельности, зачастую ограничиваются лишь указанием крупных спонсоров. При этом вне их внимания остаются Х. Губайдуллин, Бадретдин Назиров, внесших по 100 руб.; Сабирьян Шамгулов, отдавший 500 руб. на возведение здания⁵⁰². Их вклад не столь значителен, но в условиях полного отсутствия государственного финансирования любая сумма оказывалась не лишней.

В течение девяти лет медресе функционировало благодаря продолжавшейся поддержке меценатов. В первый год работы расходы медресе составили около 1 тыс. руб., которые были покрыты за счет пожертвований. 1 200 руб. была внесена С. Назировым. Ежегодно выделяла средства Суфия Джантурина. С 1911 г. финансирование медресе взял на себя Г. Хакимов⁵⁰³. Расходы медресе превышали его доходы, хотя доходность медресе как учебного заведения весьма сомнительна.

В 1908 г. в Министерство внутренних дел поступил донос, подписанный 12 муллами⁵⁰⁴. Они сообщали о том, что в медресе «Галия» осуществляется подготовка революционно настроенных учителей⁵⁰⁵. В 1912 г. на имя муфтия Султанова был подан донос от 20 мулл на вредную деятельность медресе «Галия» и его руководителя Зия Камали⁵⁰⁶.

1915 год стал роковым в истории медресе. Под влиянием реакционных сил участились нападки на медресе и на Зию Камали. Стены «Галии» покинула часть учителей, обвинив ректора в безбожии. Отошли от финансирования медресе уфимские меценаты. Причинами этого явления была борьба кадимистов и джадидистов, в которой перевес сил находился на стороне первых. Среди приверженцев традиционного обучения были влиятельные люди города, чей авторитет распространялся и на членов попечительского совета. Один из «традиционалистов» Г. Хакимов сам являлся крупным меценатом и входил в попечительский совет. Кроме того, среди выпускников медресе «Галия» с каждым годом усиливалась тенденция отказа от получения духовных званий. Следует отметить, что такая ситуация была характерна для многих новометодных медресе. Так, журнал «Дин вэ магишат» сетовал на то, что «... из стен «Хусаинии» не выходит не только один мулла в один год, но даже один мулла в десять лет»⁵⁰⁷. Видимо, это настораживало попечительский совет, потому что медресе переставало соответствовать своему предназначению. Ислам же отводил большую роль в просвещении мусульман имамам, обладающим трибуной мечети и влиянием на прихожан. Также нельзя оставлять в стороне и усилия царских властей в лице жандармерии, под неусыпным контролем которой оказалось медресе и его ректор с 1909 г. Проблемы с властями отпугивали спонсоров⁵⁰⁸. Поводом для разрыва отношений попечительского совета с З. Камали стало

⁵⁰² Магадеев Д. Путь учителя // Вечерняя Уфа. – 24 июля, 2002. – С. 4.

⁵⁰³ Тузбекова Л.С. Меценаты ... – С. 152.

⁵⁰⁴ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 21; Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931. – С. 18–20; Национальные движения в период первой революции в России. (Сборник документов из архива бывшего Департамента полиции) / Сост. Кузнецов И.Д. – Чебоксары, 1936. – С. 245–251.

⁵⁰⁵ Национальные движения ... – С. 245.

⁵⁰⁶ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 7.

⁵⁰⁷ Дин вэ магишат. 1909. – № 8. – С. 59.

⁵⁰⁸ Тузбекова Л.С. Медресе «Галия»... – С. 24.

приглашение на работу в медресе в качестве преподавателя музыки профессора Варшавской консерватории В. Клеменца.

В 1915–1916 гг. предпринимались попытки физического покушения на жизнь ректора медресе Зия Камали⁵⁰⁹. В первый раз в него стреляли из пистолета с противоположной стороны улицы, во второй – пытались ударить ломом по голове, когда он ехал на извозчике⁵¹⁰.

Существование прогрессивных учебных заведений значительно осложнялось тем, что численность кадимистов в крае в начале XX в. в 6 раз превышала число джадидистов. В частности, финансирование медресе «Галия» в последние годы происходило лишь благодаря активной административной деятельности Зия Камали.

На примере формирования материальной базы медресе «Галия» и «Хусаиния» мы показали решающее участие экономического элемента, выраженного в широкомасштабной деятельности национальной буржуазии, в новометодной реформе.

Богатейшим медресе на территории края была «Расулия» при 5-ой соборной мечети г. Троицка Оренбургской губернии, основанное в 1884 г. шейхом Зайнуллой Расулевым на средства казахского бая Алтынсарина⁵¹¹.

«Расулия» с самого начала было крупнейшим в России центром ордена Накшбандийа, куда к шейху стекались десятки тысяч мюридов из регионов от Поволжья до Китая⁵¹². Особенно много было мусульман Оренбургской губернии, Уральской и Тургайской областей. Вначале «Расулия» была чисто конфессиональным учебным заведением, где в программе обучения преобладали традиционные богословские дисциплины, логика и калам. Но З. Расулев был противником схоластики, поэтому преподавание в медресе концентрировалось на изучении Корана и хадисов по богословским трудам Габденнасыра Курсави и Шигабутдина Марджани.

В 1893 г. в медресе «Расулия» был введен звуковой метод обучения. Эту дату ошибочно считают началом «джадидистского» периода в истории медресе. Но З. Расулев, склоняясь к идее реформирования в сфере мусульманского образования, не стал джадидистом⁵¹³. Также ошибочно трактуют и факт подписания в 1908 г. совместно с тремя другими улемами г. Троицка фетвы (решения по религиозно-правовому вопросу), в которой ими было поддержано включение светских предметов в программу конфессиональных школ при условии, что основой курса останется изучение религиозных дисциплин⁵¹⁴. Указанный факт используется как аргумент в пользу «джадидизма» З. Расулева.

Окончательно на джадидский лад медресе перестроил сын З. Расулева Габдрахман, которому Зайнулла-ишан передал руководство медресе. Габдрахман Расулев получил образование в медресе «Расулия», в 1899 г.

⁵⁰⁹ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 70.

⁵¹⁰ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 70 об.

⁵¹¹ Фархшатов М.Н. Народное образование ...

⁵¹² З. Валиди Тоган. Воспоминания. – Уфа, 1994. – С. 49–50.

⁵¹³ Ямаева Л.А. Башкирский шейх братства Накшбандия-Халидия // Зайнулла Расулев... – С. 381.

⁵¹⁴ Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев – последний великий шейх суфийского братства Накшбандийа // Ватандаш. – 1998. – № 9. – С. 133.

совершил хадж и стал шейхом ордена Накшбандийа, затем продолжил образование в каирском университете «аль-Азхар», где проявлял большой интерес к изучению новой методики преподавания, условий для занятий и организации быта шакирдов. В 1903 г. Габдрахман вернулся в Троицк, где в «Расулии» начал преподавание арабского языка и нового для того времени предмета «История Ислама». На родину он вернулся с мыслью о необходимости изменения программы обучения в медресе «Расулия».

Отец настороженно относился к планам сына, так как знал, что большинство мусульман настроено против образовательной реформы. Однако в 1903 г. З. Расулев в возрасте 70 лет отошел от управления в медресе и посвятил себя религиозной деятельности, предварительно передав руководство медресе в руки сына. С этого времени медресе стало новометодным, встав на рельсы модернизации учебного процесса в медресе⁵¹⁵.

В 1905 г. была проведена большая работа по улучшению материальной базы медресе. Вместо деревянного было выстроено новое трехэтажное здание, куплена школьная мебель: столы, стулья, шкафы, наглядные пособия⁵¹⁶. В учебные планы были введены светские предметы. Г. Расулев занимался не только модернизацией учебного процесса, но и быта шакирдов. В медресе находилась столовая со своим поваром, библиотека, во дворе – необходимые постройки.

В школе обучалось 240 шакирдов, большинство которых проживало в общежитии медресе⁵¹⁷. Рядом с новым зданием медресе было построено двухэтажное здание пансионата для шакирдов, где бесплатно жили сироты и дети из бедных семей. Одновременно в пансионате могло проживать около 100 детей. Воспитанники из состоятельных семей жили в домах, специально для них приобретенных их родителями, либо снимали комнаты у местного населения. Некоторые могли позволить пользоваться услугами прислуги.

Г. Расулев одним из первых в г. Троицке провел электричество в медресе. Из Германии был выписан генератор для выработки электричества. Пансионат, как и медресе, освещался электричеством, вырабатываемым генератором, который был установлен в медресе. В медресе, пансионате и в доме Г. Расулева был проведен телефон. Любопытно, что З. Расулев, придерживающийся современных взглядов, не дал согласия на проведение электричества и телефона у себя дома.

Нововведением в медресе было открытие типографии, в которой печаталась религиозная литература, художественные произведения, мусульманские календари и буквари для начальных школ на трех языках: башкирском, татарском и казахском⁵¹⁸. Здесь же издавалась первая и единственная тогда в России газета на казахском языке «Айкат» («Заря») ⁵¹⁹.

⁵¹⁵ Ямаева Л. Башкирский шейх братства Накшбандийа // Зайнулла Расулев ... – С. 382; Аллаяров И.А. Педагогические нововведения башкирского просветителя Зайнуллы Расулева // Зайнулла Расулев ... – С. 80–81; Насыров Р. Может он был пророком? // Истоки. – 16 апреля 2008. – № 16. – С. 5.

⁵¹⁶ Ямаева Л. А. Башкирский шейх братства Накшбандийа // З. Расулев... – С. 381.

⁵¹⁷ Ислам на территории бывшей РИ. Э.С. – Вып. 1. – Уфа, 1998. – С. 73.

⁵¹⁸ Насыров Р. Может он был пророком? // Истоки. – 16 апреля 2008. – № 16 (576) – С. 4.

⁵¹⁹ Аллаяров И.А. Педагогические нововведения башкирского просветителя Зайнуллы Расулева. // Зайнулла Расулев ... – С. 80–81.

Открытие типографии в медресе, которое возглавлял «политически неблагонадежный» З. Расулев, было непростым делом. Власти не давали разрешения З. Расулеву на это. Р. Насыров, посвятивший жизнь изучению биографии З. Расулева, считает это одной из причин, почему документально медресе было оформлено сначала на Галимзяна-хазрета, затем переписано в собственность на Габдрахмана Расулева. С большим трудом Габдрахман Расулев добился разрешения на открытие типографии⁵²⁰. После чего был приобретен печатный станок⁵²¹.

Неподалеку от пансионата в доме с 3-мя комнатами располагались мастерские, оборудованные различными станками. Рядом находилась баня, которую топили трижды в неделю. В 1904 г. рядом с медресе была открыта аптека⁵²².

Таким образом, качественно новое образование требовало и соответствующей материально-технической базы. Сама эпоха породила новые стандарты материального обеспечения мусульманских учебных заведений. Для них выстраивались благоустроенные здания, учебные помещения обставлялись мебелью, проводилась работа по улучшению бытовых условий шакирдов.

Проекты были очень затратными, на их реализацию требовалось привлечение крупного финансирования. Поэтому изначально школы не могли открываться в бедных деревнях. Так как под данную категорию попадала большая часть башкирских сел, то соответственно школы открывались в городах и богатых местностях. Только по мере подготовки профессиональных кадров, джадидистские школы стали распространяться и в сельской местности. В отличие от городских новометодных медресе, переход к новой системе в деревне происходил на имеющейся базе. Строительство новых джадидистских школ происходило лишь при участии богатых предпринимателей. Большую часть новометодных школ в сельской местности составляли начальные учебные заведения. Крупные же джадидистские центры находились в городах. В период между двумя революциями была проделана титаническая работа по переустройству «архаических» мусульманских школ в современные учебные заведения. Приведенные выше факты убедительно подтверждают, что меценаты играли важную роль в создании новометодных медресе. На их плечи ложилось финансирование строительства и дальнейшее содержание медресе. Во многих медресе была установлена фиксированная плата, составлявшая от 10 до 100 руб. Но даже она не могла покрыть всех расходов: отопление, электричество, заработная плата учителям и бесплатное содержание части шакирдов. Поэтому медресе, как правило, содержались на средства, выделяемые попечительскими советами. Однако, помимо того, что финансовая помощь часто была недостаточной, она порождала зависимость администрации медресе от волеизъявления меценатов.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Насыров Р. Может, он был пророком? // Истоки. – 16 апреля, 2008. – № 16. – С. 4.

⁵²² Алгар Х. Указ. соч. – С. 131; Рахманкулова С.Г. Г. Расулев – старший сын ишана. – С. 58–59.

Заинтересованные в создании профессиональных кадров для промышленности, торговли и просвещения, башкирские и татарские предприниматели стояли в авангарде движения за реформирование мусульманской школы. Занятия в исследованных школах стали проводиться в должных помещениях, оборудованных партами, школьными досками, кафедрами для мугаллимов, с использованием наглядных пособий (географических карт, плакатов), во многих медресе были предусмотрены специализированные кабинеты химии и физики. Материальная база отдельных новометодных школ, на основе которых были созданы национальные школы, закладывала устойчивый фундамент для дальнейшего полноценного функционирования данных школ.

4.2. Организация учебно-воспитательного процесса

В ходе джадидистской реформы мусульманские конфессиональные школы, утрачивая свой первоначальный характер, приобретали черты общеобразовательных учебных заведений⁵²³. Основным параметром для отнесения медресе к новометодному считалось содержание учебной программы, организация учебно-воспитательного процесса. Джадидисты не ограничивались более легким способом обучения грамоте, они ставили «своей задачей дальнейшее развитие мусульман»⁵²⁴. Образовательные программы в джадидистских медресе, основанные на новой методике обучения чтению, были обогащены включением широкого круга светских наук, обязательным целенаправленным изучением родного и русского языка⁵²⁵.

Самой первой учебной программой стала «Рэхбаре моголлимин», составленная в 1898 г. И. Гаспринским, в которой был дан тематический план уроков, основы преподавания по звуковому методу, поурочные планы дисциплин, примеры расписания уроков. Данная программа не нашла широкого применения в Урало-Поволжском регионе, но явилась теоретической основой для разработки новых. В 1899 г. в Казани была издана учебная программа «Ысули тэдрис», основанная на джадидистских принципах. В ней была разработана методика преподавания отдельных дисциплин в каждом классе, с учетом возрастных особенностей учащихся. В 1900 г. в Уфе состоялось первое собрание, посвященное проблемам мусульманской образовательной системы и введению единой учебной программы. В августе 1906 г. такое собрание состоялось в Казани. 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде состоялся III съезд российских мусульман⁵²⁶. На нем был принят проект реформы мусульманских религиозных школ. Основные предложения проекта сводились к введению

⁵²³ Из журнала особого совещания при Министерстве внутренних дел «по выработке мер противодействия татарско-мусульманскому влиянию в приволжском крае» о принципах постановки учебного дела местных нерусских народов // Фархшатов М.Н. Приложение. Свидетельствуют документы. – С. 228.

⁵²⁴ ГАОО РБ. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 618. – Л. 18 об.

⁵²⁵ Асадуллин Р.М., Аминов Т.М. Указ. соч. – С. 466.

⁵²⁶ Постановление III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде // Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России / Сост. А. Юнусова. – Уфа, 2009. – С. 12–20.

единой учебной программы, основанной на преподавании в начальных классах на родном языке, преподавании русского языка как дисциплины, внедрению светских дисциплин⁵²⁷.

Отсутствие единого координирующего центра приводило к многообразию учебных программ. До 1917 г. действовало свыше двух десятков опубликованных учебных программ, кроме того многие школы работали по своим индивидуальным программам. Поэтому говорить однозначно о степени реформации в мусульманских школах очень сложно. Школы имели различный уровень модернизации. Но существовала неукоснительная тенденция к переходу на новометодное образование, особенно усилившаяся во второе десятилетие XX в. Именно в этот период было открыто большое число новометодных школ. Существенным является тот факт, что они являлись школами начального звена, учреждаемыми в сельской местности. Ярким доказательством указанного явления служат документы жандармского управления, выявившие существование большого числа новометодных школ, открытых как новометодные, либо реформированных в таковые, после 1906 г.⁵²⁸ Состав преподавателей, уровень их образования, предметы учебной программы, а также учебники, изданные в основном в 1907–1912 гг. свидетельствуют о функционировании их на новометодной основе⁵²⁹.

Новые учебные программы становились основой для издания соответствующих учебных пособий. Резкое (двукратное) увеличение числа светских учебных пособий, и такое же стремительное падение числа религиозно-нравственной литературы с 1909 по 1910 гг. также позволяют констатировать победу новометодной школы во втором десятилетии XX в.⁵³⁰

Наиболее полно положения собраний преподавателей и постановление III съезда мусульман были практически реализованы в учебных программах ведущих религиозных учебных заведений – крупнейших джадидистских медресе. Что создавало предпосылки для становления национальной школы в лице новометодных медресе.

Помимо преобразований методов обучения и обновления программы преподавания джадидисты уделяли большое внимание упорядочиванию и организации учебного процесса мектебов и медресе. Вместо изучения отдельных книг были введены предметы, то есть происходил переход к классно-урочной системе. Были установлены вступительные, переводные и итоговые экзамены. Экзамены в новометодных школах носили публичный характер, на них приглашались родители и все интересующиеся⁵³¹. Устанавливался твердый учебный год. Осуществлялся переход от индивидуального обучения к групповому. Важным шагом в джадидской педагогике стала отмена прежних телесных наказаний.

⁵²⁷ Там же. – С. 13.

⁵²⁸ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 618. – ЛЛ. 349–358.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Мусульманская печать в 1910 г. – С. 80–81; Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение. – С. 106.

⁵³¹ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. Д. 2. – Л. 354; Валидов Дж. Указ. соч. – С. 49.

Коренные изменения претерпел и внешний вид шакирдов. Вместо длинных чапанов и больших чалмов шакирды стали носить укороченные казакины и каракулевую шапочку или тубетейку. Новый метод – это полное преобразование архаической мусульманской школы в школу европейскую⁵³².

Традиционно медресе предлагало вариант обучения, где обучаемый проходил 4 разряда: начальный «ибтидаия» (включает в себя 3 класса), средний «рушдия» (4 класса), подготовительный к высшему «игдадия» (4 класса) и высший «галия» (3 класса). Его также называли медресе полного цикла. Также был вариант, где учебный курс был разбит на три разряда: начальное «ибтидаия», среднее «рушдия», подготовительное к высшему «игдадия»⁵³³.

В «Хусаинии» срок обучения составлял 14 лет, то есть оно являлось медресе полного цикла. Кроме того существовали начальные русские классы, в которых преподавание велось на русском языке. И начальные разряды (ибтидаия), и начальные русские классы, имели отдельно специального заведующего.

Обучение проходило на родном языке. Учебный план был одинаковым для всех слушателей, так как не существовало разделения на факультеты. По окончании разряда «игдадия» шакирд получал свидетельство на право преподавания в средней школе⁵³⁴. Несмотря на то, что первичной целью учебного заведения являлась подготовка преподавателей для мектебов и медресе, выпускники также могли реализовывать полученные знания в сфере предпринимательства. В итоге из стен медресе выходили специалисты широкого профиля.

Учебная программа медресе менялась на протяжении всей его истории. Основной проблемой стала нерешенность вопроса о соотношении религиозного и светского составляющих в учебно-воспитательной деятельности.

Общий надзор за медресе осуществлялся Директором народных училищ Оренбургской губернии⁵³⁵. Внутреннее руководство медресе «Хусаиния» было представлено попечительским и педагогическим советами, пытавшимися выработать оптимальную модель учебной программы.

В медресе преподавались в джадидском варианте такие религиозные дисциплины как фикх (исламское право), ысул фикх, фараиз, тафсир, хадисоведение, сира, акиду, ахлак (этика), историю ислама, вааз ва хитбат (искусство проповеди)⁵³⁶. Одновременно преподавались и дисциплины естественнонаучного цикла: как физика, химия, геометрия и тригонометрия, психология, логика, элементарное право (немусульманское), гигиена и медицинские знания, политэкономия и торговое дело, бухгалтерия⁵³⁷. Усиленное обучение русскому языку служило поводом для

⁵³² Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – Вып. V. – 1913. – С. 287.

⁵³³ Любимов А. Мектебы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда. – С. 1; Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 2. – С. 85.

⁵³⁴ ГАОО. – Ф. 470. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 1.

⁵³⁵ ГАОО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 228. – Л. 5.

⁵³⁶ ГАОО. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 228. – Л. 10; – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 13а. – Л. 135.

⁵³⁷ ГАОО. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 25 а. – Л. 1; – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 13а. – Л. 101–105.

непрекращающихся нападков и доносов со стороны реакционной части духовенства. Здесь обучали игре на музыкальных инструментах, много внимания уделялось чтению художественной литературы⁵³⁸. Медресе прежде всего славилось своим гуманитарным циклом.

В 1906 г. произошло разделение на научное и религиозное отделения. В научном отделении, кроме одного часа на теологию, совсем не было религиозных предметов. По удельному весу естественных наук программа среднего разряда «Хусаиния» стояла ближе к программе реального училища, нежели гимназии. Например, в «Хусаинии» преподавалось химия, в то время как в гимназиях ее не вводили, вторым мероприятием, было введение усиленного изучения русского языка. А в религиозном отделении светские и естественные науки занимают 5/6 всего количества часов. Помимо основ магометанской религии, изучавшихся на татарском и арабском языках, в религиозном отделении медресе преподавались следующие светские предметы: татарский, русский, арабский, иранский, немецкий, французский языки, татарская, русская, арабская и иранская литература, российская история, татарская история (она изучалась без разрешения властей), философия, учение о нравственности, законоведение, педагогика, психология, логика, методика различных предметов, гигиена и медицинские знания, гимнастика, чистописание, черчение, рисование, торговое дело и политэкономия, труд и другие. На фоне развернувшегося национального движения тюркоязычных народов в начале XX в. все эти проблемы стали еще более очевидны. Воспитанники медресе, вдохновленные всеобщим подъемом национальной учащейся молодежи в годы первой русской революции, стали выдвигать свои требования и заявления, искать новые пути воздействия на руководство и педагогический состав медресе. Основное их недовольство было связано с сохранением консервативных явлений в учебном процессе, взглядах и методах, используемых преподавателями. Под давлением не прекращавшихся студенческих выступлений, религиозное отделение просуществовало всего один год.

Послереволюционные годы стали тяжелыми для руководства медресе. Требования воспитанников преобразовать учебно-воспитательную деятельность путем введения большего количества светских дисциплин, нестабильность педагогического состава, разногласия между директором и отдельными преподавателями, а также постоянный контроль официальных властей, который особенно ужесточился в годы послереволюционной реакции, подрывали деятельность медресе «Хусаиния».

Так и медресе «Хусаиния» продолжало сохранять в себе одновременно черты конфессиональных учебных заведений и устремления татарского общества к светскому образованию. Поэтому его правомерно считать учебным заведением переходного типа: оно стало основой для реформирования системы народного образования мусульман Российской империи, обеспечило становление качественно нового этапа в его развитии.

⁵³⁸ ГАОО. – Ф. 470. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 1.

В завещании А. Хусаинова было прописано важное условие, чтобы медресе «Хусаиния» не находилось в ведении Духовного собрания. Душеприказчики А. Хусаинова вошли с ходатайством в Государственную Думу и Министерство народного просвещения, чтобы медресе «Хусаиния» подобно частному университету А.Л. Шинявского (уставы этих учебных заведений были сходны) имело автономную самостоятельность⁵³⁹. Положительному решению вопроса содействовал депутат III и IV Государственных дум, член попечительского совета, преподаватель Г.Х. Еникеев⁵⁴⁰.

Весной 1916 г. был принят разработанный в 1915 г. проект устава медресе «Хусаиния». В нем начальный разряд «ибтидаи» отделился и стал обозначаться как начальная школа (т.е. мектеб) при медресе, в программе которой преобладали общеобразовательные, а не религиозные предметы. После этого другие разряды были объединены в Мусульманскую духовную семинарию «Медресе Хусаиния», а преподаваемые предметы перераспределялись по классам в соответствии с вводимой 9-летней системой обучения.

Особого внимания заслуживает преподавательский состав новометодных медресе. Список всех педагогов, работавших здесь, достигал 150 человек. Многие преподаватели являлись крупными учеными: энциклопедисты Хабибрахман Габдельвалиевич Забиров, Ризаэтдин Фахредтинов, Закир Халимович Кадыров и другие. Также здесь работали Я. Багиев, Г. Идрисов, И. Тагиров, Ш. Файрушин и Г. Шнаси.

Среди преподавателей татарского языка и литературы в разные годы были такие классики, как Джамал Валиди, Шариф Камал, Фатих Карими, Сагит Рамеев, и Габдрахман Сагди.

Медресе славилось авторами учебников по дисциплинам естественнонаучного и литературоведческого циклов. Здесь работал идеолог джадидизма, крупный общественный деятель в деле просвещения мусульман С. Бикбулатов. Он являлся автором ряда новометодных учебников⁵⁴¹. С. Бикбулатов был одним из известных педагогов, сумевшим внести свой достойный вклад в становление новой системы мусульманского образования, давший начало целому направлению в изучении арабского языка, и подготовивший плеяду профессиональных педагогов и историков. С. Бикбулатов написал и опубликовал 16 учебников, которые во многом способствовали распространению нового метода обучения.

Географию в медресе преподавали: Н. Агаев, Г. Джагофаров, Г. Джалилляр, Ф. Каримов, Х. Файзи и др. Исторические и социальные знания преподавали В. Батталов, Ш. Бурхан, М. Файзуллин, З. Юсупов. Татарскую историю, запрещенную к преподаванию властями, вели

⁵³⁹ Рахимкулова М.Ф. Указ. соч. – С. 11.

⁵⁴⁰ Кулбахтина А.З. Гайса Еникеев и медресе «Хусаиния» // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Сборник научных трудов. – Вып. X. – Уфа, 2007. – С. 161–164; Она же. Новометодные медресе как центры формирования национальных кадров (на примере медресе «Хусаиния», «Галия») // Экономическая история республики Башкортостан: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2007. – С. 107–112.

⁵⁴¹ Валеев Р. «По материалам... значитесь националистом» // Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 184–193.

И. Бикчентаев и Камал Саях. Кроме того, последний вел уроки чистописания, черчения и рисования. При его активном участии в медресе был открыт восточный музей. В начальных отделениях обучение детей по звуковому методу вел Я. Идрисов.

В разные годы существования медресе директорами были такие ученые как Г.Г. Давлетшин, Г.Х. Даминов, Р. Фахретдин, Т. Ильясов, Х.К. Бакиров. Для того, чтобы стать директором медресе, согласно требованиям основателя они сдавали экзамен на звание имама. Эту должность мог получить только человек, имеющий право на преподавание в высших классах. Заместителями директора по учебной и научной работе в разные годы были Х.К. Бакиров, С.Н. Бикбулатов, Г.С. Ибрагимов, В.А. Мухамадиев, Г.Ш. Рахманкулов, Ш.А. Утяганов, Г.М. Файрушин, Ш.М. Файрушин⁵⁴².

Наличие в учебной программе медресе большого количества гуманитарных и естественных наук предоставляло его ученикам хорошие возможности для продолжения образования в учебных заведениях Российской империи, странах мусульманского Востока и Западной Европы. Медресе внесло значительный вклад в дело воспитания ярких представителей не только башкирской и татарской, но и казахской национальной элиты, многие из которых добились значительных успехов в области науки, просвещения, политической и общественной жизни, культуры и сохранении национальных традиций. Таким образом, медресе «Хусаиния» в Оренбургской губернии являлось одним из крупнейших мусульманских образовательных центров Российской империи.

Не менее интересна и показательна история новометодного медресе «Усмания» в Уфимской губернии. Оно имело несколько этапов существования. Открывшись как духовное учебное заведение, оно занималось подготовкой священнослужителей. Такое положение сохранялось до 1895 г. В 1895 г. в итоге проведенной реформы в медресе «Усмания», наряду с подготовкой мулл, начинается подготовка учителей. Вводится новый метод обучения «усуль джадид». В январе 1897 г. при медресе открывается русский класс⁵⁴³. Здесь обучалось 35 учеников⁵⁴⁴. Его возглавил дворянин Салимгарей Давлеткильдеев (брат известного башкирского художника Касима Давлеткильдеева), по личному ходатайству муфтия Мухамедьяра Султанова⁵⁴⁵. Преподаватель получил образование в Казанской татарской учительской школе⁵⁴⁶.

Первоначально в новометодных медресе отсутствовали учебники и методические пособия, тем более их не было на родном языке. Учебники привозились из заграницы: Индии, Константинополя, Египта и др. Постепенно силами преподавателей стала формироваться своя джадидистская учебно-методическая база. Уровень мугаллимов был очень высок, они занимались научной деятельностью, сами писали учебники и

⁵⁴² Рахманкулова М.Ф. Преподавание естественных наук в татарских школах дореволюционной России. – Оренбург, 1995. – С. 47.

⁵⁴³ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1–13.

⁵⁴⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 30.

⁵⁴⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 2–2 об.

⁵⁴⁶ ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 21.

методические пособия. Так, в конце XIX в. в новометодных медресе появляются учебники по татарскому языку Х. Фаизханова (1886 г.), получившие широкое распространение в начале XX в. Заведующий медресе «Усмания» Хайрулла Усманов написал учебник «Сарфы лисани гараби» («Морфология и синтаксис арабского языка») на татарском языке, I и II части для шакирдов 5–7 классов. Этот учебник в дальнейшем выдержал еще много изданий⁵⁴⁷. Также в стенах медресе шакирды изучали самую первую азбуку (Алифба), написанную для детей башкир и татар, живущих в России. Ее автором был халфэ (учитель) этого медресе Кашафетдин Жданов, прошедший курс подготовки в Бахчисарайской школе⁵⁴⁸.

Реформированное медресе «Усмания» быстро превратилось в культурный центр г. Уфы. Здесь произошло рождение национального театра. Первое представление состоялось еще в январе 1901 г. Тогда шакирды без всякого разрешения поставили комедию «Рисалят» («Мессия») о порядках в старометодных медресе. После этого о сценическом опыте пришлось забыть на несколько лет, до первой русской революции. Нашлись желающие испытать себя на литературном поприще. Пробовать перо можно было в разных жанрах – в медресе издавались литературно-политический и сатирический журналы. Зия Уммати выпускал журнал «Иттихад» («Единство»), а Мубаракьян Амиров и Хабибрахман Кадыров – сатирический журнал «Семеткес».

С 1907 г. начинается новый этап в истории медресе. Его возглавил мударрис Джигангир Абызгильдин, который ввел здесь программу своего родного медресе «Хусаиния». Учебный год стал длиться с октября по май, в следующие классы шакирды переводились по итогам экзаменов. Была обновлена школьная программа, в учебном плане увеличилось количество светских предметов. Преподавались география, естествознание, история, физика, татарский язык. Три часа в неделю отводилось арифметике, два часа – русскому языку (в послеобеденное время для сдачи экзамена на муллу). В 1910 г. здесь работало 10 мугаллимов⁵⁴⁹. Преобразования, коснувшиеся в основном старших классов, вызвали недовольствие преподавателей-традиционалистов. Однако несмотря на происходившие преобразования реформирование медресе носило умеренный характер. Многие начинания Абызгильдина упирались в отсутствие средств. В 1915 г. после конфликта З. Камали с попечительским советом медресе «Галия» «Усмания» впервые получила устойчивое финансирование⁵⁵⁰. Сюда перешел заместитель директора «Галии» Габдулла Шнаси, получивший образование в «аль-Азхаре»⁵⁵¹. В 1915 г. здесь преподавал Ахмет-Заки Валиди – впоследствии величайший ученый-тюрколог. Он вел историю литературы тюркских

⁵⁴⁷ Хабутдинова М. Ахун Хайрулла Усманов и джадидизм // Медина-аль-ислам. – 11 января 2006. – С. 4.

⁵⁴⁸ Фархшатов М.Н. Медресе «Гусмания». (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 116.

⁵⁴⁹ Там же. – С. 117.

⁵⁵⁰ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1.

⁵⁵¹ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1.

народов и курс истории тюрков, по написанному им самим учебнику⁵⁵². В отличие от «Галии» «Усмания» продолжила традицию подготовки имамов.

В 1912 г. представитель Оренбургского Духовного Собрания Хасан-Гата Мухамедов, имам 1-й мечети г. Уфы и заведующий медресе «Усмания» Джигангир Абызгильдин, имам 2-й мечети г. Уфы и заведующий медресе «Галия» Зия Камалетдинов, имам 3-й мечети г. Уфы и заведующий медресе «Хакимия» Гади Фахретидинов, вероучитель реального училища и классической гимназии г. Уфы Хабибулла Ахтямов, мугаллимы Халиулла Мухаметшин и Яхия Нурмухамедов выработали список учебных книг для мусульманских начальных школ⁵⁵³. В него входили «Разрезная азбука» Г. Максурова (Казань, 1910 г.), «Чистописание» М. Идрисова, «Чтение и письмо» Джагфара (Оренбург, 1910 г.). Наряду с учебниками по вероучению «Гибадат исмаилла» Г. Максудова, «Сокращенной историей ислама» К. Фатихова и «Уроками нравоучения» Забирова, были книги для чтения на родном языке: «Наша школа» Н. Думави и «Тюркское чтение» М. Марджани⁵⁵⁴. Указанный список являлся рекомендательным для обучения по новому методу в начальной школе.

Осенью 1917 г. медресе под руководством мударриса Джигангира Абызгильдина фактически превратилось в основное медресе Диния Назараты, где наряду с ним к преподаванию приступил целый ряд улемов, включая муфтия Галиджана Баруди, председателя Всероссийского Союза Духовенства Хасан-Гату Габяши, казья Габдуллу Сулеймани, ректора «Галии» Зию Камали, улемов Габдуллу Шнаси, Мухаммад-Наджиба Тютяри, Закира Кадыри, Мубаракшу Ханафи. В 1923 г. они составили основу совета улемов. Это указывает на высокий уровень квалификации преподавателей медресе «Усмания». История медресе завершилась в начале 1918 г., когда оно было преобразовано в татарскую гимназию⁵⁵⁵.

Новым учебным заведением, отличающимся от ранее существовавших, стало медресе «Галия». Руководство медресе отошло от традиционной системы и в учебное заведение принимались лица, окончившие два первых разряда для продолжения обучения в двух оставшихся. Срок обучения, таким образом, составлял 6 лет вместо 14 общепринятых⁵⁵⁶. Медресе получило свое имя по названию высшего разряда, что, в свою очередь, также противоречило устоявшимся канонам: медресе у татар получало название по имени прихода, мударриса-ректора или попечителя, содержащего медресе. Поступающие в медресе должны были сдать вступительные экзамены по основам ислама, арабскому языку, географии, естествознанию и арифметике⁵⁵⁷. Что составляло базовые знания после окончания начальной школы – мектеба.

⁵⁵² Юлдашбаев А.М. Валидов // Башкирская энциклопедия. – Т. 2. – С. 14; Ахмерова, Усманова. Хайрулла хазрет. // Ватандаш. – 1998. – № 3. – С. 171; Салихов А.Г. Научная деятельность Валидова в России. – Уфа, 2001.

⁵⁵³ Сулейманова Л.Ш. Указ. соч. – С. 78.

⁵⁵⁴ Список учебных книг по мусульманскому вероучению, как подсобное орудие при прохождении вероучения для мусульманских начальных школ. – Уфа, 1912.

⁵⁵⁵ Хабутдинова М. Медресе «Усмания» // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004. – С. 207–208.

⁵⁵⁶ Муслимов А.М. К 100-летию медресе «Галия-Диния» в Уфе // Медина-аль-ислам. – окт. 2006. – № 22. – С. 14.

⁵⁵⁷ Раев Р.А. Организационно-образовательная структура Российского Исламского Института в современных условиях на основе традиций медресе «Галия» // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы

Для не имеющих соответствующей подготовки при медресе были организованы подготовительные курсы. На них преподавались «Арабский язык», «История» (светская), «История ислама», «Мусульманское право», «География», «Религиозная философия», «Толкование Корана» и др.

Поступающие должны были иметь справку о состоянии здоровья, об отсутствии инфекционных заболеваний. Возраст шакирдов колебался от 15 до 45 лет, были даже 60-летние студенты⁵⁵⁸.

Анализ учебной программы первых лет его существования позволяет сделать вывод о преимущественно религиозном характере обучения в медресе. Нестабильное материальное обеспечение нового медресе отрицательно отразилось на учебном процессе. Основатели медресе долго не могли привлечь преподавателей светских предметов. В медресе «Галия» преподавались предметы по богословию «Толкование Корана», «Изречение Мухаммеда», «Догматическое богословие мусульманской религии» и «Философия ислама».

Преподавание русского языка было введено лишь спустя несколько лет после начала работы «Галии»⁵⁵⁹. В медресе был установлен строгий распорядок дня и расписание занятий. Было увеличено число учебных дней в неделю по сравнению со старометодными школами.

Медресе «Галия» не имело устава, о чем Оренбургским Духовным Магометанским собранием было отправлено уведомление в Уфимское губернское присутствие в ответ на приказ Гражданского Губернатора⁵⁶⁰. «На отношение от 11 ноября 1915 г. за № 9154 Духовное собрание уведомляет, что медресе «Галия» существует с 1906 г., относится к разряду духовных конфессиональных училищ высшего типа, образование получают ... кандидаты на духовные должности. Университетского устава училище не имеет»⁵⁶¹. Подобная практика сохранилась со времен функционирования конфессиональных школ старого типа, которые открывались по частной инициативе, не были ни перед кем ответственны.

В ряде джадидистских учебных центров существовала ситуация неудовлетворенности программой обучения, вызывавшая волну возмущений среди учащихся медресе. Так, в 1907 г. в «Расулии» появляется организация, идейно примыкающая к социал-демократам. Во главе ее стояли Ю. Шаркый и Исмагил Юнусов⁵⁶². Они пропагандировали необходимость перехода на светское обучение, требовали введения в учебную программу математики, физики, географии и других предметов. Результатом их деятельности стал бунт шакирдов, выставивших из класса религиозных учителей. Итогом стало исключение 12 шакирдов из медресе⁵⁶³. Исключенные шакирды поступали в другие медресе.

межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию медресе «Галия». – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. – С. 53.

⁵⁵⁸ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 104–108; – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 521. – Л. 1–15 об.

⁵⁵⁹ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – СПб., 1913. – Вып. V. – С. 676–677.

⁵⁶⁰ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 58.

⁵⁶¹ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 59.

⁵⁶² ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 353.

⁵⁶³ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 353.

В 1913 г. на страницах прессы появлялись тексты прошений шакирдов⁵⁶⁴. Их анализ приводит нас к следующим выводам: требования шакирдов сводились к широкому внедрению светских предметов и введению русского языка в учебную программу, поэтому они имели прогрессивный характер. Сама возможность подобных «беспорядков» позитивно характеризует мусульманское студенчество начала XX в. Национальная молодежь осознавала, что бурное политическое и экономическое развитие страны требует просвещения среди этнических меньшинств. В постановке такой задачи большая заслуга принадлежит новометодному движению и джадидистским медресе.

Преподавание в медресе «Галия» велось на татарском языке. Постепенно в учебной программе расширяется перечень светских предметов, вводятся новые дисциплины. В 1912 г. впервые в медресе «Галия» в качестве учебного предмета вводится татарский язык⁵⁶⁵.

Уже в 1914 г. в медресе «Галия» религиозным предметам отводилось всего 35,6 % времени, арабскому языку – 17,4 %, тюркскому – 4,9 %, русскому – 14,1 %, светским наукам – 28,8 %, другим предметам – 2,5% времени⁵⁶⁶.

Учебный план 1917 г. дает представление о предметах, изучаемых в медресе «Галия».

По богословию: толкование Корана, изречения Мухаммада, догматическое богословие мусульманской религии и его философия, гражданские законы ислама, биография Мухаммада, история ислама и история религии. По философии: этика, психология, логика и философия. По педагогике: история педагогики, общая педагогика, дидактика, методика. По математике: арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия, астрономия. По естественным предметам: физика, химия, анатомия, физиология, гигиена, естествоведение (ботаника, геология, минералогия). По общеобразовательным предметам: география, экономика, всеобщая история народов и культуры, тюрко-татарская история, турецкая история⁵⁶⁷. По филологии: словесность татарского языка, словесность арабского языка, словесность турецкого языка, словесность русского языка⁵⁶⁸.

Общеобразовательные предметы изучались по следующей программе.

Математика: в первом подготовительном классе – 4 действия над целыми числами и дроби, во втором – отношение пропорции и далее до конца арифметики; в третьем – повторение пройденного, причем главное внимание обращалось на теорию арифметики. В первом основном классе – алгебра до квадратных уравнений, во втором – до прогрессии, в третьем – остальной курс. Алгебра изучалась по учебнику Салиха Заки.

Геометрия: в первом подготовительном классе – краткий курс геометрии Давидова в переводе на тюркский язык (Салиха Заки), во втором –

⁵⁶⁴ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – СПб., 1913. – Вып. V. – С. 676–677.

⁵⁶⁵ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 328.

⁵⁶⁶ Российский исламский университет. – С. 27.

⁵⁶⁷ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 328.

⁵⁶⁸ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 40, 41.

планиметрия, в третьем – стереометрия. В первом основном – тригонометрия. Учебниками служат задачки Валишева и Хабирова в 3-х частях.

При изучении русского языка преследовалась цель научить говорить по-русски. В первых классах читали и объясняли книги для чтения Михеева и проходили по его руководству русскую грамматику. В старших классах на русском языке предполагалось проходить русскую историю по учебнику Острогорского и законоведение по учебнику Соловьева.

История: в первом подготовительном изучается тюркская история по учебнику Ахмет-Заки Валидова, во втором – древние века по учебнику Мурад-бея, в третьем – русская история.

География: в первом подготовительном изучается по учебнику Иванова, ч. 2 (общие сведения), во втором – география России по учебнику Пуциковича, в третьем – Европа по учебнику Иванова (ч. 3). Информация из данных учебников обрабатывалась учителем, адаптировалась, переводилась им на татарский язык и объяснялась ученикам. Пособием же для учеников служили книги Харриса Файзуллина.

Курс естествознания состоял из зоологии, которую проходили в первом основном, и ботаники, изучаемой в третьем классах, по учебникам Раман-бея.

Гигиена преподавалась по учебнику Басим Умараку Шауки в первом и в третьем классах.

Химия изучалась в первом основном классе по учебнику Ибрагимова-Шнаси.

Педагогику в первом основном изучали общую часть, о воспитании; во втором и третьем – дидактика⁵⁶⁹.

В первый год создания в медресе «Галия» работало четыре преподавателя⁵⁷⁰. За все время преподавания в медресе «Галия» проработало около 20 мугаллимов. «Основы религии» преподавал Эммин Хасафый, Ходжатулхаким Махмудов; «Арабский язык» – Х. Фазылов, З. Кадыри, Т. Багуди; «Хадисы» – С. Джиганша; «Русский язык» – Д. Абдюшев, Г. Янборисов, Х. Гисматуллин, Х. Байтеряков; «Татарский язык» и «Литературу» – Г. Ибрагимов, «Историю тюркских народов» – А.-З. Валиди, «Математику» – Х. Гисматуллин, Г. Терегулов; «Французский язык», «Химию», «Физику», «Педагогику» – Г. Шнаси; «Логику» – М. Саттаев; «Музыку» – В. Клеменц⁵⁷¹.

С 1912 г. преподавателем биологии и географии был приглашен Х. Зайни. Дополнительно он преподавал татарский язык и историю. По просьбе шакирдов бесплатно вел уроки физкультуры⁵⁷².

Нововведением в медресе стало проведение культурных вечеров, на которые приглашались все желающие. Шакирды ставили спектакли,

⁵⁶⁹ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 40, 41; Российский исламский университет. – С. 27.

⁵⁷⁰ Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – 1913. – Вып. V. – С. 676 – 677.

⁵⁷¹ Утябай-Карими Р. Медресе «Галия» (на баш. яз.) // Ватандаш – 1996. – № 2. – С. 189–198.

⁵⁷² ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 181.

музыкальные и танцевальные представления. В основной своей массе концерты были платными, шакирды ходили по домам состоятельных людей и предлагали покупать билеты⁵⁷³. Фиксированной цены на билеты не было, она определялась самим покупателем. Вырученные суммы шли на нужды медресе⁵⁷⁴. Одним из активных участников таких вечеров был будущий актер Башкирского драматического театра, народный артист РСФСР Амин Зубаиров. Организация самодеятельного кружка «Национальной культуры и искусства» стала примечательным явлением в культурной жизни г. Уфы того периода. Эта организация впервые в Уфе поставила пьесу «Ревнивый муж» в пользу бедных учащихся, которые «вынужденно бросили учебу в медресах»⁵⁷⁵.

Приглашение в 1916 г. в медресе «Галия» профессионального преподавателя музыки, бывшего профессора Варшавской консерватории Вильгельма Клеменца, знаменовало собой зарождение среди башкир таких видов музыкального искусства как хоровое пение и оркестровое исполнение. Несмотря на тяжелые времена, наступившие с приходом революционного 1917 г., концерты хора и оркестра под управлением В. Клеменца имели широкий общественный резонанс⁵⁷⁶. Основу концертных программ составляли башкирские песни и наигрыши. Все это способствовало духовному и культурному развитию шакирдов.

Медресе «Галия» функционировало в условиях борьбы с реакционным правительством, поддерживающим клерикальное духовенство. Борьба шла в нескольких направлениях. На страницах мусульманской печати в течение всех лет существования медресе «Галия» проводилась активная политика дискредитации медресе и его руководителя. На службах в мечетях муллы проклинали имя Зии Камали, осуждали шакирдов, обучающихся в медресе.

С самого начала функционирования медресе ректор и его деятельность стали объектом пристального внимания Уфимского губернского жандармского управления. В своем донесении о результатах расследования по поводу деятельности ректора медресе «Галия» начальник Уфимского губернского жандармского управления вынужден был признать, что «... учитель Камалетдинов читал лекции исключительно на научные темы, призывая своих слушателей к умственному труду и саморазвитию»⁵⁷⁷. В 1915 г. Камали потерял поддержку попечительского совета медресе, который обвинил его в превращении медресе в учительскую школу.

В 1915 г. вместо сторонника совета Габдуллы Шнаси завучем медресе стал Галимджан Ибрагимов. В этот период он начал активно заниматься пропагандой идей самостоятельности каждого из тюркских народов России. Он сумел сплотить вокруг себя группу молодых педагогов и учащихся,

⁵⁷³ Кудашев С. По следам юности. – С. 68.

⁵⁷⁴ Кудашева С.С. Великий просветитель Зия Камали // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию медресе «Галия». – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. – С. 117–122.

⁵⁷⁵ ЦГАОО РБ. – Ф. 8908. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 132 об.

⁵⁷⁶ Юмагузин В. Мансур султанов – первый профессиональный музыкант из башкир // Ватандаш. – 1996. – № 2. – С. 169.

⁵⁷⁷ Национальные движения в период первой российской революции. Сб-к док-ов. / Сост. Кузнецов И.А. – С. 264.

которые впоследствии составили костяк уфимской организации левых эсеров⁵⁷⁸.

Зия Камали был не только основателем и бессменным руководителем медресе «Галия», но крупным ученым и философом. В медресе он преподавал тафсир (толкование «Корана») и психологию. В качестве вольнослушателя его лекции посещал и Галимжан Ибрагимов⁵⁷⁹. Основными трудами Зии Камали были «Философия ислама» в 4-х томах (1909 г.), «Религиозные устройства» (1913 г.)⁵⁸⁰. К сожалению, не были опубликованы и со временем были утеряны перевод «Корана» на татарский язык и третий том «Философии ислама», касающиеся вопросов мусульманской юриспруденции⁵⁸¹.

В медресе была своя библиотека, при которой работал литературный кружок. Этот кружок постоянно выпускал рукописные журналы «Борау», «Садак»⁵⁸². С 1913 г. дважды в месяц стал выходить научно-литературный журнал «Парлак» под редакцией Шайхзады Бабиша. Казахские шакирды издавали журналы – «Садак» и «Шымытыр», черкесские – «Лэгу».

Таким образом, медресе взяло на себя функции не только духовного образовательного учебного учреждения, оно сумело развить глубокие культурные и политические традиции. В лице «Галии» и Зия Камали возникла школа для средних и низших слоев буржуазии, отличная от общетюркской школы⁵⁸³. Медресе «Галия» выпустило плеяду ярчайших представителей искусства, литературы и поэзии, крупных государственных и общественных деятелей. Кроме того, оно готовило высокообразованных учителей для сельских медресе и мектебов. Лишь немногие из выпускников медресе попытались сдать экзамен при ОМДС на должность указного муллы⁵⁸⁴. Всестороннее образование, полученное в стенах медресе, предопределяло дальнейшую судьбу его выпускников. Их вклад в развитие народного просвещения трудно переоценить.

Перемены были заметны и учебной программе медресе «Расулия», которое в начале XX в. превратилось в популярное полусветское учебное заведение с 11-летним курсом обучения. 4 года шакирды учились в мектебах и 7 лет – в медресе⁵⁸⁵. Занятия начинались с 1-го октября. Для того, чтобы поступить в медресе «Расулия» нужно было предоставить медицинское свидетельство о состоянии здоровья и заплатить 8 рублей, а также ученик, поступающий в какой-либо класс, обязан был сдать экзамен по предметам предыдущего класса.

Учащиеся в медресе «Расулия» изучали такие предметы как, «Закон Божий», «Татарский язык», «Всеобщая история», «История Ислама»,

⁵⁷⁸ Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. – С. 159.

⁵⁷⁹ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 181.

⁵⁸⁰ ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 13.

⁵⁸¹ Хусаинов Г. Зия Камали – философ // Ватандаш. – 1997. – № 7. – С. 101–103.

⁵⁸² Магадеев Д. Медресе «Галия» // Башкортостан. – 29, 30, 31 января 2002. – №№ 20–21. – С. 3.

⁵⁸³ Хабутдинов А.Ю. Медресе мусульман округа Оренбургского магометанского духовного собрания // PAX ISLAMICA. – № 1. – 2009. – С. 79.

⁵⁸⁴ Утябай-Карими Р. Медресе «Галия» (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1996. – № 2. – С. 189–198.

⁵⁸⁵ Валишина А.Н. Мусульманские школы Оренбургской губернии во второй половине XIX–XX вв.: Дисс. ... к. и. н. – Уфа, 2010. – Приложение. – С. 185–190.

«Геометрия», «Физика», «Химия», «Арифметика», «Алгебра», «Педагогика», «Русский язык», «История России», «Татарская история», «Естественная история», «Арабский язык» – все эти предметы преподавались исключительно на татарском языке.

Совет медресе выработал свою программу обучения. В первом отделении мектеба преподавались следующие дисциплины: Татарский алфавит, диктовка, чтение по-татарски, вероучение, и арифметика. Во втором отделении к этим дисциплинам добавлялись: чтение Корана, выучивание наизусть Корана, Основы положения религии. В третьем – приступали еще и к правописанию, чистописанию. В четвертом – изучали уже и грамматику, тюркский язык, географию и Священную историю.

А в медресе «Расулия», происходило обучение в 7 классах. В 1 классе изучали: чтение Корана, грамматику арабского языка, чтение арабского языка, татарский язык, вероучение, арифметику, географию, историю Ислама, грамматику татарского языка, Отечественную историю и русский язык.

Во 2 классе к этим дисциплинам добавлялись: синтаксис татарского и арабского языка, и естествознание.

В 3 классе приступали к изучению гигиены, педагогики, геометрии.

С 4 класса проходили уже и толкование Ислама, изучение пророка, и начиналась физика и химия, а также теология.

С 5 класса добавлялись: логика, Всеобщая история и зоология.

В 6-7 классах изучали еще и Основы религии, педагогику, алгебру и этику.

Преподавательский коллектив медресе «Расулия» состоял из следующих лиц: Абдрахман Расулев, обучавший в медресе толкование Корана, Изречение пророка и новы Шариата; Мухзин Мухамадий Мутагаров, обучавший в медресе Корану; Салахитдин Абдулгазизов преподавал Изречения пророка, Историю Ислама и законы религии; Рахим Жан Однобаев преподавал в медресе Всеобщую историю, арабский язык, татарский язык, естествознание, историю, химию, физику и татарскую историю; Харрис Курбангалиев преподавал географию, геометрию, арифметику, татарский язык, естественную историю, историю России; Мухаммед Кинжин преподавал арабский язык; Гариф Валеев обучал Корану, вероучению, арифметике, географии, Священной истории и татарскому языку; Гизатулла Назиров преподавал Коран, вероучение, арифметику и татарский язык; Юнус Юсупов обучал вероучению, арифметике и татарскому языку; Шаруфутдин преподавал русский язык; Хасан Терегулов также преподавал русский язык⁵⁸⁶.

Нужно отметить, что медресе «Расулия» имело богатую библиотеку с художественной, философской, педагогической литературой, учебной и периодической изданиями на многих языках: русском, татарском, арабском, турецком, персидском и др.

⁵⁸⁶ ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 4. – Д. 412. – Л. 334 об.–335.

Предлагаем рассмотреть учебный процесс медресе «Саидулия» дер. Муллакаево⁵⁸⁷. В учебную программу были введены светские предметы. Теоретический курс дополнялся практическими занятиями. В медресе одновременно учились 400 учеников. Имелось общежитие.

Шакирды обучались различным ремеслам. Их обучали строительству мечетей и домов. Так как мечеть дозволялось строить лишь лицам, получившим соответствующее образование. Также они постигали секреты создания красок. Давались определенные знания по народной медицине: выпускники могли врачевать, делать лекарства из целебных трав.

Абдулла ишан имел обширные познания в геологии. Он находил залежи золота, ориентируясь на произрастание трав. Свои секреты он передал и миллионерам Рамиевым, которые в знак благодарности подарили одну из находок медресе. В медресе имелись золотые подсвечники, золотом были отделаны и потолки. Медресе подготовило большое количество рудознатцев. Одним из них был Абубакир Худайбердин, нашедший в 1913 г. в Сибее залежи медной руды.

Основы поэзии преподавал М. Акмулла. Сам ишан Абдулла также написал в этот период много стихов. Проводились творческие вечера. Знаменитые поэты Закир Рамеев (Дердменд), Шафик и Факарис Тамьяни, сесены Габит и Хамит получили образование в данном медресе.

Медресе также готовило и административных чиновников (казыев, писарей). Оно и понятно, ведь для получения звания указного муллы было необходимо сдать экзамен на знание русского языка. После чего муллы могли заниматься текущим делопроизводством.

В новометодных медресе большое внимание уделялось спортивным занятиям: проводились соревнования, спортивные игры. Впервые уроки физической культуры были введены в медресе «Галия». Они были основаны на учебных пособиях «Краткий курс гимнастики», «Методическое пособие для уроков гимнастики», «Игры», «Антропометрия». Автором этих пособий был преподаватель физкультуры Х. Зайни⁵⁸⁸.

Реформаторы мусульманского образования выбрали наиболее рациональный путь для распространения своих идей. Основными проводниками джадидистской реформы стали по-новому обученные учителя-мугаллимы. Обучаясь в крупнейших центрах мусульманского образования, они направлялись в сельские мектебы и медресе для того, чтобы там организовать школьное дело на новый лад. Новый метод обучения предъявлял гораздо более высокие требования к качеству преподавания и соответственно к уровню квалификации преподавателей.

До создания сети джадидских медресе в 1890-е гг. основным центром мусульманского образования оставались каргалинские медресе. Наиболее известным мударрисом был ахун первой Каргалинской мечети Хайрулла Абдрахманович Усманов*. Хайрулла Усманов охотно выносил свои мысли о мусульманском образовании на страницы газет. В издании «Вакыт»

⁵⁸⁷ Утягулов Р. Муллакаевскому медресе – 175 лет // Ватандаш. – 1997. – № 11. – С. 147.

⁵⁸⁸ ЦГИА РБ. – Ф. 4767. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 181.

(«Время») от 30 марта 1906 года была опубликована его статья «Шакирды и медресе», в которой рассматривалось положение шакирдов и реформирование учебы в медресе. В ней он обращается к читателям: «...объясните, что новометодное образование не учит ни атеизму, ни невежеству...»⁵⁸⁹. «Медресе, – продолжает он, – должны функционировать как университеты». Он предлагает по теме «Реформа по медресе» провести конференцию или созвать совет. Он считал, что духовенство должно быть не только высокообразованным, но «и днем, и ночью стремиться к улучшению быта народа».

Желание помочь единоверцам и соотечественникам отразилось в его общественной деятельности. «Оренбургская газета» от 31 августа 1908 года писала на своих страницах: «В Сеитовском посаде открывается мусульманское общество, имеющее цель просвещать своих единоверцев и оказывать материальную помощь нуждающимся. Общество учреждено муллами и купцами Каргалы». Одним из учредителей был Х. Усманов⁵⁹⁰.

Медресе при 9-ой соборной мечети возглавлял племянник Ризаэтдина Фахретдинова Фатих Карими*. В 1899 г. в этом медресе открылись Всероссийские летние трехмесячные педагогические курсы по подготовке учителей татарских школ России. Но просуществовали они недолго, так как 16 июня 1901 г. полиция разгромила центр обучения преподавателей медресе новым педагогическим идеям⁵⁹¹.

Они были организованы по инициативе купца 1-й гильдии, благотворителя и мецената Гани-бая Хусаинова и находились на его полном финансовом обеспечении. Один день работы курсов обходился в 73 рубля. Ежегодно Г. Хусаинов за свой счет содержал 40-50 мусульманских преподавателей Оренбургской, Уфимской, Казанской, Самарской, Саратовской, Вятской, Пензенской, Пермской, Тобольской и др. губерний. Оплачивал их дорожные расходы, питание, проживание, занимался дальнейшим трудоустройством. Впоследствии контролировал результативность преподавательской деятельности и выплачивал жалование⁵⁹². Известный татарский историк Хади Атласов, который учился на Всероссийских летних курсах, назвал их «каргалинским университетом».

Постепенно джадидистские учебные заведения становились центрами новых педагогических идей. Здесь не просто учили шакирдов на основе нового метода. Преподаватели указанных медресе вели активную научно-педагогическую деятельность: проводили совещания, на которых

* Хайрулла Абдрахманович Усманов (1866–1915). С 1907 г. Хайрулла Усманов – член Оренбургской ученой архивной комиссии (Оренбургская академия), где велась научно-исследовательская и просветительская работа. В 1907 г. Усманов был избран депутатом Государственной думы от Оренбургской губернии. В думе он занимал должность секретаря парламентской мусульманской фракции.

⁵⁸⁹ Цит. по Бектемиров Ф. Усманов Х.А. ... // Татарский мир. – 2008. – № 5 (6292). – С. 5.

⁵⁹⁰ Там же. – С. 4.

* Карими Фатих (1870–1937) – педагог-просветитель, ученый, писатель, переводчик, журналист, издатель, общественный деятель. Начальное образование он получил под руководством отца-муллы в родной деревне. Окончил медресе в г. Чистополе, сдал экзамен на звание «мударриса» при духовном собрании в г. Уфе. В 1892–1896 гг. он учился в Стамбуле в высшей школе по подготовке чиновников. Являлся редактором газеты «Вақыт». Совершил путешествие по Европе, после чего написал книгу «Путешествие в Европу». С 1925 г. жил в Москве, преподавал турецкий язык в Восточном университете. Написал более 100 методико-педагогических, публицистических и художественных книг. В 1937 г. был арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1959 г.

⁵⁹¹ Шараф Б. Гани-бай. – Оренбург, 1913. – С. 222.

⁵⁹² Шайдуллина Р.Р. Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX–начала XX вв.): Автореф. ... к. и. н. – Казань, 2010. – С. 20.

вырабатывали принципы составления учебных программ, пособий и книг для новометодных школ, составляли авторские учебные курсы, издавали учебную литературу. Выпускники новометодных школ стали движущей силой в широком распространении джадидистских идей среди мусульманского населения.

Новометодное образование положило начало решению вопроса женского образования. Реформированная мусульманская школа частично разрешила проблему женского образования. Появление классов для мусульманских девочек во многих мектебах и медресе, внедрение совместного обучения увеличило процент грамотности мусульманских женщин. Строгое правило исламской религии, касающееся раздельного обучения девочек и мальчиков, создавало значительные затруднения в процессе обучения первых. Поэтому для работы в женских классах нужны были учительницы. Подготовкой преподавателей – женщин для сельских медресе и мектебов занималась женская учительская семинария «Дарлмугалимат».

Таким образом, модернизация учебно-воспитательного процесса в новометодных школах имела положительные последствия. Сокращение сроков обучения в новометодных медресе способствовало быстрому росту их популярности среди населения. Так обучение детей для небогатых семей из обременительного превращалось в экономически выгодное мероприятие. Раньше шакирды, учились в школе неопределенное число лет, в этот период они были нетрудоспособны. Перспектива в выборе будущей профессии лежала в ограниченной сфере. Джадидистские школы с коротким сроком обучения сокращали период иждивения детей, выпуская в жизнь специалистов широкого профиля. Многогранное образование, получаемое в стенах новометодных школ, предоставляло возможности заработка в каникулярное время, чем охотно пользовались шакирды, для оплаты своего обучения.

Даже после революции 1905–1907 гг. правительство сохраняло запрет на открытие светских школ для мусульман. Но прогрессивная общественность осознавала острую потребность тюркоязычных народов в светском образовании, знании родного и русского языков. Для обеспечения массового охвата населения образованием создавались новометодные школы, что, в свою очередь, требовало подготовки квалифицированных учителей. Подготовка специалистов осуществлялась в медресе, которые по строгому предписанию властей, могли иметь только конфессиональный, то есть религиозный характер. Поэтому средние новометодные учебные заведения юридически создавались как конфессиональные школы. Это накладывало определяющий отпечаток на учебные программы медресе. К тому же жизнь тюркоязычного населения была тесно переплетена с религией Ислам, поэтому отказаться от изучения религиозных наук в школах для мусульманского населения было невозможно.

Бурное историческое развитие последующего десятилетия внесло определенные коррективы в учебные программы данных школ. В 1910-е гг.

власти, земство, мударрисы и шакирды стали искать пути вовлечения новометодных школ во всеобщее начальное обучение. Компромиссные варианты были найдены и в отдельных джадидистских центрах. Так, «Хусаиния» больше внимания уделяла подготовке бизнесменов; в Уфе «Усмания» продолжала подготовку имамов, а «Галия» стало культурно-просветительским центром. Под воздействием внешних обстоятельств и внутренних факторов религиозные дисциплины уступали место общеобразовательным наукам. Появление первых медресе, устроенных по европейскому образцу, означало переворот в подготовке профессиональных учителей для мусульман России.

Подводя итог, можно сказать, что исследованные медресе, сформировавшиеся под влиянием реформаторского движения как высшие мусульманские богословские школы нового типа, одновременно выполняли функции среднего общеобразовательного и профессионально-педагогического учебного заведения. Анализ содержания образования и основных параметров педагогического процесса (материальная база, формы и методы обучения, высокий профессиональный уровень преподавателей и выпускников) приводят нас к выводу, что новометодные школы сыграли историческую роль в образовании, просвещении, зарождении искусства у мусульманских народов Российского Востока.

К сожалению, даже реформированная система образования не сняла остроты многих проблем. Образовательный процесс в мусульманской школе осложнялся рядом причин. Во-первых, в ней шла борьба между религиозно-схоластической и прогрессивной образовательными системами. Во-вторых, строительство и открытие мусульманских мектебов и медресе оставалось частной инициативой меценатов, благотворительных обществ и других заинтересованных лиц, зачастую их содержание ложилось на плечи самих шакирдов. Помощь земств была недостаточной для полноценного функционирования мусульманских школ.

На основании декретов об отделении школы от церкви многие мектебы и медресе были преобразованы в башкирские и татарские школы, учительские институты. В 1919–1920 гг. в Уфимской губернии школами I ступени стали 91 медресе и 250 мектебов. Соответственно, в ведение отделов народного образования передавалось все имущество мусульманских школ (здания, мебель, книги, наглядность). Учителя духовного звания к преподаванию не допускались⁵⁹³. Однако постановлением совета министров СССР и ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. медресе «Галия», «Усмания» в г. Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Мухаммадия» и «Касымия» в Казани приравнены к педучилищам, что означало признание уровня образования и прав выпускников этих образовательных учреждений⁵⁹⁴.

⁵⁹³ Сулейманова Л.Ш. История становления и развития национальных общеобразовательных школ ... : Дисс. ... д. и. н. – С. 44.

⁵⁹⁴ Юлдашбаев Б.Х. История формирования... – С. 250.

Заключение

Проблема обучения грамоте была в центре внимания мусульманского населения края во все времена. Реформирование российского общества, начавшееся в 60-е гг. XIX в., положительно отразилось на социально-экономическом и политическом развитии Российского государства. Развитие капиталистических отношений в стране, расширение торгово-экономических связей на евразийском пространстве выявили слабость национальной буржуазии. Национальная буржуазия не могла составить достойной конкуренции русским предпринимателям. Невысоким был уровень их политической активности, что являлось следствием слабого развития национальной интеллигенции и слабой вовлеченности в европейскую культуру.

Позитивное влияние конфессиональной школы старого типа, очевидное при слабой динамике социально-экономического развития тюркоязычных народов, в новых реалиях второй половины XIX в. утрачивает прежнее значение. В условиях формирования капиталистических отношений, изоляция мусульманской общины, приведшая к консервации образовательной формы, имела негативные последствия. Поэтому в мусульманских школах стало наблюдаться отставание от общего уровня преподавания, несоответствие получаемых знаний требованиям времени, что позволяет говорить о кризисе мусульманской школы старого типа во второй половине XIX в.

Просвещенная мусульманская общественность отмечала назревание кризиса национального образования, не отвечающего требованиям нового времени. Представителями башкирского и татарского просвещения была подготовлена теоретическая основа реформы мусульманской школы.

Огромная роль в реформировании мусульманского образования принадлежит ее идеологу И. Гаспринскому. Реформа получила название джадидистской: по звучанию нового звукового метода обучения чтению (усул-и джадид) взамен буквослагательного. В основе реформированной школы лежало преподавание на родном языке учащихся, установление фиксированного учебного года и классно-урочной системы преподавания. Все эти нововведения в совокупности вели к систематизации учебного процесса, его значительному улучшению и сокращению сроков обучения грамоте.

Джадидистская реформа мусульманского образования разделила мусульманскую школу на два типа: старометодную и новометодную. Реформирование мусульманской школы происходило в суровых условиях борьбы старого с новым. Широкое распространение мектебов и медресе на территории Уфимской и Оренбургской губерний во второй половине XIX в. создало прочную основу для появления реформированных школ. Существовала развитая традиция обучения, старометодной школой была подготовлена аудитория, сформирована значительная материальная база, что позволяло сравнительно малозатратно осуществить реформирование

мусульманской школы. Существенный вклад кадимистская школа внесла в подготовку профессиональных кадров. Вышеуказанные факторы говорят об эволюционном развитии мусульманского образования, трансформации «старометодной» школы в «новометодную».

Реформирование мусульманской школы не являлось следствием реализации государственной политики, оно осуществлялось стихийно, оставаясь в течение нескольких десятилетий частной инициативой отдельных личностей. Процесс реформирования религиозной школы происходил в два этапа. На первом этапе (последняя четверть XIX в.–1906 г.) происходило организационное оформление реформы. Течение реформы осложнялось рядом факторов: активным сопротивлением кадимистов, низким уровнем общественно-политического сознания мусульманского населения, малочисленностью профессионально подготовленных кадров, экспериментальным характером программ, учебно-методических разработок и т. п. В этот период идея преобразования начальной школы (мектебов) не получила широкой практической реализации в силу главенствующего авторитета традиционалистов в деревнях, и низкого уровня общественно-политического сознания в сельской местности. Состояние источников не позволяет достоверно определить точное количество реформированных и традиционных школ в этот период. Эта проблема также усугубляется динамикой развития новометодного движения. Принимая факт, что в это время существенный перевес сил находился на стороне кадимистов, можно утверждать о прочных позициях традиционной школы.

Крупнейшие новометодные центры Уфимской и Оренбургской губерний на рубеже XIX–XX в.: медресе «Усмания», «Хусаиния», «Расулия», Каргалинских медресе, «Галия», первыми откликнулись на процесс модернизации мусульманского образования. Руководители данных медресе не ограничились лишь заменой буквослагательного метода обучения звуковым, они пошли дальше и приступили к реформе учебного курса школ. В них началось изучение родного и русского языков, математики, основ естествознания и других светских дисциплин. Далее преобразования коснулись организации всего учебно-воспитательного процесса, значительно улучшилось материальное обеспечение мектебов и медресе.

Расширение учебных курсов за счет увеличения светских предметов и естественных дисциплин приближало программы новометодных медресе к программам реальных училищ. Практические навыки, приближенные к реальности бытия, существенно преумножали перспективы выпускников в выборе будущей профессии. Сокращение сроков обучения в новометодных медресе способствовало быстрому росту их популярности среди населения. Таким образом, обучение детей из небогатых семей из обременительного превращалось в экономически выгодное мероприятие. Джадидистские школы с коротким сроком обучения сокращали период иждивения детей, выпуская в жизнь специалистов широкого профиля. К началу XX в. по организации внутренней жизни лучшие новометодные школы приобрели вполне европейский вид.

На втором этапе (1906–1917 гг.) была проделана титаническая работа по переустройству «архаических» мусульманских школ в современные учебные заведения. Заинтересованные в создании профессиональных кадров для промышленности, торговли и просвещения, башкирские и татарские предприниматели стояли в авангарде движения за реформирование мусульманской школы. Благодаря активной меценатской деятельности занятия в исследованных школах стали проводиться в должных помещениях, оборудованных партами, школьными досками, кафедрами для мугаллимов, с использованием наглядных пособий (географических карт, плакатов), во многих медресе были предусмотрены специализированные кабинеты химии и физики. Материальная база отдельных новометодных школ, на основе которых были созданы национальные школы, закладывала устойчивый фундамент для дальнейшего полноценного функционирования данных школ.

Огромное значение имели крупнейшие новометодные медресе, которые ежегодно выпускали в среднем по 100-150 преподавателей с новыми взглядами. Из новометодных школ вышли известные представители литературы, искусства, науки, государственные и политические деятели. Новометодные медресе стали центрами просвещения и образования, зарождения национальной культуры и науки, подготовки национальной интеллигенции.

Список источников и литературы

I. Источники:

A. Архивные:

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

1. РГАДА. – Ф. 16. – Д. 934. – Ч. 3 (3).

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

2. ГА РФ. – Ф. 5263 – Оп. 1. – Д. 16; Оп. 2. – Д. 4. (Постоянная комиссия по вопросам култов при Президиуме ЦИК)

Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ).

3. ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 623, 2632, 2858 (Канцелярия Уфимского гражданского губернатора).

4. ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 5, 23, 39, 58, 78, 234 (Попечитель Оренбургского учебного округа).

5. ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 8, 9, 24, 33, 74, 134, 144, 202, 469 (Директор народных училищ Уфимской губернии).

6. ЦГИА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 11, 21, 26, 112, 126 (Инспектор народных училищ Уфимского уезда).

7. ЦГИА РБ. – Ф. И-132. – Оп. 1. – Д. 206 (Уфимская губернская земская управа).

8. ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 1. – Д. 97, 206, 345, 435, 456, 523, 806, 1152, 1386, 7534 (Оренбургское магометанское духовное собрание).

9. ЦГИА РБ. – Ф. И-187. – Оп. 1. – Д. 521, 522, 523, 524. (Губернское жандармское управление)

10. ЦГИА РБ. – Ф. Р-4767. – Оп. 1. – Д. 1–23. (Медресе «Галия»)

11. ЦГИА РБ. – Ф. Р-1832. – Оп. 1. – Д. 1. (Г.Х. Еникеев)

Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО РБ)

12. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 185, 186; Оп. 6. – Д. 11; Оп. 11. – Д. 25; Оп. 12. – Д. 495. (Башкирский республиканский комитет КП РСФСР).

13. ЦГАОО РБ. – Ф. 1832. – Оп. 4. – Д. 58. (Истпарт)

14. ЦГАОО РБ. – Ф. 8908. – Оп. 1. – Д. 18. (Башкирский областной комитет профсоюза работников культуры)

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

15. ГАОО. – Ф. 213. – Оп. 1. – ДД. 1–63. (Медресе «Хусаиния»).

16. ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 618; Оп. 2. – Д. 625; Оп. 5. – Д. 1.
(Оренбургское губернское жандармское управление)

17. ГАОО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 228, 307. (Дирекция народных училищ Оренбургской губернии).

Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН).

18. НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп 1. – Д. 16 (Институт истории, языка и литературы).

19. НА УНЦ РАН. – Ф. 22. – Оп 1. – Д. 1, 4, 9, 19, 21, 41 (Уметбаев Мухаметсалим. Личный архив).

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

19. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 5526.

II. Опубликованные:

1. Абызгильдин З. Воспоминания о медресе // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 118–124.

2. Андриевский Ф.Н. Мусульманский мектеп. – Б. м. г. – 39 с.

3. Ардашев И. Современное состояние мусульманских конфессиональных школ в России и стремления мусульман к их преобразованию. – Уфа, 1915. – 15 с.

4. Башкирские шежерэ / Сост., пер., введ. комментарии Кузеев Р.Г. – Уфа: Башкнигиздат, 1960. – 304 с.

5. Бигеев М. Замят. – Пг., 1916.

6. Бюллетень Отдела Народного образования Уфимской губернской земской управы. – № 2. – Уфа, 1916.

7. Валиди А.-З. Воспоминания. – М., 1997. – 649 с.

8. Валиди А.-З. Воспоминания. – Ч. 1. – Уфа, 1994. – 383 с.

9. Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1915. – №№ 6–7.

10. Вестник Уфимского земства. – Вып. 4. – Уфа, 1882.

11. Вестник Уфимского земства. – Вып. 5–6. – Уфа, 1881.

12. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли. Заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1991.

13. Государственная Дума. Комиссия по народному образованию. – СПб.: Государственная типография, 1909. – 835 с.

14. «Дар-уль-муаллиминь» и «Дар-уль-муаллимасть» в Уфе // Мир Ислама. – Т. II. – Вып. X. – С. 670.

15. Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1906.

16. Журналы заседаний директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского округа в городе Уфе. 11–16 июня 1912 года. – Уфа, 1914.

17. Журналы совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы 23–25 мая 1911 г. – Уфа: Изд. Уф. губ. земст., 1914.

18. Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярах и бобылях. Сб-к документов и материалов. / сост. Гумеров Ф.Х. – Уфа, 1999. – 567 с.
19. Записка С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. В кн.: Сб. Русского Исторического общества. – Т. 7 (155). – М., 2003. – С. 200–206.
20. Заявление М. Уметбаева в Уфимское VII очередное земское собрание // Вестник Уфимского земства. – 1882. – Т. XXI.
21. Иностранная школа. Сборник и статей и материалов по вопросам иностранной школы. – Пг., 1916. – 254 с.
22. Иностранческие и иноверческие училища: систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников, сектантов, иностранных, магометанских, караимских и еврейских / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1903. – 62 с.
23. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М., 2001.
24. Ислам в российском законодательстве. Сборник законодательных актов / Сост. А. Юнусова, Ю. Сергеев, В. Латыпова. – Уфа: Изд-во БГУ, 1999. – 120 с.
25. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России / Сост. А. Юнусова. – Уфа, 2009.
26. Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875–1899). – Вып. 2. – Оренбург, 1901. – 250 с.
27. К истории просвещения в Оренбургском крае. – Оренбург, 1901.
28. Казанская татарская учительская школа. 1876–1917 гг. Сб. мат. – Казань: Гасыр, 2007.
29. Кильдибяков Г.Н. Магометанские школы (мектебы и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии. – Мензелинск, 1913.
30. Комар К.Ф. Ревизия и описание Караякуповской волости Уфимского уезда // Вестник Уфимского земства. – Вып. 6.
31. Красный архив. – 1929. – Т. 4. (35); 5 (36).
32. Краткий исторический взгляд на развитие духовного образования в Оренбургском крае // Оренбургские губернские ведомости. – 1851. – №№ 22-26.
33. Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. – Оренбург, 1913.
34. Культурное строительство в Башкирской АССР. Документы и материалы 1917–1941 гг. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. – 351 с.
35. Любимов А. Мектебы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда. – Уфа, 1914. – 10 с.

36. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.). / Сост. Фахрутдинов Р.Р. – Казань: КГПИ, 1992. – 126 с.
37. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т. III. – М., 1949.
38. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т. IV. – Ч. 1-2. – М., 1956.
39. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т. V. – М., 1960.
40. Материалы по истории народов СССР. – Вып. 6. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. – Ч. I. – М.-Л., 1936. – С. 282.
41. Материалы по истории России. – Т. 1-2. / Сост. Добросмыслов А.И. – Оренбург, 1900.
42. Мектебе Уфимской губернии. Статистический очерк. 1912–1913. – Уфа.
43. Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность. Хрестоматия / Сост. Т.М. Аминов. – Уфа: БГПУ, 2010. – 429 с.
44. Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов. / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа: Китап, 1998. – 384 с.
45. Народное образование в Уфимской к 1917 г. Краткий очерк. – Уфа, 1917. – 18 с.
46. Население Башкортостана: XIX–XXI века: статистический сборник. – Уфа: Китап, 2008.
47. Национальные движения в период первой революции в России. / сост. И.Д. Кузнецов. – Чебоксары, 1935.
48. Начальное народное образование в России. – Т. 1. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям Империи. – СПб., 1900.
49. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905.
50. Объяснительная записка к уставам Уфимского Дарульмугалимина «Султаніе» и Уфимского Дарульмугаллимата «Султаніе». – Б.м., Б.г. – 14 с.
51. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенной 18 января 1911 г. – СПб., 1905.
52. Остроумов Н. Мусульманская высшая школа // Журнал министерства народного просвещения. – 1906. – № 10.
53. Отчет Уфимской губернской земской управы 38-му очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по народному образованию за 1912 г. – Уфа, 1915.
54. Отчет Уфимской губернской земской управы XXXIII очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по отделу народного образования за 1912 г. – Уфа, 1912.
55. Очаги просвещения: Медресе – исторические центры образования. Сб-к. / Сост. Магдиев Р. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – 236 с.

56. Очерк деятельности Уфимского Губернского Земства по народному образованию 1875–1910 гг. – Уфа, 1910. – 160 с.
57. Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1890–1891 учебный год. – Оренбург, 1890.
58. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. – Уфа. – Табл. 2.
59. Памятная книжка Уфимской губернии 1889 г. / Сост. и ред. Н.А. Гурвичем. – Уфа, 1889.
60. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. – ТТ. 28, 45.
61. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Распределение населения империи по главнейшим вероисповеданиям. – СПб., 1901. – 39 с.
62. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. – Казань, 1898.
63. «Положение о башкирах». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 14 мая 1863 г. // ПСЗ РИ. – Т. 40. – Отд. II. – №. 755–756.
64. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г. // ПСЗ РИ. – Т. 39. – Отд. II. – № 40457.
65. Положение о начальных народных училищах. 14 июля 1864 г. // ПСЗ РИ. – Т. 38. – Отд. II. – № 41068.
66. Постановления школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе 12–17 августа 1908 г. по вопросам народного образования. – С. 33–42.
67. Правила «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» от 31 марта 1906 г. // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – 1906. – №№ 4–5.
68. Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев, высочайше утвержденные 26 марта 1870 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. – СПб., 1884.
69. Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев. 1870 г. // ПСЗ РИ. – Т. 41. – Отд. 1. – № 48185.
70. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, утвержденные министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. с изменениями, последовавшими 2 января 1907 г. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1907. – 6 с.
71. Программа медресе Мухамедия за 1913–1914 учебные года. – Казань, 1913.
72. Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. – СПб., 1896. – 785 с.
73. Расулев З. Божественные истины / Сост., коммент. и пер. с араб. И.Р. Насырова. – Уфа: Китап, 2008. – 240 с.
74. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб., 1869. – 522 с.

75. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1899. – 61 с.
76. Сборник материалов по мусульманству. – СПб., 1899.
77. Сборник статей о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах. – Казань, 1898. – 61 с.
78. Свидетельствуют документы. Приложение. // Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). – Уфа, 2000. – С. 111–259.
79. Свод законов, циркуляров и справочных изданий по народному образованию в переходный период / Сост. В.И. Чарнолуский. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1908. – 276 с.
80. Систематизированный свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах. / Сост. Фальборк Г., Чарнолуский В. – СПб., 1903.
81. Систематическая сводка постановлений по народному образованию Уфимской городской Думы за 1913–1916 годы. – Уфа, 1917. – 132 с.
82. Систематическая сводка постановлений по народному образованию Уфимской городской Думы за 1913–1916 годы. – Уфа, 1917. – 132 с.
83. Совещание по выработке положений об инородческой школе. Доклад по выработке положений об инородческой школе. Б.м., б.г. – 54 с.
84. Список учебных заведений Уфимской губернии за 1912–1913 учебный год. – Уфа, 1913. – 54 с.
85. Список учебных заведений Уфимской губернии к 1-му января 1914 г. – Уфа, 1914. – 51 с.
86. Список учебных заведений Уфимской губернии к 1-му января 1915 г. – Уфа, 1915. – 63 с.
87. Список учебных заведений Уфимской губернии на 1-е января 1916 г. – Уфа, 1916. – 131 с.
88. Список учебных книг по мусульманскому вероучению, как подсобное орудие при прохождении вероучения для мусульманских начальных школ. – Уфа, 1912.
89. Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. – Оренбург, 1870.
90. Татарская просветительская литература (1860–1905 гг.). Хрестоматия. / Сост. М.Х. Гайнуллин. – Казань, 1980.
91. Траубенберг П.В. Татарская учительская школа в Казани (1890). // Казанская татарская учительская школа. 1876–1917. Сборник материалов. – Казань: Гасыр, 2007.
92. Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905.
93. Туктаров М. Материальная сторона наших мектебов // Мектеп. – 1913. – № 1.

94. Указ именной, данный правящему симбирскому и Уфимскому генерал-губернатору, генерал-поручику барону Игельстрому 22 сентября 1788 г. «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе Духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, пребывающими в России» № 16710 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1784–1788 гг. – СПб, 1830, – Т. XXII. – С. 1107.

95. Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала (1682–1918). – Челябинск, 1980.

96. Хрестоматия по истории Башкортостана. Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г. / Сост. Гумеров Ф.Х. – Ч. I. – Уфа: Китап, 1996. – 336 с.

97. Хрестоматия по истории педагогики / Сост. Н.А. Желваков. – Ч. 1. – М., 1936. – 527 с.

98. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). – М., 1986. – 432 с.

99. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. – М., 1974.

100. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – 1875. – № 1–2. – С. 10.

101. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – 1899. – №. 12. – Оренбург, 1889.

102. Школьная статистика за 1909–1911 учебные года. – Уфа, 1911.

103. Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. – Т. II. – Вып. V. – 1913; Т. II. – Вып. VI. – 1913.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Марджани Ш. Отрывок из сочинения «Вафият ал-асляф ва тахийат ал-ахляф». Пер. Юзеева А. Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник // www.islamin.ru

2. Шарангина Р.А. Казанская татарская учительская школа – новое образовательное заведение для татар (по документам НА РТ) // сайт главного архивного управления при Кабинете Министров РТ. www.archive.gov.tatarstan.ru.

3. Хабибуллина Г.Ю. Модернизация образования на мусульманском Востоке // Ислам в современном мире. – 2006. – № 2.

II. Литература:

1. Абзанов Ш. К вопросу по истории народного образования в Башкирии. – Уфа, 1934. – 65 с.

2. Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. – Казань, 1968.
3. Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль (социальная природа и основные проблемы). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. – 320 с.
4. Абдуллин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция. – Казань, 1979.
5. Азаматова Г.Б. Государство и земство в решении школьного вопроса // Бирская старина: историко-краеведческий альманах. – Вып. 2. – Бирск, 2008. – С. 16–21.
6. Азаматова Г.Б. Деятельность уфимского земства в области народного образования (1874–1917 гг.): Дисс ... канд. ист. наук. – Уфа, 2000. – 223 с.
7. Азаматова Г.Б. К проблеме национального и культурно ориентированного образования // Бирская старина: историко-краеведческий альманах. – Вып. 2. – Бирск, 2008. – С. 4–16.
8. Азаматова Г.Б. Уфимское земство. Социальный состав. Бюджет. Деятельность в области народного образования. – Уфа, 2005.
9. Акмулла. Стихи. – Уфа, 1986.
10. Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев – последний Великий Шейх суфийского братства Накшбандийа в Волго-Уральском регионе // Ватандаш. – 1998. – № 9. – С. 123–138.
11. Алибаев С.Р. и др. Расцвет просвещения и культуры в Башкирии. – Уфа: Башкнигоиздат, 1947. – 28 с.
12. Алибаев С.Р. Школы Башкирской АССР. Прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития. – Уфа, 1966. – 167 с.
13. Алляров И.А. Педагогические нововведения башкирского просветителя Зайнуллы Расулева // Зайнулла Расулев. – С. 80.
14. Алмаев Р.З. Становление советской системы школьного образования в Республике Башкортостан. – Уфа, 2002. – 128 с.
15. Аминов Т.М. Дореволюционная Уфа как центр профессионального образования. – Уфа, 2004. – 218 с.
16. Аминов Т.М. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века–до 1917 г. – М.: Наука, 2006. – 348 с.
17. Аминов Т.М. Краткий очерк становления и развития системы образования в Башкирии до 1917 г. // Бельские просторы. – 2007. – № 8. – С. 154–161.
18. Аминов Т.М. Система педагогического образования в Башкирии. Конец XVIII–начало XX века. – Уфа: Башгоспединститут, 1999. – 184 с.
19. Аминов Т.М. Очерк истории профессионального образования в Бирском уезде до 1918 г. // Бирская старина: историко-краеведческий альманах. – Вып. 2. – Бирск, 2008. – С. 21–78.
20. Аминов Т.М. Мусульманские педагогические учебные заведения Башкортостана в конце XIX–начале XX вв. // Ватандаш. – 2000. – № 8. – С. 181–184.

21. Аминова Л.Я. История женского образования в Башкирии. Вторая половина XIX–начало XX вв. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – 186 с.
22. Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период: Сб. ст. – Казань: – 1992. – С. 23–59.
23. Амирханов Р.У. Татарские университеты. – Казань, 1997. – С. 212–226.
24. Арапов Д.Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 132–137.
25. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования Ислама в Российской Империи (последняя треть XVIII–начало XX вв.). – М., 2004.
26. Асадуллин Р.М., Аминев Т.М. Роль мусульманских учебных заведений в просвещении народов дореволюционного Башкортостана // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2005. – С. 464–468.
27. Асфандияров А.З. Из истории башкирских деревень Стерлибашевского района // Ватандаш. – 1999. – № 6.
28. Асфандияров А.З. Из истории сел и деревень Учалинского района // Ватандаш. – 1999. – № 3.
29. Ахмерова Ф., Усманова Н. Хайрулла хазрат Усманов и его сыновья // Ватандаш. – 1999. – № 3. – С. 170–174.
30. Бабиш Ш.М. «Галия» мэдрэсэпенен, ун йыллык байрамы // Бабиш Шайехзада. Без узезез – башкорттар: шигырзар, поэмалар, фельетондар, мокэлэр, хаттар, кендэлектэр. – Уфа: Китап, 1994. – С. 445–451.
31. Бадретдинов С., Зиннуров Г. Ахмедсафа Багаутдин и медресе «Ахмадия» // Ватандаш. – 2008. – № 8. – С. 180–194.
32. Баишев И.Н. Развитие школьного образования и особенности его реформирования в Башкортостане в 1917–1930 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1999. – 18 с.
33. Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Р. Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. – 175 с.
34. Бакирова А. «Слобода татарская, Сеитово тож» // Эхо веков. – 2004. – №2.
35. Башкирская энциклопедия. В 7 томах. / Гл. редактор М.А. Ильгамов. – Т. 1, 2, 3, 4, 5. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2006.
36. Башкирский край. – Вып. 4. – Уфа, 1994. – 193 с.
37. Башкортостан в первой половине XX века: малоизвестные страницы истории / ред. М. Б. Ямалова. – Уфа: «Восточный университет», 1997.
38. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с.
39. Бектемиров Ф. Усманов Х.А. // Татарский мир. – 2008. – № 5 (6292). – С. 4.

40. Белавин К. Из истории просвещения в Оренбургском крае. Женские и гимназии и прогимназии 1875–1899 гг. – Оренбург, 1913. – 250 с.
41. Бикбулатова А.Р. Влияние шейха Зайнуллы Расулева на духовную атмосферу формирования башкирской интеллигенции // Зайнулла Расулев. – С. 319–325.
42. Валеев Д.Ж. История общественной мысли Башкортостана: Учебное пособие. – Уфа: Башкнигоиздат, 1994. – 224 с.
43. Валеев Д.Ж. Социально-политические взгляды Бекчурина (на баш. яз.) // Учитель Башкортостана. – 1973. – № 7.
44. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. – Казань, 1928.
45. Валишина А.Н. Мусульманские школы Оренбургской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Башкиры в составе Российской Федерации: история, современность, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Третьему Всемирному курултаю башкир. (20 апреля 2010 г.). – Ч. 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 185–190.
46. Васильева И.Г. Исторические этапы развития медресе «Галия» // Проблемы обучения и воспитания молодежи. – Уфа, 1995.
47. Васильева И.Г. П.Я. Камалов (Зия Камали) – выдающийся просветитель, философ, основатель медресе «Галия» // Интеллигенция Татарстана. – Казань, 1997.
48. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М., 1981. – 256 с.
49. Гайсин Х. Стерлибашевское медресе // Ватандаш. – 1997. – № 7. – С. 173–179.
50. «Галия» // Культура народов Башкортостана с древнейших времен до современности. Краткий словарь-справочник / Сост. С.Г. Синенко. – Уфа, 1999. – С. 34.
51. «Галия» // Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1998. – С. 136.
52. Галяутдинов И. Из истории языковых и культурных процессов в Башкортостане в XIX–начале XX вв. // Ватандаш. – 2000. – № 12. – С. 103.
53. Гарифуллин Д. Эдип – «Галия» мэдрэсэсендэ // Социалистик Татарстан. – 12 марта 1987. – № 59.
54. Гибадуллина Л.Г. К вопросу развития системы народного образования в Башкирии: история и современность. // Башкиры в составе Российской Федерации: история, современность, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Третьему Всемирному курултаю башкир. (20 апреля 2010 г.). – Ч. 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 209–216.
55. Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. – Казань, 1941. – 260 с.
56. Грачев С.В. Педагогическая система Н.И. Ильминского и ее развитие в теории и практике просвещения нерусских народов Поволжья

(Вторая половина XIX–начало XX вв.): Дисс. ... канд. пед. наук. – Саранск, 1995. – 194 с.

57. Давлетов Р. О чем рассказало старое фото «Группы забастовщиков» медресе «Галия» // Ленинец. – 30 апреля 1988. – № 52 (7246).

58. Долгушина Н.В. Женское образование в г. Уфе на рубеже XIX–XX вв. // Башкиры в составе Российской Федерации: история, современность, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Третьему Всемирному курултаю башкир. (20 апреля 2010 г.). – Ч. 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 191–197.

59. Доклад Министра народного просвещения Д.А. Толстого «О мерах к просвещению населяющих Россию инородцев» (1870 г.)

60. Дорога к храму: история религиозных учреждений г. Уфы. – Уфа, 1993.

61. Дюдуаньон С. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII–начало XX вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность. – 1997. – № 12.

62. Еникеев А.А. Русско-башкирская школа в дореволюционной Башкирии. – Уфа, 1945. – 198 с.

63. Еникеев С. Возлюбленная поэтов и шакирдов: история «Галии» // Вечерняя Уфа. – 1991, 10 декабря. – С. 3.

64. Еникеев С. «Галия» – зыялылыярныц алтын бишеге // Кызыл тан. – 1992. – № 30 (18930). 13 февраля.

65. Жуже П. Мусульманская печать в России. – СПб., 1911.

66. Загидуллин И.К. Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 64.

67. Зайнуллин З. Есть одна деревня (на тат. яз.) // Казан утлары. – 2005. – № 2.

68. Зайнуллин З. Стерлибаш – шигърият узеге // Ватаным Татарстан.

69. Зия Камали – просветитель и философ // Хусаинов Г. Б. Духовный мир башкирского народа. – Уфа, 2003. – С. 341–359.

70. Зорин Б. Мусульмане о предстоящем всероссийском съезде и реорганизации мектебов и медресе // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 3. – С. 137–152.

71. Ибрагимов Г. Ижтимагый, эдэби хэрэкетлэр тарихыннан тикшеруде марксизм ысулы // Беззен юл. – № 1. – 1992.

72. Ибрагимов Г. Наши дни. – М.: Советский писатель, 1980. – 416 с.

73. Ибрагимов Г. Татарлар арасында революция хэрэкетлэре // Эсэрлэр. – Т.7. – Тарихи хезмэтлэр (1911–1927). – Казан, 1984.

74. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 томах / Под ред. И.Г. Акманова. – Т. 1: История Башкортостана. XX век / Сост. И.Г. Акманов, С.Ф. Касимов. – Уфа: Китап, 2006. – 484 с.

75. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 томах / Под ред. И.Г. Акманова. – Т. 2: История Башкортостана. XX век / Сост. И.Г. Акманов, С.Ф. Касимов. – Уфа: Китап, 2006. – 600 с.

76. История Башкортостана. – Ч. I. С древнейших времён до 1917г. / Под ред. И.Г. Акманова. Учебное пособие. – Уфа, 1991. – 349 с.
77. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / Под ред. Х.Ф. Усманова. – Уфа: Китап, 1997. – 520 с.
78. История Уфы. Краткий очерк. – Уфа: Башкнигоиздат, 1976. – 600 с.
79. Ислам: энциклопедический словарь. – М., 1991.
80. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997.
81. Исянгулов Ш. Еще раз о менталитете башкирского народа // Ватандаш. – 1999. – № 10.
82. Кабиров М. «Галия» // Омот. – 1992, 28 марта.
83. Какишев Т. «Саадак»: эссе о рукописном журнале учеников медресе «Галия» 1915–1918 гг. – Алма-Ата: Жалын, 1986. – 261 с.
84. Калмантаев Н.М. Общественно-политическая активность башкирского народа в начале XX в. // Октябрьская революция и проблема национальных отношений. – Уфа, 1987.
85. Калмантаев Н.М. Политика царизма в области национально-религиозной жизни мусульман в начале XX в. // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества. – Уфа. 1992.
86. Калмантаев Н.М. Башкиры и Государственная дума // Актуальные проблемы истории и этнографии Башкортостана: Прошлое и современность. – Уфа, 1993.
87. Калмантаев Н.М. Башкортостан в условиях Российской революции 1905–1907 гг. Учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2000. – 76 с.
88. Калкаманов Х.А. Преподавание математики в медресе «Галия» // Материалы межреспубликанской научно-практической конференции, посвященной жизни и научно-педагогической деятельности ученого-реформатора, организатора светского образования исламской России, основателя и ректора медресе «Галия» З. Камали. – Уфа, 1999.
89. Камалов Т. Зия Камали: Мыслитель, просветитель, религиозный деятель. – Казань: Иман, 1997. – 53 с.
90. Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам российской империи // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 129 – 135.
91. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М.: Прогресс, 1996. – 380 с.
92. Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги.
93. Каримов К.К. Развитие науки в Башкортостане: 30–е гг. XVIII–первая половина XX вв. – М.: Наука, 2008.
94. Карпенкова Т.В. Самодержавие и российские мусульмане (вторая половина XIX–февраль 1917 г.) – М.: Изд-во Российской экономической академии, 2003. – 404 с.
95. Касимова Э.Г. Образование среди «иностранцев» Вятской губернии в 1870–1905 гг. // Россия и Вятский край: Сб. ст. – Киров, 2005.

96. Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX–начало XX вв.). – М.: «Наука», 1989.
97. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. – М.: Учпедгиз, 1953. – 272 с.
98. Коблов Д.Я. Татарские мусульманские школы (медресе) // Церковно-общественная жизнь. – 1906. – №9. – С. 323–325.
99. Коблов Д.Я. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань: Центральная тип., 1916. – 119 с.
100. Коблов Д.Я. Мечты татар магометан о национальной общеобразовательной школе. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1908. – С. 1–20.
101. Коблов Д.Я. Мусульманская высшая школа (Мадрасы). // Журнал министерства народного просвещения. – 1906, № 10. – С. 136.
102. Коблов Д.Я. О татаризации инородцев Приволжского края. – Казань: Центральная тип., 1907. – С. 3–27;
103. Кудашева С.С. Великий просветитель Зия Камали. // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию медресе «Галия», 31 октября 2006г. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. – С. 117–122.
104. Кудашева С, Кузеев Р. Беек мэгрэфэтче // Омет. 1997. 6, 13, 22 февраля; 1, 20, 29 марта; 5, 12, 26 апреля; 8, 17, 31 мая; 7, 14, 21, 28 июня (на тат. яз.).
105. Кудашева С.С., Кузеев Р.Г. Жизнь длиною в один век. Воспоминания. – Уфа: «Восточный университет», 1998. – 515 с.
106. Кудаш С. Ике талант // Агидель. – 1965. – № 8. – С. 79–92.
107. Кудаш С. Куккэ урелгэн йылдар // Агидель. – 1965. – № 7. – С. 66–79.
108. Кудаш С. По следам юности. – Уфа, 1968.
109. Кузбеков Ф.Т. Башкирская журналистика как явление этнической культуры. – Уфа, 2006.
110. Кузнецов Я. Народное образование. Земские школы Уфимской губернии. 1900–1905 гг. – Уфа, 1905. – 200 с.
111. Кулбахтина А.З. Гайса Еникеев и медресе «Хусаиния» // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Сборник научных трудов. – Вып. X. – Уфа, 2007. – С. 161–164.
112. Кулбахтина А.З. Древнейшее население Чишминского района РБ. // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 189–191.
113. Кулбахтина А.З. Зия Камали и основание медресе «Галия» // Восток в исторических судьбах народов России. – Кн. 3. Материалы V Всероссийского съезда востоковедов, 26–27 сентября 2006 г. – Уфа: Вили Окслер, 2006. – С. 131 – 134.
114. Кулбахтина А.З. Зия Камали – основатель новометодного медресе «Галия» // Казанская наука. – Вып. IV. – Казань, 2009. – С. 79–85.

115. Кулбахтина А.З. Место «инородческих» школ в сфере национального образования // Башкиры в составе Российской Федерации: история, современность, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Третьему Всемирному курултаю башкир. (20 апреля 2010 г.). – Ч. 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 201–209.
116. Кулбахтина А.З. Медресе «Галия» между двумя революциями. // Материалы XII Всероссийской конференции молодых историков «Платоновские чтения». – Самара, 2006. – С. 106.
117. Кулбахтина А.З. Новометодные медресе как центры формирования национальных кадров (на примере медресе «Хусаиния», «Галия») // Экономическая история республики Башкортостан: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (26–27 апреля 2007 г.) – Уфа, 2007. – С. 107–112.
118. Кулбахтина А.З. Роль кадимистской школы в просвещении мусульман // Вестник БашГУ. – Уфа, 2010. – Т. 215, № 4. – С. 1333–1334.
119. Кулбахтина А.З. Дорога к знаниям // Родина. – М., 2010. – С. 72
120. Культура народов Башкортостана с древнейших времен до современности. Краткий словарь-справочник / Автор-составитель С.Г. Синенко. – Уфа: Государственное республиканское издательство «Башкортостан», 1999. – 136 с.
121. Кунафин Г.С. Национальное образование Башкортостана в XIX – начала XX века и деятельность З. Расулева в его развитии // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель-философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Материалы международной научно-практической конференции. – Уфа: БашГУ, 2008.
122. Курбангулов Р.Г. На память потомкам (на тат. яз.). – Уфа: Гилем, 2002.
123. Леонов Н.И. Реформа народного образования 1864 г. в Башкирии. // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI–XX вв. – Уфа, 1994.
124. Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах. – Уфа, 1903.
125. Лукманова Х.Х. Национальная школа Башкортостана: история и перспективы. – М.: Высшая школа, 2003. – 184 с.
126. Лукманова Х.Х. Осуществление всеобщего начального образования в Башкирии (1917 – 1936): Дисс. ... канд. пед. наук. – Казань, 1975. – 184 с.
127. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991 гг.). / Сост.: Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. – С.-Пб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 496 с.
128. Магдеев Д. Медресе «Галия» (на баш. яз.) // Башкортостан. – 2002, 29, 30, 31 января (№ 20–21). – С. 3.
129. Магдеев Д. Путь учителя. // Башкортостан. – 2002, 24 июля. – С. 4.

130. Магди М., Утэбай-Карими Р. Гыйлем Бэм илпам чишмэсе // Кызыл тан. – Уфа, 1990. – 6, 7 марта.
131. Мажит Гафури в воспоминаниях современников. – Уфа, 1961. (на башк. яз.).
132. Малов Е. А. О татарских мечетях в России. – Казань, 1868.
133. Малютин И.П. Становление и развитие национальной школы в Республике Башкортостан: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Уфа, 2000. – 24 с.
134. Мамлеева Т.М. Женское образование (башкирок и татарок) в дореволюционной Башкирии: Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1953. – 306 с.
135. Марджани: ученый, мыслитель, просветитель: Сб. статей – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – 191 с.
136. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар (борьба вокруг школьного вопроса. 1816 1917). – Казань, 1982. – 96 с.
137. Медресе «Галия» // Васильева О. В., Латыпова В. В. и др. Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. – Уфа, 1993. – С. 95–97.
138. Мирсайтова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. – Екатеринбург, 2000. – Ч. 2. – 92 с.
139. Мустафин А. Ысын азамат // Агидель. – 1966. – № 8. – С. 88–90.
140. Мустафина Ф.Х. Развитие всеобщего среднего образования в БАССР в 1917–1978 гг. – Уфа, 1979.
141. Муфтухетдинова Д.Ш. Эволюция политики российского государства по отношению мусульман Поволжья и Приуралья. Вторая половина XVI–начало XX вв.: Дисс. ... канд. ист. Наук. – Казань, 1999. – 162 с.
142. Мухамеджанов М. Повесть о моей жизни. – Ташкент, 1964. На узб. яз. – 3-е изд., исп. и доп.
143. Мухаметзянова Д.С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 216 с.
144. Мухаметшина Г.Б. Зайнулла Расулев – религиозный подвижник и мыслитель. // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира: материалы международной научно-практической конференции (5–7 июня 2007 г.). – Уфа, 2008.
145. Надыргулов М. Ижадында – заман эззэр. // Ватандаш. – 1996. – № 1.
146. Народное образование на Урале в XVIII–начале XX вв. – Свердловск, 1990. – 148 с.
147. Насыров И.Р. Духовное наследие религиозного мыслителя и суфийского шейха Зайн Аллаха ар-Расули (Расулева) в диалоге прошлого и настоящего. // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель-философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Материалы международной научно-практической конференции. – Уфа: БашГУ, 2008. – С. 45.

148. Насыров Р. Может он был пророком? // Истоки. – № 16 (576), 16 апреля 2008. – С. 4.
149. Насыров И.Р. Мурат Рамзи и его взгляды на джадидизм // Восток в исторических судьбах России: Материалы V всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 г. – Кн. 3. – Уфа: Вилли Окслер, 2006.
150. Насыров Р. Шейх Зайнулла Расулев. Божественные истины. – Изб. – Уфа: Китап, 2008. – 176 с.
151. Национальная школа: концепция, цели, приоритеты. – М., 1994.
152. Нигматуллин А.М. Из истории медресе «Галия» и несколько слов об организаторе медресе Зыя Камали // Урал-Алтай: через века в будущее Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2005. – С. 468–469.
153. Никольский Д.П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. – СПб., 1899.
154. Нуреев Р.Р. Национальные школы Нижнего Поволжья в последней трети XIX–начале XX вв.: Дисс ... канд. ист. наук. Казан. гос. ун-т. – Казань, 2006. – 168 с.
155. Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк о татарских и башкирских школах Уфимской губернии по данным исследований Уфимского губернского земства в 1912–1913 гг. – Уфа: Изд. Уф. губ. земст., 1915. – 92 с.
156. Обухов М.И. Народное образование в Уфимской Губернии в 1917 г. Краткий очерк состояния народного образования ко времени преобразования земства. – Уфа, 1917. – 18 с.
157. Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкнигоиздат, 1956. – Т. 1. – Ч. 1.
158. Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкнигоиздат, 1959. – Т. 1. – Ч. 2. – 538 с.
159. Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – Т. 2. – 643 с.
160. Очерки по культуре народов Башкортостана. Учебное пособие. / Под ред. В.Л. Бенина, З.Р. Браславской. Р.Я. Бухарбаева. – Уфа: Китап, 1994. – 161 с.
161. Раев Р.А. Медресе «Галия» – 100 лет // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2006. – С. 168–170.
162. Развитие школьного образования Республики Башкортостан в XX в. – Уфа, 2001.
163. Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии (революционное движение в 1905 – 1907 гг.). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 650 с.
164. Рашитов А. «Галия» // Башкортостан. – 19 марта 1992. – С. 4.
165. Рахимкулова М. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург, 1997.
166. Рахимкулова М. Университетлар урнэгэннэн. // Казан утлары. – 1992. – №№ 1-2. – С. 138–136.
167. Рахимов С. Медресе «Галия» // Идель. – 1991. – № 1. – С. 36–39.

168. Рахимов С. «Галия» мэдрэсэсе // Омет. – 1992. 24, 26 марта (на тат. яз.).
169. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа, 2000.
170. Рахматуллина З.Н. Ислам и менталитет башкир. // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира: материалы международной научно-практической конференции (5 – 7 июня 2007 г.). – Уфа, 2008.
171. Рахмангулова С.Г. Муфтий Габдрахман Расулев – старший сын ишана хазрата Расулева. – Челябинск, 2000.
172. Рождественский С. Исторический обзор деятельности МНП (1802–1902). – СПб., 1902. – 782 с.
173. Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы межрегиональной научно практической конференции, посвященной 100-летию медресе «Галия», 31 октября 2006 г. – Уфа, РИО РУПМЦ МО РБ, 2006.
174. Российский Исламский университет / Сост. Раев Р.А., Кашапов А.М. – Уфа, ООО «ЦДУМ», 2006. – 98 с.
175. Рыбаков С.Г. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. – СПб., 1900. – 28 с.
176. Рыбаков С.Г. Статистика мусульман в России // Мир ислама. – 1913. – Т. 2. – Вып. XI. – С. 758–759.
177. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Ч. II. – СПб., 1762.
178. Сагди Г. Татар эдэбияты тарихы. – Казань, 1926.
179. Салихов Р. Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX–начало XX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1997.
180. Санжениаков И.М. Развитие просвещения и образования инородцев горного Алтая в XIX–XX в.: Автореф. дисс. ... канд. пед наук. – М., 2008.
181. Селезнев Н.А. Нерусские школы в Башкирии: Дисс. ... канд. пед. наук. – Уфа, 1948. – 309 с.
182. Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения, тюркологии: материалы I Международной молодежной научно-практической конференции. – Н. Новгород: Медина, 2007.
183. Сукталиев Ф. К 90-летию со дня открытия российского педагогического центра Медресе Галия диния // Эхо веков. – 1996. – №№ 3–4.
184. Сулейманова Л.Ш. История становления и развития национальных общеобразовательных школ и педагогических учебных заведений в Башкортостане (1900–начало 70-х гг. XX в.): Дисс. ... д-ра ист. наук. – Уфа, 2000. – 457 с.
185. Сулейманова Л.Ш. История становления и развития системы просвещения башкирского населения. // Башкиры в составе Российской

федерации: история, современность, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Третьему Всемирному курултаю башкир. (20 апреля 2010 г.). – Ч. 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 185–190.

186. Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое сорокалетие XX века. – Уфа, 2000. – 212 с.

187. Сулейманова Л.Ш. Формирование национального учительства в Башкортостане в конце XIX–начале XX вв. // Социальная история Южного Урала в новое и новейшее время: Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. – Уфа, 2003.

188. Сулейманова Л.Ш. Этапы становления и развития национального образования в Башкортостане. – Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ, 2002. – 55 с.

189. Сулейманова Р.Н. Медресе «Галия» – кузница национальных кадров // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всеросс. науч. конф. – Уфа, 2005. – С. 470.

190. Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4. – С. 24.

191. Тарабановская Е.А. Развитие образования татар, калмыков, казахов в Астраханской губернии (XIX–начало XX вв.): Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 2001. – 205 с.

192. Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1998.

193. Творчество Ризы Фахретдинова: Сб. статей. – Уфа, 1988. – 136 с.

194. Тенчурина Х.Ш. Становление и развитие профессионально-педагогического образования (последняя треть XIX–начало 90-х годов XX века). Дисс. ... д-ра пед. наук. – М., 2002. – 449 с.

195. Тузбекова Л.Я. Медресе «Галия» – высшее мусульманское учебное заведение Башкортостана (1906–1919). – Уфа, 2007. – 146 с.

196. Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» (1906 – 1919 гг.) в духовной культуре народов Башкортостана // Молодые ученые – юбилею УТИС: Сборник; материалов Респ. науч.-практ. конф. молодых ученых. – Уфа, УТИС, 2001. – С. 65–66.

197. Тузбекова Л.С. К истории мусульманских учебных заведений Башкортостана в XIX–начале XX вв. // II Международная научная конференция «Язык и культура»: Тезисы докладов (17–21 сентября 2003, Москва). – М., 2003. – С. 599–600.

198. Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» (1906–1919 гг.) центр взаимодействия и взаимообогащения духовной культуры тюркских народов Евразии // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2005. – С. 471–472.

199. Тузбекова Л.С. Меценаты – основополагающее звено в деятельности мусульманских образовательных учреждений конца XIX–XX вв. // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы межрегиональной науч.-практ. конференции, посвященной 100-летию медресе «Галия», 31 октября 2006 г. – Уфа, РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. – С. 147–152.

200. Тулебаева М.С. Становление развитие системы управления образованием в Башкирии (конец XIX–XX в.): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Уфа, 2001. – 28 с.
201. Узиков Ю. Исторические памятники Уфы. – Уфа: «Китап», 1999. – 288 с.
202. Уметбаев М. Башкиры // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 159–174.
203. Устав Уфимского мусульманского дамского общества. – Уфа, 1907. – 4 с.
204. Утэбай-Карими Р. Мэдрэсэи Галия (ачылуына 90 ел тулу унае белен) // Тулпар. – 1996. – № 5. – С. 31–35.
205. Утябай-Карими Р. Медресе «Галия» // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С. 391.
206. Утябай-Карими Р. Медресе «Галия» (на баш. яз.) // Ватандаш – 1996. – № 2. – С. 189–198.
207. Утябай Карими. Уроки Халиуллы хазрата // Ватандаш. – 1997. – № 11. – С. 150–155.
208. Утягулов Р. Муллакаевскому медресе – 175 лет // Ватандаш. – 1997. – № 11. – С. 146–50.
209. Фархшатов М.Н. Медресе «Гусмания». (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1998. – № 2. – С. 115–117.
210. Фархшатов М.Н. Медресе «Гусмания» // Краткая энциклопедия Башкортостан. – С. 391.
211. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. – М.: Наука, 1994. – 144 с.
212. Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). – Уфа, 2000. – 259 с.
213. Фатихов Г.Н. Педагогические взгляды башкирских просветителей и писателей. – Пермь, 1974. – 259 с.
214. Фотоальбом. Медресе «Хусания» в городе Оренбурге. Составитель М. Рахимкулова. – Оренбург, 1975.
215. Хабутдинова М. Медресе «Усмания» // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004. – С. 207–208.
216. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII–начале XX веков. – Казань, 2001.
217. Хабутдинов А.Ю. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар. – Н.Новгород: Изд. дом «Медина», 2006. – 95 с.
218. Хайруллин Б.Х. Каргалинские медресе // Роль дореволюционных духовных учебных заведений в просветительстве народа: Материалы конференции. – Уфа, 2006. – С. 125–129.
219. Хамитбаева Н.С. Вопросы образования у татар на страницах газеты «Тарджиман» (1889–1894) // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992.
220. Хасанов М.Г. Ибрагимов. – Казань, 1964 (на тат. яз.).
221. Хусаинов Г.Б. Духовный мир Башкирского народа. – Уфа, 2003.

222. Хусаинов Г. Медресе «Хусаиния» // Ватандаш. – 1997. – № 7. – С. 101–103; 122–128.
223. Хусаинов Г.Б. Ризаэтдин бин Фахретдин. – Уфа: Китап, 1997. – 304 с.
224. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. – Уфа, 1859. – С. 108.
225. Чечуха А., Курбатова Н. Медресе «Галия» // Уфимские ведомости (приложение к журналу «Уфа»). – 19 января 2005. – № 2 (106).
226. Чечуха А. Медресе «Галия» // Уфимские ведомости (приложение к журналу «Уфа»). – 27 января 2005. – № 3 (107).
227. Чижов Н. Д. Уфа в прошлом, как центр просвещения // Сборник трудов кафедры психологии и педагогики БГПИ им. К.А. Тимирязева и Башкирской психиатрической больницы. / Под общей ред. И.Ф. Случевского. – Уфа, 1946. – Вып. II. – С. 111–165.
228. Чишмы – край светлых родников. – Уфа, 2004. – 320 с.
229. Шайхзада Бабич. Фотоальбом / Сост. Р. Бикбаев. – Уфа: Китап, 1995.
230. Шакур Р. З. Акмулла в воспоминаниях, преданиях, легендах и байтах // Звезда поэзии: Башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Акмулла. – Уфа, 1984.
231. Шакур Р.З. Судьба поэта и изучение его жизни и творчества // Истоки духовности. Исследования. Публицистика. – Уфа: Гилем, 2009. – С. 279–295.
232. Шакур Р.З. Слово о великом шейхе // Истоки духовности. Исследования. Публицистика. – Уфа: Гилем, 2009. – С. 301–310.
233. Шакуров Р. Исламская утопия: проект счастья // Родина. – 2006. – № 6. – С. 33–37.
234. Шараф Б. Гани-бай. – Оренбург, 1913.
235. Шафикова З.Х. Башкирская педагогическая мысль II половины XIX в. и ее влияние на развитие воспитания в национальной школе: Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1994. – 136 с.
236. Шерстобитов В.А. Дореволюционные учебные заведения на nive просветительства народа. // Роль дореволюционных учебных заведений в просветительстве народа: материалы научно-практической конференции, 31 октября 2006 г. – Уфа, 2006. – С. 82.
237. Шумилова. М. Зия Камали – основатель медресе «Галия» // Послание. – 2006. – № 10. – С. 8.
238. Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: исторические очерки. – М., 1948. – 280 с.
239. Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа, 1972. – 334 с.
240. Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. – Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1995. – 286 с.
241. Юсупов М. Галимджан Баруди. – Казань, 2003.

242. Якупов Р.И. Толерантный ислам // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 192–193.
243. Якупов В. Устав и программа Мусульманской духовной семинарии «Медресе Хусаиния» в г. Оренбурге. – Казань, 1998.
244. Ялалов Ф.Г. Становление и развитие национального гимназического образования: Дисс. ... д-ра пед. наук. – Казань, 2001. – 460 с.
245. Ямаева Л.А. Вопросы школьного образования и мусульманская фракция в Государственной Думе России (1906–1912 гг.) // Ядкаръ. – 1996. – № 1. – С. 134 – 138.
246. Ямаева Л.А. Духовный король башкирского народа – шейх Зайнулла Расулев // Панорама Евразии. – 2008. – № 2. – С. 37–44.
247. Ямаева Л.А. Либеральное движение среди мусульман Башкирии в 1905–1914 гг. // Страницы истории Башкортостана XX века. Сборник статей. – Уфа: Гилем, 1998. – С. 56–79.
248. Ямаева Л.А. Мусульмане Башкортостана на рубеже XIX–XX вв. (численность, этнический и социальный состав): Статистический очерк. – Уфа, 1999. – 51 с.
249. Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа: Гилем, 2002. – 300 с.
250. Ямаева Л.А. «Союз мусульман России» и его съезды // Ватандаш. – 1999. – № 11. – С. 141–150.

